

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

М. А. ЗАБОРОВ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

М. А. ЗАБОРОВ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1956

Ответственный редактор
А. П. КАЖДАН

ВВЕДЕНИЕ

Крестовые походы... Многие, увидев эти слова в заглавии книги, припомнят, быть может, увлекательные страницы из романов Вальтера Скотта, его «Роберта, графа Парижского» и «Айвенго». В памяти других, возможно, сохранился менее красочный, но зато гораздо более соответствующий историческим фактам рассказ школьного учебника о том, как западные рыцари в средние века воевали с «неверными» за Иерусалим. Но, вероятно, большинство читателей, взяв в руки эту книгу, прежде всего подумают: события крестовых походов отстоят от нашего времени на многие сотни лет, и что за дело нам, советским людям, строящим коммунизм, до каких-то феодальных войн, происходивших в столь отдаленные времена, да еще под религиозными знаменами? Для чего понадобилось вновь писать историю крестовых походов?

Да, крестовые походы французских, германских, итальянских, английских и других феодалов, вдохновлявшиеся римско-католической церковью,— это, действительно, дела давно минувших дней.

Но, во-первых, их изучение представляет немалый научный интерес. Ведь XI—XIII вв. были насыщены событиями большой важности в истории стран Запада и Востока. Это — время наиболее полного развития феодального строя, «классического средневековья». Для марксистской исторической науки поэтому далеко не безразлично, какое место занимают крестовые походы в истории средневекового общества этого периода. Установить объективное содержание и подлинный характер крестового движения, выяснить его общественно-экономические корни, проследить роль в нем католической церкви, определить

влияние крестовых походов на общественно-политическую атмосферу своего времени, — все это задачи, от решения которых во многом зависит правильное понимание эпохи XI—XIII вв. Изучение крестовых походов дает богатый материал для выработки возможно более полных и точных научных представлений о важнейших особенностях средневековья.

А во-вторых, к сожалению, в наше время эти дела давно минувших дней нашли открытых подражателей и защитников. «Священные войны» XI—XIII вв. привлекают к себе в последние десятилетия самое пристальное внимание политиков и идеологов империалистической буржуазии, стремящихся возродить в несколько подновленном виде идеи и лозунги, которыми некогда папство старалось воодушевлять средневековых захватчиков-рыцарей, отправлявшихся за добычей в Сирию и Палестину, в Египет и Константинополь. Эти стремления получили большое распространение в период «холодной войны», когда лозунг «крестового похода» сделался одним из пропагандистских средств воинствующих империалистов. Они становились в позу защитников христианской религии и объявляли себя «спасителями христианской веры и морали» от якобы угрожающего той и другой «атеистического коммунизма».

Обращение к средневековью в поисках способов обмана народов очень показательно для идейных защитников современного капитализма. Оно свидетельствует о том, что в страхе перед растущим и крепнущим пролетариатом господствующий класс цепляется за все старое, отмирающее, средневековое, вступает в союз «со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»¹. С наибольшим усердием всегда стремился гальванизировать идею «крестового похода», давным-давно погребенную в истории, главный центр католицизма — Ватикан. Поборники «холодной войны», поддерживаемые и благословляемые главой римско-католической церкви, прибегали к средствам, заимствованным из идеологического арсенала нацистов, включая и лозунг «крестового похода». Об этом говорил на Европейском совещании по обеспечению мира и безопасности в Европе

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 77.

30 ноября 1954 г. глава делегации Чехословацкой республики¹. На эту особенность пропаганды, проводившейся сторонниками курса «с позиции силы», давно уже обращали внимание народов руководящие деятели всемирного движения в защиту мира. Так, Фредерик Жолио-Кюри в своем вступительном слове на Венском конгрессе народов в защиту мира (12 декабря 1952 г.) отмечал попытки империалистической пропаганды, «создавая атмосферу крестового похода, подогревать у населения фанатизм и подготовить его к самой ужасной бойне»². В речи на заключительном заседании Национальной ассамблеи миролюбивых сил Франции (4 апреля 1955 г.)³ Ф. Жолио-Кюри, разоблачая опасность атомного шантажа врагов мира, указал, что реакционные силы хотят «развязать атомную войну как крестовый поход за уничтожение режима, отличающегося от их собственного»; они отрицают «возможность мирного сосуществования различных режимов» и стремятся «развивать идею крестового похода» против не удобного им режима.

Стремление использовать лозунг крестовых походов наблюдалось не только в устных и печатных заявлениях тех или иных политических деятелей капиталистического мира, в пропаганде Ватикана, проводившейся в разгар «холодной войны». Идея крестового похода против «безбожного коммунизма» популяризировалась и в современной буржуазной исторической науке. Конечно, делалось это не открыто, а в замаскированной форме. В многочисленных книгах и статьях послевоенных лет под видом «объективного» изучения и изложения истории крестовых походов (причем на все лады подчеркивались чисто «просветительные» стремления авторов этих работ) безудержно восхвалялись разбойничьи деяния средневековых крестоносцев. Немало историков в США, Англии и Франции, оправдывая феодальных захватчиков и колонизаторов, прославляя деятельность католической церкви по организации крестовых походов XI—XIII вв., расчищали тем самым дорогу прямым пропагандистам «крестового похода» против лагеря демократии и социализма.

---

¹ «Новое время», 1954, № 49. Документы, стр. 25.

² «Правда», 13.XII 1952.

³ «Правда», 7 IV 1955.

Вся эта пропагандистская деятельность идейных прислужников монополистического капитала представляла, а при известных условиях может и впредь представлять определенную опасность для дела мира. Это признают даже некоторые буржуазные публицисты. В сентябре 1955 г. в американском журнале «Нейшн» была напечатана статья К. Рексрота, квалифицировавшего искажения истории крестовых походов некоторыми современными учеными как «опасные»: такие искажения, по его словам, «сбивают с толку государственных деятелей и военных»¹, иначе говоря, — служат политическим интересам реакционных и агрессивных сил.

Вот почему весьма и весьма важно вырвать отравленное ядом лжи оружие из рук тех, кто еще пытается обмануть народы. Для этого-то и нужно понять, чем на самом деле были крестовые походы, к возрождению духа которых совсем недавно призывали противники мирного существования. Являлись ли они актом благочестия, предпринятым Западом во имя высоких религиозных идеалов, «священными войнами», «вооруженными паломничествами», единственным и главным двигателем которых была религия? Правильный, научно обоснованный ответ на этот вопрос может содействовать установлению того, какова истинная цена крестоносных призывов кликушесствующих врагов мира в наши дни. В этом — одна из задач настоящей книги. Автор ее не стремился полностью осветить историю крестовых походов XI—XIII вв. Его цель — рассказать лишь о важнейших событиях этого движения и таким образом помочь читателю уяснить их действительную историю.

---

¹ Kenneth Rexroth. The unchristian crusades, «The Nation», 10 September 1955, p. 226.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИЧИНЫ И ПОДГОТОВКА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Вопрос о причинах крестовых походов давно уже занимает историческую науку. Ученые прошлого и нынешнего столетий выдвинули много различных объяснений, почему на протяжении почти двух веков (крестовые походы происходили с перерывами с 1096 по 1270 г.) довольно значительные массы людей из Западной Европы устремлялись, по призыву католической церкви, на завоевание стран, которые мы теперь называем Ближним Востоком.

Авторы трудов, вышедших в первые десятилетия XIX в., такие, как, например, Ф. Вилькен и Ж. Мишо, находясь под сильным влиянием церковно-католической традиции, видели в крестовых походах проявление глубокой религиозности западных народов в средние века. По мнению этих историков, крестовые походы возникли как результат искреннего желания западноевропейских народов, воодушевленных религиозными чувствами, отвоевать у мусульман город Иерусалим с так называемым гробом господним и другие «святые места» в Палестине, где якобы родился Иисус Христос и где, по евангельским легендам, протекала земная жизнь этого мифического основателя христианства.

Позднее, с развитием науки, по мере того, как становились известными все новые факты и вырабатывался более критический подход к историческим памятникам средневековья, большинство историков отказались от такого наивного, откровенно идеалистического изображения причин крестовых походов. Ученые второй половины XIX и

начала XX в., глубже разобравшись в собранном ими огромном документальном материале, обратили внимание на различные явления общественной - экономической жизни XI—XIII столетий, послужившие побудительными причинами крестового движения: тяжелое положение народных масс в Западной Европе (Г. Прутц, Т. Вольф), торговые интересы североитальянских городов, участвовавших в крестовых походах (В. Гейд). Многие историки (Л. Брейе, У. Стивенсон, В. Норден и др.) высказывали мнение, что папство побуждало к организации крестовых походов политические мотивы: стремление поднять свой престиж в борьбе с германскими императорами и добиться воссоединения греко-православной церкви с римской.

Стараясь реалистично подойти к вопросу, некоторые буржуазные ученые выдвигали отдельные правильные положения о причинах крестовых походов, строили не лишённые остроты наблюдательности догадки о реальных экономических и социально-политических факторах, которые действительно лежали в основе крестового движения. Такими ценными наблюдениями богаты труды многих французских (П. Риан, Н. де Вайи, Л. Брейе, А. Люшер, Ф. Шаландон), немецких (Г. Зибель, Г. Прутц, Б. Куглер, Т. Вольф), австрийских (Р. Рерихт), русских (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, П. Митрофанов, Д. Н. Егоров) и других ученых.

Но все же в буржуазной исторической науке, даже в лучшую пору ее развития, сложная проблема причин крестовых походов в целом не получила более или менее верного и всестороннего решения. Этому мешали идеалистические взгляды, господствовавшие среди ученых. По сути дела, исследователи никогда полностью не отказывались от наивного представления о крестовых походах как о борьбе двух религий (христианства и ислама), борьбе «креста с полумесяцем», по определению немецкого историка Г. Зибеля.

Что же касается сочинений современных нам буржуазных авторов, то хотя часть из них продолжает реалистические традиции прежних исследователей, но многие историки в своих рассуждениях о причинах крестового движения открыто возвращаются к старым, отвергнутым даже буржуазной наукой взглядам начала прошлого века.

Иные из этих ученых подчас выступают с позиций религиозного мракобесия и отстаивают теории, угодные Ватикану. Находясь в плену идеализма, современные буржуазные историки большей частью оказываются в совершенно беспомощном положении при попытках объяснить, чем были вызваны крестовые походы. Как правило, они ограничиваются повторением домислов о «религиозной экзальтации», овладевшей Западом в XI в. и якобы порожденной церковными преобразованиями, об идее «священной войны», которая приобрела популярность на почве этой религиозной экзальтации, и т. п.¹

Крестовые походы, по словам, например, Ива Ле Февра, преследовали только одну цель — борьбу за победу одной религии, они решали только один вопрос, будет ли мир христианским или мусульманским, будут ли его нравы и установления определяться евангелием или кораном². Разумеется, такого рода объяснения нельзя признать удовлетворительными. Некоторые современные историки, не умея по существу объяснить происхождение крестовых походов, ограничиваются лишь тем, что со скептической усмешкой отвергают элементы материалистического подхода к этой проблеме, имевшиеся в старой буржуазной историографии³. Во всяком случае, мысль о том, что причины крестовых походов коренились исключительно в идейной атмосфере эпохи, является господствующей в сочинениях современных западных исследователей⁴.

¹ F. L. Ganshof. Histoire des relations internationales. T. I. Le moyen âge. Paris, 1953, p. 86.

² I. Le Febvre. Pierre l'Ermite et la croisade. Amiens, 1946, p. 31—33.

³ Так поступает, например, Жан Ришар, высмеивающий попытки связать первый крестовый поход, как он выражается, с «экономическим кризисом», якобы вызванным введением усовершенствованной упряжки, которое «повлекло за собой массовое разорение» крестьян и рыцарей (J. Richard. Le royaume latin de Jérusalem. Paris, 1953, p. 29). Ришар здесь умышленно доводит до абсурда взгляды историков, стоявших на позициях так называемого экономического материализма.

⁴ Этот тезис, например, настойчиво проводится в работах П. Русса, в том числе, в его докладе («Идея крестового похода у западных хронистов»), прочитанном на X международном конгрессе историков в Риме (сентябрь 1955 г.). Повторяя основные положения своей книги «Происхождение и особенности первого крестового похода» (1945 г.), Русс всячески подчеркивает здесь идейные стимулы, будто бы породившие крестоносное движение; среди причин его воз-

Правильный путь к подлинно научному освещению проблемы возникновения крестовых походов наметила советская историческая наука, руководствующаяся марксистско-ленинским учением исторического материализма.

Многие важные стороны этой проблемы были изучены в трудах Е. А. Косминского, Н. П. Грацианского, В. В. Стоклицкой-Терешкович, Б. Н. Заходера, Н. А. Сидоровой и других советских историков.

Каковы были действительные причины крестовых походов? Для того, чтобы понять их, нужно уяснить, по крайней мере, три главных вопроса:

1) почему крестьяне и феодалы Западной Европы (позже — горожане) с конца XI в. двинулись в заморские страны — в Сирию и Палестину;

2) почему это движение происходило под религиозным флагом;

3) какие обстоятельства обусловили его направленность, во всяком случае на первых порах, именно в сторону восточных берегов Средиземноморья.

Отвечая на эти вопросы, необходимо рассмотреть положение различных классов феодального Запада к концу XI в., роль католической церкви в феодальном обществе того времени, экономические и политические взаимоотношения между Западной Европой, Византией и Востоком накануне крестовых походов.

* * *

В жизни народов Западной Европы XI столетие было озаменовано началом больших экономических сдвигов. Успехи в обработке шерсти, металлов, в строительном деле, так же как в земледелии и скотоводстве, привели

никновения он выдвигает на первый план «психологический климат», «настроение умов и сердец» в XI в. и т. п. [*X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Relazioni*] (далее: «*Relazioni*»), vol. III, Firenze, 1955, p. 561].

Сходные взгляды высказывали многие другие ученые, в частности, американцы Дж. Л. Ламонт и А. С. Атия. Последний в своих лекциях, прочитанных в апреле 1951 г. в Чикагском университете, представлял крестовые походы как «войну идей и идеалов», в которой средневековые народы якобы «сражались за религию» (A. S. Atiyā. *The crusades: old ideas and new conceptions*. «*Cahiers d'histoire mondiale*», vol. II, № 2, Paris, 1954, p. 470).

к постепенному отделению ремесла от сельского хозяйства. В Европе стали возникать и расти города. Между городом и сельской округой завязывались более или менее регулярные торговые отношения; обмен приобрел постоянный характер. Постепенно начинали расширяться и международные торговые связи, — и не только между европейскими странами: укреплялась торговля этих стран с Византией и Востоком. В восточную торговлю, до тех пор совсем незначительную, было вовлечено довольно много городов. С давних пор с арабами торговал Арль (Южная Франция). Еще в IX в. из Лиона, Марселя, Авиньона дважды в год отправлялись торговые экспедиции в египетскую Александрию. Оттуда они привозили пряности Индии, аравийские благовония и другие восточные товары, распространяли их по рекам вглубь Франции. Из итальянских городов регулярную торговлю с Востоком вел Бари. В 1086 г. отсюда направился в сирийскую Антиохию караван кораблей, груженных фруктами и иными товарами.

В Египте частыми гостями были купцы из Амальфи. Египетский султан, властвовавший и над Палестиной, уступил им даже целый квартал в Иерусалиме. Энергично торговали с Востоком купцы Венеции. В начале XI в. венецианские посольства направлялись почти ко всем арабским правителям — в Алеппо, Дамаск, Каир. Ведущая роль в торговле с Востоком принадлежала молодым итальянским республикам.

Расчетливые купцы Северной Италии приняли в дальнейшем активное участие в крестовых походах. Их побудило к этому стремление к наживе, к тому, чтобы укрепить свои позиции посредников в торговле Востока с Западом и оттеснить главного соперника итальянских городов в восточной части Средиземного моря — Византию. Но непосредственное влияние торговых интересов североитальянских республик (в качестве одной из причин крестовых походов) сказалось не сразу. Генуя, Пиза, Венеция начали активно выступать в крестовых походах только тогда, когда крестоносное движение привело к известным практическим результатам. На раннем этапе его горожане Северной Италии играли гораздо менее значительную роль, чем представители других общественных групп Западной Европы.

Причины крестовых походов коренились, в первую очередь, в переменах, которые совершились к XI в. в положении главных общественных классов на Западе на основе происшедших там экономических сдвигов.

Крестьянство и его борьба против феодального гнета

В XI в. крестьянство в наиболее значительных западноевропейских странах было почти целиком закрепощено. Кое-где крестьяне еще сохраняли личную свободу, но их количество было невелико, да к тому же и они не являлись полностью свободными, так как были обязаны своему господину различными платежами за землю. Крепостные несли барщину (до трех дней в неделю) и были обременены другими, весьма многочисленными повинностями. В платежи, вносившиеся феодалу натурой — продуктами крестьянского хозяйства, входили и чинш, и подушный сбор, и плата за пользование лесом или лугом, и взносы на содержание войска сеньера в походе. Существовали еще особые повинности, символизировавшие личную зависимость крепостного, или серва; так, например, если наследники умершего крепостного хотели удержать за собой имущество, по праву «мертвой руки» переходившее к сеньеру, — они должны были уплатить выкуп господину отдать ему лучший скот, лучшую одежду. Во время празднования некоторых семейных событий у феодала (свадьба, наступление совершеннолетия старшего сына и т. д.) от крепостного требовали единовременных взносов. И это — не считая разного рода судебных, мостовых, рыночных и тому подобных пошлин, которые крестьянин платил сеньеру, как государю принадлежавших ему земель. К этому нужно добавить еще подать, которую подневольные крестьяне вносили церкви, — «десятину»: последняя в действительности нередко превышала одну десятую долю крестьянских доходов.

Когда с появлением городов стала развиваться торговля, материальное положение крестьянина сделалось еще более тяжким. Сеньеры теперь уже не довольствовались только тем, что поступало от крепостных в виде муки, масла, яиц, мяса, ягод. Аппетиты феодалов возрастали. Они хотели покупать и изделия городских ремес-

ленников, лучшие по качеству, чем те, которые изготовляли свои, деревенские мастера, — оружие, одежду, обувь, доспехи; они приобретали постепенно вкус и к различным заморским товарам, доставлявшимся итальянскими купцами: тканям, винам, украшениям, предметам обихода. Потребности сеньеров становились все более разнообразными. Поэтому сеньеры сделались требовательнее: с каждым годом они увеличивали по своему произволу количество всевозможных поборов. В XI в. местами вводятся уже денежные сборы, чрезвычайно обременительные для крестьян: феодалам нужны были деньги. Из одной грамоты монастыря св. Михаила в Лотарингии (XI в.) мы видим, например, как некий граф Райнальд, для того чтобы получить с монастырских крестьян денежный сбор (талью), «заключил людей наших [монастыря] в темницу и пытками вымогал их имущество». Сам граф цинично заявлял, — это отмечается в грамоте, — что тиранство свое «вершил не по праву». Многие документы XI—XII вв. дают яркое представление о том, как безжалостно притесняли светские и церковные сеньеры своих крепостных крестьян, требуя с них новых и новых платежей.

Но не только феодальные поборы и произвол душили крестьянина. Немалую роль в его обнищании играли те нескончаемые войны, которые велись повсеместно на Западе в XI в. То было время господства феодальной раздробленности. Во Франции крупные и мелкие сеньеры беспрестанно враждовали друг с другом. Феодальные распри раздирали и Германию, где шла война различных феодальных группировок, связанная с борьбой между императорами и папами за инвеституру. Ожесточенные междоусобицы феодальных «партий» происходили в Италии и в других странах.

Первой жертвой бесконечных войн феодалов оказывался крестьянин. Во время этих войн сеньеры не щадили крестьянских посевов. Скудное имущество землепашца подвергалось грабежу и разорению. Его жилище обрекалось пламени, собранный урожай нередко уничтожался. «Жажда войны так свирепствовала, — говорит о смутах среди нормандской знати в конце XI в. хронист Ордерик Виталий, — что крестьяне и мирные горожане не могли спокойно оставаться в своих домах». Жуткую картину опустошений — следствие феодальных усобиц — рисуют

монастырские документы. В одном из них, относящемся к 1050 г., сказано: «Вследствие частых войн эта местность (в Турени.— М. З.) была превращена в пустыню и почти семь лет в ней никто не жил». В другом под 1062 г. записано: «Поля (в Анжу.— М. З.) были опустошены и покинуты».

Итак, феодальная анархия значительно ухудшала положение массы крестьянства. Задавленный феодальным гнетом крепостной крестьянин и его семья вынуждены были постоянно вести полуголодное существование.

Следует также принять во внимание, что труд подневольного хлебопашца был мало производителен. Несмотря на некоторые улучшения в обработке почвы, техника земледелия оставалась убогой, примитивной: землю обрабатывали большей частью ручным способом — лопатой, мотыгой; рабочего скота для вспашки почвы тяжелым деревянным плугом, применявшимся в то время, не хватало; нередко пахали на коровах, к которым иногда припрягали даже козлов. Удобрляли землю редко и плохо. Плодородие почвы почти не восстанавливалось, и она быстро истощалась.

Не приходится удивляться, что в XI в. неурожаи и голод очень часто поражали различные страны Европы. Некоторые ученые пытались объяснить этот голод ссылками на какие-то особые колебания климата, якобы происходившие в то время, т. е. свести причины бедствий крестьянства к стихийным явлениям в природе. Разумеется, стихийные бедствия — засуха, град, чрезмерное выпадение осадков в той или иной местности — оказывали губительное воздействие на жизнь деревни, и недаром хронисты XI в. сплошь и рядом упоминают об этих стихийных явлениях. Но дело в том, что особо разрушительные последствия их были обусловлены низким уровнем сельскохозяйственной техники и всем строем общественной жизни.

О том, какие ужасающие размеры принимали голодовки в XI в., свидетельствуют хотя бы случаи людоедства, нередко наблюдавшиеся во время этого голода. Страшное описание широкого распространения каннибализма во время голода, захватившего многие области во Франции в 1032 г. и продолжавшегося три года, оставил бургундский хронист Радульф Глабер. Этот набожный летописец,

считавший, как и многие его современники, причиной голода гнев божий на людей, погрязших «в грехах», рассказывает: «Люди пожирали мясо людей. На путников нападали те, кто был посильнее, делили их на части и, изжарив на огне, пожирали... Во многих местах тела, вырытые из земли, тоже шли на утоление голода... Есть мясо людей казалось до такой степени обычным, что некто вынес его вареным на рынок в Турнюс, как какую-нибудь говядину. Его схватили, он не отрицал своего преступления; его связали и сожгли на костре. Мясо же, зарытое в землю, ночью другой вырыл и съел». То, о чем сообщает Радульф Глабер, — не единичный факт в жизни XI в. Многие летописцы того времени рисуют бедствия населения в голодные годы. А они следовали непрерывной чередой. Французский историк Даре де ла Шаванн подсчитал, что в XI в. было 26 неурожайных лет, т. е. неурожайные годы составили более четверти столетия. Особенно частым гостем деревни голод сделался в конце столетия, когда Западная Европа пережила целую полосу голода — «семь тощих лет» (1087—1095).

Хронические неурожай и голод, которые влекли за собой и падеж скота, были настоящим бичом для крестьянства. Они сопровождались опустошительными эпидемиями. Повальные болезни в голодные годы косили тысячи обессиленных от недоедания людей в деревнях и городах. «Многие села остались без земледельцев», — лаконично отмечает один французский летописец, повествуя об эпидемии чумы в 1094 г. По сообщению другого современника, 8500 человек умерли в Регенсбурге за три месяца этой же эпидемии. И эти бедствия обрушивались на крестьянина в то время, как феодальный гнет усиливался все больше и больше. Именно рост феодальной эксплуатации составлял главный, решающий фактор разорения крестьянства в XI в., как крепостного, так и находившегося на пути к закрепощению.

Гнет сеньеров порождал законное возмущение крестьян. Оно выражалось по-разному. В некоторых местах крестьяне поднимали настоящие восстания — «мятежи», как называют их летописцы. Такие восстания проходили в XI в. в Бретани, во Фландрии, в Англии. Активные выступления крестьян против феодальных притеснителей происходили также во Франции незадолго до начала пер-

вого крестового похода. Хронисты сообщают о том, как измученные нуждой и голодом люди поджигали, грабили, опустошали имения «богачей», расправлялись с теми, кто, пользуясь бедственным положением народа, ссужал бедняков деньгами на кабальных условиях и часто лишал их последних остатков и без того жалкого имущества. «Бедные мучили богатых грабежами и поджогами», — сокрушается монах-летописец Сигберт из Жамблу.

Стихийный протест крепостных часто принимал в эту эпоху и иные, пассивные формы. Не видя выхода из омути нищеты и бесправия, одни впадали в полное отчаяние: известны случаи группового самоубийства в деревнях в 90-х годах XI в. Другие в поисках спасения от ужасов феодальной действительности стремились отмежеваться от нее хотя бы «духовно». В народе возникали особые религиозные учения, по сути дела отвергавшие феодальные порядки и призывавшие к социальному равенству. Церковь объявила эти учения «еретическими» и беспощадно преследовала «отступников», потому что под видом религиозной «ереси» проявлялся протест масс против крепостнической эксплуатации. Во Франции и в Италии «еретики» — крестьяне и горожане (а именно к XI в. относятся первые известия о ересь в этих странах) считали земной мир порождением дьявола и призывали к отречению от всего плотского¹.

Третьи пытались на практике так или иначе порвать с ненавистным миром зла, хотя и не боролись против него активно. Во время «семи тощих лет» усилилась тяга в монастыри, к отшельничеству. Наблюдались и иные проявления аскетизма, т. е. стремления «умертвить плоть», освободить себя таким образом от житейских тягот. По рассказу швабского хрониста Бернольда, в Германии, например, в 1091 г. многие крестьянские девушки отказывались от замужества. Имели место случаи отказа от собственности, причем он даже возводился в принцип («собственность отягощает душу»). Многими людьми, которым будущее не сулило никакого просвета, — жизнь с каждым днем делалась все более безотрадней, — овладел дух подвижничества.

---

¹ Н. А. Сидорова. Народные еретические движения во Франции в XI и XII вв. Сб. «Средние века», т. IV, М., 1953, стр. 74 и сл.

Это — очень своеобразное явление эпохи; его нужно правильно понять и учесть, чтобы как следует разобраться в причинах крестовых походов. Буржуазные историки много писали об «аскетическом духе» на Западе в XI в., о подъеме религиозных чувств, пытаясь объяснить этим крестовые походы. Но они не видели, что усиление религиозных настроений в массах имело определенную материальную подкладку¹. Оно было порождено невыносимыми условиями, в которых оказалось к тому времени трудовое население.

Крепостной крестьянин, забитый нуждой, придавленный личной зависимостью от помещика, был принижен также своей умственной темнотой². Ее всемерно поддерживала церковь, учившая крестьянина покорности, терпению, страху. Находясь во власти фантастических религиозных взглядов, темный и невежественный крестьянин воспринимал бедствия, постигавшие его, через призму своего религиозного мировоззрения. Неурожай, голод, «огненная чума»³, унесшая в могилу его детей,— все это в глазах земледельца, опутанного сетями религии, являлось прежде всего результатом и проявлением «гнева божьего», карой небесной, ниспосланной свыше за неведомые «грехи». Отсюда сама собой возникала мысль,

---

¹ Интересно отметить, что ссылки на «религиозное чувство» как на главную, если не единственную причину крестовых походов не могут удовлетворить даже некоторых, передовых буржуазных ученых. В этом отношении примечательно выступление французского византиниста П. Лемерля на X международном (Римском) конгрессе историков. В своем докладе («Византия и крестовые походы») этот ученый заявил, что, как ни важен был «религиозный фактор», он, однако, не объясняет во всей полноте крестовых походов — явление, которое, по словам докладчика, «на практике и по сути часто находится в противоречии с христианством». Концентрация религиозного чувства, отметил Лемерль, имела под собой «позитивные основы». «Для меня очевидно, что эти основы крестовых походов были социального и экономического порядка», — сказал докладчик и подчеркнул, что «проблема крестовых походов» должна решаться, в первую очередь, изучением «сферы аграрных отношений во Франции» (P. Lemerle. Byzance et la croisade. «Relazioni», vol. III, p. 615—616).

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

³ «Огненной чумой» (*pestilentia ignearia*) называли тогда спорышную болезнь, получающую широкое распространение в неурожайные годы. В 1089 г. многие районы Франции, Германии, Западной Лотарингии, Брабанта были охвачены эпидемией этой страшной болезни.

что избавиться от страданий повседневной жизни можно лишь умиловив разгневанные небесные силы. Но как?

Находясь всецело под влиянием церкви, крестьянин думал, что всемогущий бог сменит гнев на милость, если он, грешный человек, докажет свою приверженность богу, совершив какой-либо особенный, из ряда вон выходящий, героический поступок — подвиг во «искупление грехов», если он примет «мученичество» за веру. Жажда вырваться из цепких лап сеньера и выбиться из нужды рождала стремление к религиозному подвигу, страстное желание свободы получало религиозное выражение. «Дух подвижничества», характерный для умонастроения определенных слоев народной массы в XI в., был одним из многообразных проявлений пассивного протеста крестьянства против всевластия сеньеров.

Наиболее распространенным методом пассивной борьбы крепостных с возраставшим феодальным гнетом было бегство. Целыми селами крестьяне снимались с мест и уходили куда глаза глядят. Многие, словно затравленные звери, бежали в леса. «Все жители прихода разбежались..., крестьяне ушли в леса и не желали возвращаться», — гласит скупая, но выразительная запись от 1059 г. в книгах вандейского монастыря св. Максенция. Бегство крестьян — повсеместное явление в XI в. О нем повествуют хроники, различные грамоты, «жития святых» и другие литературные памятники того времени. Уходят крепостные крестьяне светских и церковных сеньеров, уходят те, которым «нечего было есть», пишет безымянный автор XI в. о крестьянах шварцвальдского монастыря св. Георга в Германии, решивших в 1092 г. покинуть монастырь. Видный церковный сановник аббат Петр Достопочтенный замечает в одном из своих писем, что крепостные принуждены были покинуть свои земли и бежать на чужбину¹. Норманец Ордрик Виталий также упоминает о бегстве «очень многих жителей» во время междоусобных войн в Нормандии. В жалобе лотарингского монастыря св. Михаила говорится, что люди этого монастыря, которым стало не под силу выносить страшные притеснения и «коварство» графа Райнальда, «земли наши впусте оставляют».

¹ Правда, это известие относится к началу XII в., но нет оснований думать, что в конце XI в. дело обстояло иначе.

Крестьяне уходили с насиженных мест, ища в бегстве спасения от поборов и вымогательств, от разбойничьих нападений феодальных банд, от лютого голода и страшных болезней.

Таково было положение крестьянства накануне крестовых походов. Полунищая, глубоко страдавшая от угнетения феодалов деревня ни к чему так сильно не стремилась, как к освобождению от нужды и крепостных пут, и по-своему, активно или (чаще) пассивно, все энергичнее боролась против феодальной эксплуатации. Мы увидим дальше, как сумела учесть настроения крестьянства католическая церковь при организации крестовых походов.

Обострение пртиворечий внутри господствующего класса

Экономические сдвиги на Западе, наметившиеся к XI в., не могли не коснуться и господствующего класса. С одной стороны, рост торговых связей влек за собой увеличение потребностей сеньеров, с другой — возможности удовлетворить разыгравшиеся аппетиты были не очень велики. Истощенное поборами и неурожаями, крестьянское хозяйство с его жалкой техникой давало не так уж много. Чем дальше, тем более рискованно было заставлять мужика стягивать веревку, служившую ему вместо пояса: деревня начинала волноваться. Сеньеры не могли чувствовать себя в полной безопасности от своих же сервов.

Феодальные владельцы всегда вели бесконечные усобицы друг с другом (так называемые файды — частные войны). Теперь они становятся особенно частыми. Сеньеры затевали их по всякому, даже ничтожному поводу, с одной лишь целью — захвата новых земель и крепостных. Но файды еще более озлобляли деревню. Кроме того, для успешного ведения войн сеньер должен был содержать много вассалов — рыцарей, обязанных ему военной службой. За службу нужно было вознаграждать землей. Между тем, свободных земель во Франции, Германии и других странах Запада уже не было. Наличный же фонд земли был роздан вассалам. Таким образом, многие воинственно настроенные сеньеры заходили в тупик. Нужны были новые земли. Но где их взять? Где получить средства,

которых крепостные не могли и не хотели предоставить, несмотря на все ухищрения и «тиранство» их господ?

Положение осложнялось еще одним очень важным обстоятельством. В XI в. земли мелких и средних владельцев все чаще становились собственностью крупных феодалов¹.

В странах Запада образовалась значительная прослойка безземельных рыцарей. Во многом этому способствовал установившийся к тому времени порядок наследования феодальных поместий — майорат: владения феодала не дробились между его сыновьями, а переходили целиком к старшему из них². В результате в семьях феодальных землевладельцев появилось немало обделенных сыновей; отсюда пошли рыцари с прозвищами «безземельный», «неимуший», «голяк», — рыцари, с которыми мы встретимся в начале крестовых походов.

И если уже многие крупные феодалы в XI в. не могли удовлетворять свои потребности так, как им этого хотелось бы, то что говорить о мелком рыцарстве? Оно и по-прежнему оказывалось не в состоянии покрыть свои расходы. Приобретение поместий и крепостных становилось его заветным стремлением. Наиболее доступным способом поправить свои дела рыцари считали разбой и грабежи. Шайками и поодиночке рыскали они по Франции, Фландрии, Лотарингии и другим землям, нападали на деревни, забирали у крестьян все, что было можно: жалкие запасы зерна, одежду, даже орудия труда — плуг и кирку. Не брезговали рыцари и грабежами на проезжих дорогах. В 1096 г. сеньер Робер Пероннский принес жалобу арльскому епископу на некоего рыцаря, который обобрал его, Робера, людей, везших вино на рынок в город Арль. Автор Камбрейской хроники называет один из замков епископства «несчастьем» для всех живших вблизи него крестьян, — такой ущерб причиняли им грабительские на-

---

¹ «Поглощение» мелкого землевладения крупным происходило различными путями. Чаще всего мелкие владения захватывались во время фэйд более сильными сеньерами; иногда происходила добровольная передача таких владений феодальным магнатам, монастырям с целью получения определенных выгод, материальных и «духовных» (покровительства, должности, «прощения грехов» и пр.).

² Название этой системы наследования — «майорат» — происходит от латинского слова *major* — старший.

леты его владельца. Такими же разбойничьими гнездами были и многие другие замки.

Нередко рыцарские банды нападали на крупные поместья; особенно соблазнительной приманкой были богатые владения церквей и монастырей. Рыцари, благочестие которых так любят восхвалять некоторые историки, не стеснялись, как говорится в документе середины XI в., «нападать на невооруженных клириков, монахов или монахинь»; они не останавливались перед тем, чтобы «причинять вред общинам каноников..., а также землям и владениям, коими церкви..., невооруженные клирики, монахи и монахини пользуются». Здесь они захватывали лошадей, быков, коров, ослов, овец, баранов, ягнят, коз; на юге Франции сжигали оливковые насаждения. Выразительную характеристику этим ватагам рыцарской голытьбы дал римский папа Лев IX. «Я видел,— писал он,— этот буйный народ, невероятно яростный и нечестием превосходящий язычников, разрушающий повсеместно церкви божии, преследующий христиан, которых они иногда заставляли умирать в страшных мучениях... Они не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин».

Разбой оскудевшего рыцарства довершали разорение крестьянства. Вместе с тем они наносили ущерб и крупному землевладению, в первую очередь церковному, менее обеспеченному вооруженной силой. Конечно, обедневший рыцарь и знатный сеньер принадлежали к одному классу. Главным врагом и могущественного барона, и монастыря, и рыцаря (даже если он с полным на то основанием получал прозвище «неимущего») был крепостной, чье «мятежное» поведение мешало сеньерам всех рангов и категорий беспрепятственно грабить его. Но и борьба внутри класса феодалов имела определенное значение. Она еще настоятельнее побуждала правящие верхи феодалского общества искать какого-либо выхода из положения, создавшегося в итоге экономических и социальных сдвигов, происходивших в XI в., с которыми читатель уже знаком.

Развитие социальных противоречий в феодальном обществе в XI в. создает на Западе необычайно тревожную обстановку «смутного времени»: неурожай, голодовки, эпидемии, волнения и бегство крестьян, разбой рыцарской мелкоты, конфликты крупных феодалов и феодальных группировок между собой. Сочинения писателей и выступ-

ления церковных деятелей того времени полны жалоб и беспокойства по поводу неустойчивости общественной жизни. Французский аббат Гвиберт Ножанский пишет о «смятении во всем французском королевстве». Германский монах Эккегард Аврейский говорит о многих «неблагоприятных обстоятельствах», в которых проходила жизнь людей в конце XI в.: «общественный раздор», голод, огромная смертность от эпидемий. Римский папа Урбан II с сокрушением отметит позднее в своей речи на Клермонском соборе¹: «днем и ночью нет покоя от грабителей и разбойников». Он укажет на бесчинства «похитителей чужого добра» и «нарушителей чужого права», на тех, кто поджигает, и тех, кто «им сочувствует».

Насущные интересы господствующего класса выдвигали перед ним задачу — найти средство, которое, во-первых, позволило бы обеспечить возросшие потребности сеньеров в земле, в подневольной рабочей силе, деньгах и богатствах всякого рода и, во-вторых, изменить положение, ставшее угрожающим для их существования. Средство это было подсказано католической церкви.

Католическая церковь — оплот феодального строя. Политика папства и первые шаги феодальной экспансии Запада

В те времена, о которых идет речь, католическая церковь была крупнейшим феодальным землевладельцем. Высшие сановники католической церкви — папы, кардиналы, архиепископы, епископы, аббаты — принадлежали к феодальной знати. Церкви и монастыри непрерывно расширяли свои владения. В то время как собственность светских сеньеров имела тенденцию к сокращению, поскольку приходилось раздавать земли за службу вассалам, церковные феодалы, напротив, постоянно обогащались за счет даров и подношений: ведь католическая религия внушала, что путем одаривания земных слуг бога можно искупить «грехи»; церковники охотно принимали щедрые подарки королей, князей, рыцарей, обязуясь взамен молиться за «спасение души» дарителей.

Как феодальный землевладелец, церковь жесточайшим образом эксплуатировала своих крепостных крестьян

¹ См. ниже, стр 51 и сл.

ян. Многие монастыри, например в Южной Франции, давно втянулись в торговлю. Аббаты не пренебрегали выгодами, которые давала продажа вина, зерна и других продуктов монастырского хозяйства, приобретенных трудом крепостных. Эта связь с рынком побуждала церковных землевладельцев высасывать из крестьянина максимум возможного.

Но католическая церковь не только сама являлась крупным феодальным собственником. Своим учением о том, что земные порядки установлены богом, а погому не подлежат изменению, она помогала всему феодальному классу держать в узде трудящихся.

Таким образом, католическая церковь служила оплотом феодальных порядков в целом. Она выступала в качестве «наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹. Причем католическая церковь выполняла эту роль защитницы феодальных угнетателей не только в пределах какой-нибудь одной страны Западной Европы; как писал Ф. Энгельс, она являлась «крупным интернациональным центром феодальной системы»². Она поставляла и стремилась насаждать свою религиозную идеологию во всей Западной Европе.

К активной защите феодального строя была направлена также политика католической церкви. Она определялась и непосредственными интересами церкви, как богатого феодального собственника, и общественно-политическими потребностями всего правящего класса на Западе. Ведь в XI в. центральная государственная власть внутри отдельных европейских стран была очень слабой. Католическая церковь, щупальцы которой были протянуты повсюду благодаря ее иерархической организации, своей деятельностью восполняла эту слабость. Она не только содействовала стремлениям сеньеров держать в повиновении крепостную массу (будь то во Франции, в Германии, Англии или Италии), но и оказывала правящему классу в целом всемерную и всестороннюю поддержку в других отношениях, в том числе, как мы увидим, и в расширении территориальных границ его господства.

---

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1952, стр. 34.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 93.

Когда в X—XI вв. крепостные крестьяне начали подниматься против сеньеров, католическая церковь испугалась, прежде всего, за судьбу своих собственных владений. Увидев, что дальнейший рост крестьянского возмущения угрожает их обширным поместьям, церковники не замедлили принять свои меры.

Экономически наиболее сильным церковным учреждением, могучим проводником религиозной идеологии были монастыри. Они-то еще в X в. и взяли на себя почин целой серии преобразований в католической церкви, которые должны были укрепить ее моральные и материальные позиции, усовершенствовать организацию, увеличить силы — для того, чтобы сделать ее могущественным орудием обуздания крепостной массы. Инициатором этих преобразований выступил бургундский монастырь Ключи, основанный в 910 г., почему и все церковно-реформаторское движение, развернувшееся на Западе с X в., получило название ключийского.

Была создана централизованная монастырская организация — Ключийский орден. В эту конгрегацию со временем вошли сотни монастырей из разных стран. Верховным главой ее являлся римский папа, в распоряжение которого были переданы, таким образом, огромные материальные ресурсы монастырского землевладения.

Введением суровых монастырских правил, провозглашением celibата (безбрачия духовенства) и многими другими реформами ключийцы пытались обеспечить надлежащий престиж церкви в глазах народа. В то же время они решили обуздать «мятежные» элементы крестьянства, а заодно и тех сеньеров, которые наиболее открыто приносили в жертву своей корысти интересы феодалов как класса, угрожая навлечь на него всеобщую ненависть народа.

Для того, чтобы усмирить деревню и ввести в известные рамки своеволие иных баронов и рыцарей, по инициативе ключийцев с конца X в. устанавливаются запреты военных действий в определенные дни недели («божий мир» и «божье перемирие») — с вечера среды до утра понедельника. Церковники кстати рассчитывали и этим повысить свой авторитет среди рядовых мирян, подчеркивая свою роль поборников прекращения диких, опустошительных междоусобиц во имя мира вообще. Но «божьи

перемирия» не приводили к желательным результатам: ведь они не устраняли причин мятежей и смут, раздиравших страны Запада. Приходилось то и дело возобновлять постановления о днях «мира»: в первой половине XI в. такие постановления, например, во Франции выносятся соборами и отдельными архиепископами чуть ли не каждые десять лет.

Вот почему католическая церковь, не ограничиваясь реформами, стала одновременно изыскивать другие пути, чтобы уберечь господствующий класс от опасности, исходившей со стороны угнетенного крестьянства, иначе говоря — отвести от церковного и прочего феодального землевладения угрозу крестьянского возмущения и если не ликвидировать целиком борьбу крепостных, то хотя бы свести ее к минимуму. Одновременно предстояло решить и другую задачу: предоставить какие-то гарантии крупному землевладению против своеволия и грабежей «безземельных» и «голяков», ублаготворив вместе с тем и эту чересчур распоясавшуюся рыцарскую бедноту. Нужно было найти средства сочетать интересы мелкого рыцарства с интересами церковных и светских магнатов.

Вопрос состоял в том, как и за чей счет это сделать. Куда обратить взоры крестьянства, жаждавшего земли и свободы, да притом так, чтобы это было безболезненно и даже выгодно для церкви и прочих феодалов? В какую сторону направить рыцарство, алчущее поместий и богатств, и знать, стремящуюся к расширению своих владений?

Решение этих задач пришло не сразу. Оно созревало постепенно в течение десятилетий. Выработывая его, стараясь привести как бы к одному знаменателю интересы и стремления различных общественных слоев к вящей выгоде феодального класса, верхи католической церкви, папство, как ее руководящий центр, принимали во внимание самые разнообразнейшие факторы внутреннего и международного характера. Причем решение это возникало не только в среде церковников. К нему шли и определенные круги светской феодальной знати. К этому решению и тех и других побуждала вся историческая обстановка XI в.

Прежде всего, нельзя было не принять в расчет массовое бегство крепостных, ибо это был весьма реальный, практически ощущавшийся всеми феодалами обществен-

ный фактор. Церковные землевладельцы давно уже старались использовать это движение в своих интересах: они принимали к себе беглых крестьян, давали им убежище, заставляя на определенных условиях раскорчевывать леса, и расширяли таким образом свои владения¹. Но, конечно, эта мера отнюдь не избавляла церковно-монастырские поместья, не говоря уже о других, от опасности крестьянского возмущения.

Далее. Рыцарская вольница, не довольствуясь грабежами у себя дома, предпринимает в XI в. завоевательные походы в другие страны.

С XI в. французское рыцарство включается в борьбу за отвоевание территорий, захваченных арабами в Испании, — в реконкисту. На Пиренейский полуостров устремляются значительные отряды рыцарской вольницы и феодальных баронов из Нормандии и южнофранцузских областей. Их привлекала перспектива захвата земель и наживы за счет богатых арабских городов. Первыми отправляются рыцари герцогства Аквитанского и графства Тулузского: в 1063—1064 гг. в долину р. Эбро двинулась довольно большая армия во главе с герцогом Гийомом VIII Аквитанским. Рассказы вернувшихся во Францию о богатой добыче разжигают жадность других. Организуются все новые и новые походы в Испанию: в 1073 г. — поход, руководимый шампанским бароном Эблем де Руси (его войско потерпело неудачу); с последней четверти XI в. — экспедиции бургундских сеньеров и рыцарей, игравших все более активную роль в реконкисте. Во взятии Толедо в 1085 г. кастильским королем Альфонсом VI участвовали не только испанские, но и французские и немецкие рыцари.

В 1087 г., после поражения Альфонса VI, нанесенного ему альморавидским² султаном Юсуфом ибн-Ташфином (в октябре 1086 г.), во Франции составилось еще одно сильное феодальное ополчение. Возглавляли его герцог Эд Бургундский и граф Раймунд Тулузский, будущий участник крестового похода на Иерусалим. Результаты этого

---

¹ Такие беглецы крестьяне, оседавшие в церковных владениях, называются в документах «гостями».

² Альморавиды — берберские кочевые племена, завоевавшие во второй половине XI в. территорию современного Марокко и части Алжира в Северной Африке и вторгшиеся отсюда в 1086 г. в Испанию.

предприятия, если не считать новых грабежей, свелись к нулю¹. В войны с арабами вовлекались не только рыцари и наиболее агрессивно настроенные магнаты, но и крестьянство. Размах этих экспедиций возрастал. Причем не одна лишь Испания манила мелких и крупных феодальных хищников.

С 1016 г. потомки скандинавов — нормандцы — устремляются на завоевание плодородных земель Южной Италии. Побеждая здесь арабов и Византию, они основывают ряд феодальных княжеств. В 1066 г. опустошительному завоеванию воинственных нормандских дружин подверглась Англия. В 1071 г. нормандцы завладели Сицилией. Весь XI век заполнен разбойничьими предприятиями рыцарских банд, растекавшихся во все концы известного тогда мира. В каком бы месте ни возникала война, всегда находилось множество охотников принять в ней участие в надежде на добычу. Рыцари, жившие только своим мечом, готовы были драться где угодно, за что угодно и с кем угодно.

Все эти движения не могли не привлечь к себе внимания церкви, озабоченной положением феодальных землевладельцев и стремившейся к усилению своего могущества. Бургундские монахи-кляунийцы в XI в. сделались рьяными пропагандистами участия французских феодалов в испанской реконкисте, папство одобрило походы французов в Испанию². В реконкисте папы видели средство, при помощи которого можно было попытаться разрешить задачи, о которых уже было сказано.

Римская курия все более упорно стремится использовать пассивные формы борьбы крестьянства за лучшую жизнь, ставшие наиболее привычными для него, — бегство, религиозное «подвижничество» и т. п. Она ставит своей задачей взять под контроль эти движения, придать им более «организованный» характер с тем, чтобы обезвредить, нейтрализовать антифеодальную борьбу крестьянской массы. Поощряя участие ее в реконкисте, верхи католической церкви достигали сразу двух целей:

¹ Интересный материал об участии французов в реконкисте собран в книге французского историка Al. Défournеаux «Les françaises en Espagne au XI et XII siècles». Paris, 1949.

² P. David. Etudes historiques sur la Galice et le Portugal du VI-e au XII-e siècles. Lisbonne et Paris, 1947, p. 317 (La papauté et la reconquête); Défournеаux. Ук. соч., стр. 18.

1) протест крестьянства против феодального гнета устремлялся в русло, достаточно безопасное для господствующего класса,— поместья светской и церковной знати избавлялись в известной мере от мятежного элемента;

2) крестьянское движение направлялось к прямой выгоде для верхов католической церкви и светских феодалов, которые жаждали поживиться в Испании.

Одновременно, санкционируя участие европейского рыцарства в реконкисте, папство отсылало рыцарскую воительницу на окраины западноевропейского феодального мира, указывало ей более «подходящее» поле деятельности.

Римская курия не просто поддержала французские экспедиции против испанских арабов, но и постаралась усилить воинственный пыл во Франции, окружив участников испанских походов ореолом «мученичества» за веру.

Клюнийцы провозгласили священными войны с арабами-мусульманами в Испании. Папа Александр II, благословивший поход 1063—1064 гг., объявил об отпущении грехов каждому, кто пойдет сражаться «за дело креста». Григорий VII — один из видных клюнийских пап-реформаторов — ровно через неделю после своего избрания на папский престол (в конце апреля 1073 г.) пытался побудить французов к походу в Испанию: было объявлено, что они смогут владеть землями, которые отнимут у «неверных», при условии признания верховной власти апостольского престола над отвоеванными территориями; в письмах к князьям, отправившимся в Испанию, Григорий VII, прежде всего, напоминает, что «испанское королевство, хотя и занято язычниками, принадлежит только апостольскому престолу»; снова было дано отпущение грехов тем, кто падет в боях с «неверными». Папство все более энергично вмешивается в дела реконквисты, призывая французов к подвигам «во славу божью». С полным основанием можно утверждать, что военные экспедиции французского рыцарства (с участием крестьян) в Испанию — это, по сути дела, уже «крестовые походы до крестовых походов». Недаром К. Маркс видел в походе Альфонса VI Кастильского на Толедо (в 1085 г.) «прелюдию первого крестового похода»¹.

¹ К. Маркс. Хронологические выписки «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 93.

Что касается завоевательных экспедиций нормандцев в Южной Италии, то папство поддержало и использовало их в своих политических целях. Нормандские отряды утверждаются в византийской Италии с благословения папы Николая II. Роберт Гвискар — предводитель нормандских конкистадоров, став герцогом Апулии и Калабрии, в 1059 г. признал своим сюзереном папу римского: он обязался платить ему ежегодную дань и оказывать военную поддержку. В качестве ленника папского престола Роберт Гвискар принял обязательство защищать новый порядок папских выборов, введенный в 1059 г.¹ При этом нормандский предводитель принес папе вассальную присягу не только за области Южной Италии, но и за Сицилию, которую еще предстояло завоевать. Папа заранее санкционировал нападение на Сицилию. Нельзя не вспомнить при этом, что папство оказало содействие и нормандским рыцарям Вильгельма Незаконнорожденного, овладевшим в 1066 г. Англией.

Наконец, в XI в. все более интенсивным становится еще одно, довольно пестрое по социальному составу своих участников движение. Это — паломничества из стран Западной Европы в Иерусалим. Они, безусловно, сыграли свою роль в подготовке крестовых походов и существенно облегчили папству нахождение той общей платформы, на которой, к удовлетворению всех категорий феодалов, могли бы сойтись противоречивые стремления различных общественных классов и групп.

Буржуазные ученые в большинстве своем утверждали и утверждают, что паломничества носили исключительно религиозный характер. Английский историк Ст. Рэнсимен, например, в первой части своей трехтомной «Истории крестовых походов», уделяя целую главу «христовым паломникам», заявляет, вполне в духе Мишо, будто бы ими руководило одно только благочестивое желание — ступить на землю, где родился, страдал и умер Христос, увидеть священные реликвии и даже... войти в некое мистическое

---

¹ До середины XI в. выборы римских пап происходили при прямом вмешательстве императоров «Священной Римской империи» и других феодалов, что ущемляло авторитет папства. Латеранский собор 1059 г., созванный клюнийским папой Николаем II, установил порядок избрания римских пап коллегией кардиналов, устранив вмешательство императора.

соприкосновение с богом и его святыми¹. На самом деле это было, конечно, совсем не так. В паломничествах к «святому граду», которые к концу XI в. становятся довольно частыми, участвуют люди из разных стран, принадлежащие к различным общественным слоям. Сюда направляются крупные феодальные сеньеры Франции, Испании, Англии и других государств (графы Тулузский, Анжуйский, Барселонский, Конрад Люксембургский в 1085 г., Роберт Фландрский в 1088 г., графы Голландский, Кентский, герцог Нормандский). В глазах людей этого круга религиозные соображения могли играть известную, иногда даже значительную роль, но часто к заморскому путешествию крупных феодалов побуждали причины, делавшие их безжалостными тиранами крепостных на родине: погоня за богатством, желание приобрести различные предметы роскоши, которые можно было получить только на Востоке: ведь Иерусалим являлся крупным центром торговли между Западом и Востоком. К сеньерам присоединялись толпы рыцарей: «безземельные» и «неимущие» искали здесь возможностей поправить свое положение, а заодно и «замолить» преступления, совершенные дома. В паломничествах участвовало также немало выходцев из деревенских и городских низов. В глазах крепостных паломничество являлось религиозным подвигом, средством «искупления грехов». А мы уже знаем, что дух подвижничества, в конечном счете, был религиозно осмысленным выражением освободительных чаяний крепостной массы. В паломничествах людей из народа, следовательно, можно с полным основанием видеть один из методов пассивного сопротивления крестьян феодальному гнету, о которых говорилось выше. Бургундский хронист Радульф Глабер замечает, что в Иерусалим вначале отправлялись бедные люди, потом — люди среднего достатка и уже после всех — богатые и короли.

Но, разумеется, паломничества давали лишь очень ограниченный выход антифеодальным, освободительным настроениям бедняков. На этот путь становились в лучшем случае сотни, редко — тысячи людей. Самое значительное движение такого рода произошло в 1064—1065 гг., когда

---

¹ St. Runciman. A history of the crusades. Vol. I. Cambridge, 1951, p. 44.

к Иерусалиму отправились семь (по другим данным — тринадцать) тысяч паломников (немцев и англичан), которыми предводительствовали архиепископ Зигфрид Майнцский и аббат Ингульф Кройландский¹. Французский историк Ив Ле Февр называет это паломничество «прологом к крестовому походу»².

Папство не могло игнорировать и эти движения, тем более что по внешности они носили отчетливо выраженный религиозный характер, проходили под религиозным знаменем. Активное участие в паломничествах принимают высшие сановники католического клира. В XI в. в Иерусалим направляются итальянские и французские (верденский епископ Тьерри, Пибон, епископ г. Туля), немецкие, шведские (епископ Роскильд в 1086 г.) и английские прелаты. Для них паломничество было способом поднять престиж церкви в глазах своих «людей», а ведь это являлось одной из важных задач, поставленных церковными реформаторами в то время. Конечно, церковникам были не чужды и торговые цели паломничеств.

Таким образом, в течение ряда десятилетий, предшествовавших началу крестовых походов на Восток, католическая церковь словно нащупывала пути к решению главной задачи, которая выдвигалась перед ней, как «интернациональным центром феодальной системы», всем развитием общественной жизни на Западе.

В процессе этих поисков католическая церковь убеждается в слабости некоторых средств, которые она пробовала использовать. Так, явная неудача постигла французов в Испании. Местные феодальные сеньеры не желали отдавать своим «союзникам» добычу — ни земель, ни богатств. Постоянные конфликты французских сеньеров с испанцами³ обрекали на провал как замыслы французской знати, так и виды папства в Испании. Это стало очевидным к концу XI в. Но к тому времени католической церкви удалось выдвинуть новую цель, к которой она направит разнородные стремления и крестьян и феодалов. Ей удалось слить в общий поток различные по своей сущности движения, и она попыталась таким путем обеспечить как свои собственные интересы, так и интересы фео-

¹ Большая часть пилигримов погибла в пути, не дойдя до цели.

² I. Le Febvre. Ук. соч., стр. 55.

³ См. Al. Défourneaux. Ук. соч., стр. 145.

дального класса в целом. Выбор этой цели и средств к ее достижению определила круто изменившаяся во второй половине XI в. международная обстановка.

Папская программа создания теократической монархии. Первые наброски плана крестового похода

Создание клюнийской конгрегации под главенством римских пап и внутрицерковные реформы содействовали укреплению позиций папства.

Римская курия становилась центром, который один только и мог претендовать на то, чтобы выполнить роль организатора и объединителя распыленных сил господствующего класса. Со времени правления Григория VII (1073—1085) папство стало все настойчивее изъяслять притязания на верховенство не только над христианской церковью (эти притязания вытекали из стремления еще более упрочить положение, завоеванное в результате клюнийского движения), но и над светскими государями. Григорий VII сформулировал своего рода программу установления «всемирного» владычества римских пап. Князья и короли — не более, как вассалы римского престола. Папа вправе распоряжаться коронами, назначать и смещать не только епископов, но и герцогов, королей, императоров. Всякая власть действительна лишь постольку, поскольку она исходит от главы церкви. Иначе и быть не должно: бог «дал власть святому Петру вязать и решить па небесах и на земле» — с заносчивостью писал Григорий VII архиепископу Герману Мецскому (в 1076 г.).

У Григория VII сложился план создания некоего мирового государства во главе с римским папой в роли неограниченного властителя. В эту теократическую¹ монархию должны были войти все «христианские» государства.

Григорий VII не ограничился отвлеченными богословско-теоретическими рассуждениями. Были сделаны попытки реализовать эти реакционные, противоречившие ходу исторического развития идеи установления всемирного папского владычества. Григорий VII упорно добивался от английского короля Вильгельма Завоевателя покорности

---

¹ Теократия (греч.— «боговластие») — государственный строй, при котором верховная власть принадлежит духовенству.

апостольскому престолу: «Ты должен повиноваться мне без всяких колебаний, дабы ты мог унаследовать царство небесное». Он требовал от французского короля Филиппа I невмешательства в церковные дела: папа своей властью должен ставить епископов во Франции. Если король не подчинится, то «французы, пораженные мечом анафемы, откажутся впредь повиноваться ему». Венгерскому королю Гейзе I папа заявлял, что «королевство венгерское принадлежит святому престолу». В Польше он отлучил от церкви Болеслава II. Испанию Григорий VII рассматривал как вотчину св. Петра. Даже на далекой Руси пытался папа утвердить господство римского «наместника божьего», пользуясь распрями среди киевских князей: в 1075 г. он вручил власть над Киевской Русью изгнанному оттуда князю Изяславу, который, изменив родине, признал себя вассалом папы и согласился, в случае возвращения ему Киева, сделать Киевскую Русь леном апостольского престола¹.

Григорий VII самым серьезным образом намеревался принудить всех «христианских королей» к ленной присяге, а следовательно, и к обязательным ежегодным взносам в папскую казну.

Наиболее длительным и напряженным оказалось столкновение папства с императорами «Священной Римской империи», вылившееся в многолетний конфликт различных феодальных группировок Германии и Италии (он известен в истории под не совсем точным названием «борьбы папства с Империей» или «борьбы за инвеституру»). Борьба эта продолжалась и при преемниках Григория VII.

Таким образом, клюнийские папы выступили в XI в. как «цезари в первосвященнических рясах», по меткому выражению немецкого историка В. Нордена. Господство, власть.— вот что стало их лозунгом². Конечно, причины этого — вовсе не в честолюбии или властолюбии того или иного папы: они лежат глубже. Политические притязания наместников «святого Петра», тенденции к созданию «универсальной» папской теократии были лишь внешним проявлением и показателем того, какое значение приобрели в Европе в XI в. римско-католическая церковь и ее центр —

---

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Госполитиздат, 1953, стр. 496.

² W. Norden. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, S. 56.

папская курия. Ко второй половине XI столетия, т. е. ко времени серьезного обострения социальной борьбы на Западе, католическая церковь оказалась самой крепкой, централизованной, располагавшей огромными богатствами феодальной организацией. Такое положение делало ее кровно заинтересованной в решительном укреплении феодального режима. Вот почему папство возымело намерение не только защитить материальные интересы самой церкви, но и стать организующим центром разрозненных сил феодалов. Отсюда — и притязания Рима на «всемирное» владычество. Последнее вовсе не было самоцелью: это было скорее средством для достижения цели — основательного упрочения позиций феодального землевладения перед лицом «смут», раздиравших Запад в XI столетии.

Существенной составной частью этой программы было стремление папства ликвидировать самостоятельность восточной, греко-православной церкви¹. Именно в связи с этими попытками возникли и первые наброски плана организовать завоевательный поход на Восток. Этот план был предложен не кем иным, как Григорием VII. Ближайшая цель его состояла в том, чтобы, поставив греческую церковь под начало апостольского престола, проложить дорогу к подчинению папской власти и самой Византийской империи. Это значительно расширило бы материальные ресурсы римско-католической церкви и облегчило бы папству осуществление его универсалистской программы на Западе, особенно в отношении «Священной Римской империи».

Для проведения в жизнь этих широких замыслов папство воспользовалось переменами в международной обста-

---

¹ Окончательный раскол («схизма») или разделение церквей, т. е. образование римско-католической и греко-православной церквей, вызванное различием социально-политических судеб стран, входивших некогда в Западную и Восточную Римскую империи, произошел в 1054 г. Догматические расхождения и ритуальные различия между «латинской» и «греческой» церквями были незначительны, хотя именно они с самого начала сделали предметом ожесточенных споров богословов и церковников Запада и Востока. За этими спорами всегда стояли политические противоречия и интересы определенных групп феодального общества «латинского» Запада и «православной» Византии, в частности противоречия, вытекавшие из стремления установить господство над южнославянскими и западнославянскими странами.

новке, которые произошли к началу 70-х годов и крайне отрицательно отразились на положении Византии.

Наследница Римской империи на Востоке давно уже растеряла многие из своих прежних владений. Территориальную основу Византийской империи составляли теперь главным образом Балканы и Малая Азия. Но и эти владения Византийского государства становились все более непрочными. В то же время византийские города играли еще важную роль в средиземноморской торговле; в особенности Константинополь был средоточием значительных богатств. В середине XI в. владения Византии начали тревожить тюркские кочевники — печенеги, захватившие к тому времени огромное степное пространство на юге Восточной Европы — от северных берегов Нижнего Дуная до Днепра и далее, к востоку от него. С 1048 г. печенежские ханы стали совершать частые набеги на византийскую территорию; печенеги опустошали Болгарию, Македонию, Фракию, доходили до Адрианополя и угрожали самой столице — Константинополю. Когда же в начале 50-х годов эта опасность миновала, — Византии удалось очистить пределы Фракии и Македонии от печенегов, — их сменили другие кочевники: огузы-торки, половцы. Опасность набегов степных кочевников на многие годы нависла над империей.

Но еще более грозным оказался для нее натиск тюркских кочевых племен, явившихся с Востока — из Средней Азии. Это были сельджуки. В 40-х годах они овладели южнокаспийскими областями, Западным и Центральным Ираном, а в 1055 г., покорив Месопотамию, заняли Багдад — столицу некогда могущественного халифата Аббасидов. Завоевания сельджуков на этом не остановились. В правление султана Алп-Арслана (1063—1072) сельджуки вторглись в Армению, большая часть которой находилась тогда под властью Византии. Они воссали с Грузией и во все большем количестве просачивались непосредственно в византийские провинции Малой Азии — в Каппадокию и во Фригию.

В Византии вспыхнула паника. Воснная опасность со стороны сельджуков дала перевес в междоусобной борьбе феодальных партий малазиатским динамам — «военной партии». Корону захватил способный военачальник Роман IV Диоген (1068—1071). Он попытался остановить

продвижение сельджуков. Однако и в этот критический для Византии момент правящие группировки руководствовались своими корыстными интересами. При дворе Романа IV гнездилась измена. Разведка сообщала ложные сведения о неприятеле. Командиры войска были деморализованы, дисциплина среди солдат подорвана. В 1071 г. в битве с сельджуками при Маназкерт — севернее озера Ван (в Армении) — византийское войско потерпело страшное поражение. Роман IV попал в плен. Тем временем в Константинополе на престоле утвердился ставленник столичной бюрократии Михаил VII Дука. Византийцы отказались даже внести выкуп за пленного императора. Он был отпущен Алп-Арсланом на слово, но по возвращении Романа IV в Византию приближенные нового венценосца схватили его и, ослепив, по византийскому обычаю, заключили в темницу.

В результате катастрофического для Византии поражения при Маназкерт империя потеряла свои богатые малоазиатские провинции; ей удалось удержать за собой лишь немногие прибрежные города на западе полуострова. По выражению одного историка, из окон императорского дворца в Константинополе теперь можно было видеть на востоке горы, которые уже не принадлежали империи. Византия оказалась в руках завоевателей в короткий срок, прежде всего в силу того, что общественные порядки, утверждавшиеся сельджуками, несли вначале некоторое облегчение массам крепостного крестьянства Малой Азии, стонавшего под игом повинностей, которыми оно было обязано византийским вельможам-феодалам, и под тяжестью государственных налогов империи¹. У сельджуков тогда еще только складывались феодальные отношения.

Но для господствующих классов Византии последствия поражения при Маназкерт были катастрофическими: половина Византийской империи оказалась завоеванной сельджуками; другая половина находилась в состоянии полнейшей анархии. Феодальная знать то и дело устраивала мятежи против Константинополя, выдвигая своих ставленников на императорский престол. Государство дробилось на полусамостоятельные феодальные владения.

---

¹ М. В. Левченко. История Византии. М., 1940, стр. 196.

Всеми этими обстоятельствами и поспешил воспользоваться Григорий VII для того, чтобы целиком подчинить греческую империю влиянию Рима. Обессиленная в борьбе с сельджуками, ослабленная изнутри, Византия казалась ему легкой добычей.

Вначале Григорий VII прибег к дипломатическим средствам: в 1073 г. он вступил в переговоры с Михаилом VII Дукой о том, чтобы «возобновить древнее, богом установленное согласие,— как писал Григорий VII византийскому императору летом 1073 г.,— между римской и константинопольской церквами». Папа хотел навязать Византии церковную унию на условиях полного подчинения греческой церкви Риму. Однако непомерные требования Григория VII, выдвинутые им во время переговоров, натолкнулись на оппозицию в Константинополе. Вот тогда-то у папы и возникла мысль добиться своих целей вооруженной силой. Он задумал организовать военный поход в сторону Византии, скрыв свои истинные цели под лозунгами защиты христианской веры и помощи грекам против мусульман — сельджуков.

Почему было не попытаться осуществить на востоке то, чего не удалось достигнуть на западе (в Испании)? Почему было не направить к Константинополю рыцарскую вольницу, которая терпела неудачи в испанской реконкисте, а заодно и «мятежное» крестьянство,— к тому же с несомненной пользой для папского престола?

Не прошло и нескольких месяцев после начала дипломатических переговоров с Константинополем, как Григорий VII в 1074 г. обратился с посланиями к графу Гийому I Бургундскому, затем к императору Генриху IV, своему будущему заклятому врагу, к маркграфине Матильде Тосканской, наконец, «ко всем верным святого Петра» — с призывом принять участие в задуманной им войне на Востоке. Папа звал выручить восточную церковь из беды и не скупился на обещания небесных наград тем, кто согласится воевать с неверными. «Бейтесь смело,— увещевал папа верующих,— чтобы снискать в небесах славу, которая превзойдет все ваши ожидания. Вам представляется случай малым трудом приобрести вечное блаженство».

Не исключено, что призыв Григория VII нашел отклик среди тех, к кому он был обращен. По крайней мере, сам папа в конце 1074 г. уверял Генриха IV, что ему удалось

уже собрать армию свыше 50 тысяч человек (итальянцев и ультрамонтан, т. е. французов) для заморского предприятия против язычников. Имсются основания думать, что папу поддерживали некоторые феодальные магнаты Южной Франции и Италии,— такие, как графы Гийом Бургундский и Раймунд Тулузский, которые еще в 1067 г. поклялись папе Александру II прийти своими вооруженными силами «на защиту дел святого Петра».

Григорий VII придавал огромное значение затевавшемуся им предприятию. В своих письмах он несколько раз повторял, что намерен сам стать во главе войска западных христиан и «отправиться за море». Замысел папы был очень прост: целью похода объявлялась поддержка братьев по вере, спасение христиан-греков от «неверных»¹. Такой проект должен был встретить благосклонное отношение у рыцарства и в крестьянской массе Запада — среди тех слоев, которые, с санкции папства, уже до этого выступали под религиозным флагом против арабов в Испании. «Я верю,— пишет папа Матильде Тосканской,— что в этом деле нам окажут содействие многие рыцари».

В действительности лозунги защиты христианской веры призваны были замаскировать намерения Рима, ничего общего не имевшие со спасением восточного «христианства», о чем папу никто, собственно, и не просил. Религиозные интересы, о которых так красноречиво говорил Григорий VII в своих посланиях на Запад, в глазах этого церковного политика, по существу, никогда не имели первенствующего значения. Переписка Григория VII свидетельствует, например, о том, что он не считал нужным настаивать на каких-либо принципиальных различиях между христианством и исламом, когда этого требовали политические интересы Рима. В 1076 г. в письме к мусульманскому князьку аль-Насиру (в Алжире) папа заявил без обиняков, что «мы и вы веруем в одного бога, хотя и разными способами», что «мы все равно почитаем его и воздаем ему ежедневные хвалы, как творцу небесному и управителю этого мира».

---

¹ Возможно, впрочем, что намерения Григория VII простирались много дальше Константинополя: папа, правда несколько мимолетно, писал Генриху IV о проектах выступить «вооруженной рукой против врага господа и под собственным его (бога) водительством дойти до гроба господня», т. е. до Иерусалима.

Вернуть греческую церковь «в лоно» римской, иначе говоря — овладеть богатствами греко-православной церкви, расширить сферу влияния католицизма за счет Византии, насильственным путем включив ее в орбиту папского воздействия, — таковы были ближайшие цели Григория VII. Папа утверждал в своих письмах, что «хотел бы положить душу свою» за заморских братьев-греков. Но, конечно, он меньше всего думал об этих «братьях». Его занимало другое: Григорий VII стремился восстановить единство церквей под своей властью, чтобы овладеть доходами не только католической, но и православной, греческой церкви.

В осуществлении широких политических планов папства деньги играли далеко не последнюю роль. Григорий VII был тесно связан с римскими ростовщиками и менялами. В 1074 г. он энергично выступил в защиту итальянских купцов, ограбленных на ярмарке в Сен-Дени французским королем Филиппом I, а через два года оказал покровительство римским купцам, которые отправились с торговыми целями в североафриканский город Бужи, к аль-Насиру¹.

Папству были особенно близки интересы восточной торговли. Для воздействия на чувства верующих, все более склонных становиться на путь «мятежа» и неповиновения, необходимы были сильные средства. В X—XI вв. возрастает великолепие католического культа. А это, естественно, порождало у церкви определенные экономические нужды. В Риме был весьма значителен спрос на восточные товары, так как слабо развитая промышленность Западной Европы не могла удовлетворять увеличивавшуюся потребность церкви в утвари, художественных изделиях, мазах, благовониях, фимиаме, ладане. Даже некоторые новейшие буржуазные историки (Р. С. Лопес) приходят к выводу, что политику Григория VII определяли в целом материальные интересы².

Благочестивые призывы Григория VII к «верным святого Петра» в 1074 г. по сути дела предвосхищали лозунги будущего крестового похода. Деятельность Григория VII по подготовке в середине 70-х годов рыцарской

---

¹ R. S. Lopes. Le facteur économique dans la politique africaine des papes. «Revue historique», t. CXCVIII, 1947, p. 180.

² Там же.

войны «в защиту Византии» явилась одним из исходных пунктов плана организации крупного завоевательного похода на Восток; плана, складывавшегося в папской курии и непосредственно связанного с тсократической политикой «цезарей в первосвященнических рясах».

Григорий VII не сумел осуществить свои замыслы. Западные дела надолго отвлекли его внимание от Византии. Но все же он и в дальнейшем не раз пытался подчинить ее. После свержения в 1078 г. Михаила VII Византия снова стала ареной ожесточенной борьбы феодальных партий. Этим воспользовался Роберт Гвискар, который напал на итальянские владения империи. Летом 1080 г. Григорий VII благословил Роберта Гвискара на войну против Византии.

Папа потребовал, чтобы католическое духовенство Южной Италии призвало рыцарство к участию в походе Гвискара, обещая за это «прощение грехов». В 1081 г. нормандцы вторглись на территорию Балканского полуострова, осадили и захватили морскую крепость Диррахий (в Эпире), проникли вглубь страны.

Жителей каждого завоеванного пункта насильственно заставляли принимать католичество. Григорий VII приветствовал успехи своих союзников: он поздравил с победой вождя итальянских нормандцев, не забыв напомнить, что главная причина его славы — покровительство святого Петра. В последующие годы, однако, внимание Григория VII было полностью поглощено борьбой с Генрихом IV.

План организации военного похода на Восток, задуманный папством в 70-х годах, получил свое дальнейшее развитие у преемников Григория VII. Обстановка, создававшаяся в течение последних десятилетий XI в. в странах Восточного Средиземноморья, благоприятствовала реализации замыслов римской курии.

Одновременно с Малой Азией сельджуки завоевывали Сирию и Палестину. В 1071 г. был захвачен Иерусалим, до этого находившийся под властью египетского халифата Фатимидов (окончательно сельджуки утвердились в нем к концу 70-х годов). В 1084 г. один из сельджукских вождей (Сулейман ибн-Кутлумуш) овладел Антиохией, отняв у Византии этот важный торговый и стратегический пункт на восточном побережье Средиземного моря. Были

завоеваны Дамаск и другие сирийские города. В правление Малик-шаха (1072—1092) большая часть Сирии и Палестины вошла в состав сельджукских владений.

При всей обширности своих завоеваний сельджуки не создали централизованного государства. Хотя номинально такое существовало, фактически оно представляло собой слабо спаянное объединение большого количества полусамостоятельных «уделов». Наиболее значительным из сельджукских владений был Румский (Ромейский) султанат, образовавшийся в Малой Азии, с центром сперва в Никее, затем — в Конии (Икониуме); это государство называлось так потому, что его султаны претендовали на «наследство» Восточно-Римской империи¹. При жизни Малик-шаха еще удавалось поддерживать относительное политическое единство в пестром конгломерате «уделов» сельджукских правителей, но после 1092 г. эта слабая спайка исчезла: начались междоусобные войны крупных и мелких владетелей, и сельджукское государство распалось.

Много времени спустя после того, как развернулось крестоносное движение, западные летописцы измыслили различные легенды о гонениях сельджуков на христиан в восточных странах, о поругании «язычниками» христианских святынь, преследованиях паломников, направлявшихся в Иерусалим. Историки последующих столетий подхватили эти легенды, разукрасили их всевозможными подробностями. В результате получилось так, что на протяжении девяти с половиной веков многочисленные авторы «историй» крестовых походов один за другим твердили, что именно сельджукское завоевание Ближнего Востока послужило причиной или, по крайней мере, непосредственной причиной «вооруженного паломничества» к Иерусалиму, предпринятого Западом с конца XI в.: сельджуки-де создали угрозу для «христианства», и это потребовало военного вмешательства благочестивых католиков, предводительствуемых папством.

Подобные представления о ближайших причинах крестовых походов распространены и поныне. Между тем, исследования специалистов позволяют рассеять легендарный туман, в течение столетий окутывавший предысторию

¹ Ромей — греческое название римлян; так именовали себя византийцы.

крестовых походов. Французский историк-востоковед Клод Каэн показал, что сельджукам (как и их предшественникам в странах Ближнего Востока — арабам) вовсе не была свойственна фанатическая религиозная нетерпимость и что положение христианского населения Сирии и Палестины, подпавшего под власть тюркских завоевателей, в религиозном отношении не изменилось к худшему. По отношению к иповерцам сельджуки продолжали лояльную политику, установившуюся во времена арабского господства. Антиохия оставалась резиденцией православного патриарха. Другому патриарху было разрешено жить в Иерусалиме. Никаких более или менее серьезных стеснений в религиозных делах сельджуки не чинили христианам. Мало того, для приверженцев христианских исповеданий, преобладавших в Сирии, Палестине, Малой Азии (монофизиты, несториане и др.), сельджукское завоевание означало избавление от религиозных и фискальных притеснений византийской церкви¹. Показательно, что жители восточно-средиземноморских стран никогда не искали помощи против приписываемых сельджукам религиозных преследований ни на Западе, ни в Византии. В хрониках не содержится никаких известий о том, что они изъявляли желание «освободиться» от «притеснителей веры — язычников».

Что касается западных паломников, то они попрежнему могли посещать Иерусалим, не подвергаясь оскорблениям со стороны сельджукских правителей. Сельджуки взимали с паломников определенную мзду за посещение «святого города», но точно так же и в Константинополе пилигримы должны были уплачивать налог византийским властям; следовательно, в этом невозможно усматривать признак религиозной нетерпимости сельджуков. В Иерусалиме попрежнему существовали две гостиницы, содержавшиеся амальфитанцами. И пустое место, которое христиане именovali «святым гробом», находилось в полной сохранности. Правда, паломникам пришлось переменить сухопутный маршрут на морской, поскольку анархия в Малой Азии затрудняла путешествия в Иерусалим, но это обстоятельство ничего общего не имело с гонениями на

¹ Cf. Cahen Notes sur l'histoire des croisades et de l'Orient latin. «Bulletin de la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg», 1950, № 2, p. 121.

христиан, между тем, именно это всегда вменялось в вину сельджукам.

Рассказы летописцев о «страданиях» восточных христиан при сельджуках, препятствиях, чинившихся паломникам, и т. п., — все это, в значительной мере, досужие выдумки более поздних византийских и западных писателей-церковников¹. Они умышленно сеяли слухи о всякого рода злодеяниях сельджуков против «христианства», делая это в чисто политических целях — для того, чтобы баснями об угрозе христианским святыням со стороны «северных» содействовать притоку новых военных контингентов с Запада².

Итак, преследование сельджуками христиан на деле не могло явиться даже формальным предлогом для пропаганды военной экспедиции в защиту веры и христианских святынь. И тем не менее, сельджукское завоевание Передней Азии, в том числе таких городов, как Ирусалим, дало папству повод для разжигания на Западе религиозной вражды к «северным». В каком отношении и каким образом? Может быть, это завоевание нанесло ущерб торговле итальянских городов с Востоком? Нет фактов, которые бы подтверждали такую гипотезу. Напротив, известно, что сельджуки овладели лишь немногими портовыми пунктами сиро-палестинского побережья, да и туда, где они утвердились, продолжали приезжать венецианские и амальфитанские купцы³.

Чтобы убедить Запад в необходимости «священной войны» с исламом, римские первосвященники прибегли к искусственным пропагандистским средствам. Они стали

---

¹ Особенно много таких выдумок в «Истории» Вильгельма Тирского, писавшего десятки лет спустя после начала крестовых походов.

² Факты, собранные Каэном, убедительно опровергают измышления хронистов XII—XIII вв., подрывают традиционные взгляды на ближайшие причины крестового движения. Интересно, что выводы французского ученого (они были в сжатом виде изложены Каэном и в его докладе на международном конгрессе историков в Риме — «Ислам и крестовые походы»; см. «Relazioni», vol. III, p. 625—626) в известной мере согласуются с положениями советской исторической науки о том, что масса населения стран Ближнего Востока увидела в сельджуках, носителях более примитивного общественного строя, избавителей от ига Византии. См. выше стр. 36.

³ Cf. Cahen An introduction to the first crusade. «Past and Present», 1954, № 6, p. 14.

упорно распространять толки о религиозных притеснениях христиан сельджуками, раздувая до огромных размеров известия о самых незначительных осложнениях, которые происходили у паломников на Востоке и были неизбежны в условиях анархии, царившей там в период сельджукского завоевания.

Предлогом к подготовке войны Запада против Востока якобы во имя религии сельджукское завоевание послужило лишь постольку, поскольку оно нанесло удар Византии, давно являвшейся предметом вожделений римской курии. Перед папством открылась возможность добиваться претворения в жизнь своих старых антивизантийских планов. Дальнейшее распространение сельджукских завоеваний в 70—80-х годах в Передней Азии позволило римской курии значительно расширить свои экспансионистские устремления при помощи заведомой лжи об угрозе «христианству», якобы создавшейся из-за сельджуков.

В полной мере планы Григория VII воскресил его второй преемник — папа Урбан II (1088—1099). И не просто воскресил, но и дополнил: не только Византия — все восточное Средиземноморье должно было, согласно его намерениям, стать объектом эксплуатации римско-католической церкви. Вместе с тем Урбан II обставил эти корыстные планы более детально, чем Григорий VII, разработанными внешними аксессуарами религиозно-демагогического характера, прибегнув к «большой лжи». Трудности, которые переживала Византийская империя в 80-х годах, облегчили папству его задачу.

В начале 80-х годов нормандцы, предводительствуемые Робертом Гвискарром, продолжают захваты в европейских провинциях империи: они устремляются вглубь Эпира (Албания), переходят через Фессалийские горы, приближаются к Фессалоникам, наводят страх на Константинополь. Новый византийский император Алексей Комнин (1081—1118), ставленник малоазиатской военной феодальной знати, пускает в ход все средства — и силу оружия и хитроумную византийскую дипломатию, чтобы справиться с нормандской опасностью. Он заручается поддержкой Генриха IV, германского императора, и немецкие войска выступают в Италию. В это же время Византия использует против нормандцев помощь торговой

республики Венеции, испытывавшей опасения за свою торговлю в Адриатике, поскольку ее пути то и дело перерезали нормандцы. Не обошлось и без подкупов среди самого нормандского воинства, особенно в Италии. Из-за угрозы нападения немцев с тыла Роберт Гвискар прекратил поход на Рим. После его смерти (1085 г.) земли, захваченные нормандскими рыцарями на Балканах, острова и гавани в Адриатике были отвоеваны Византией с помощью венецианского флота. Но венецианцы потребовали дорогой награды: им были предоставлены огромные привилегии — беспошлинная торговля во всех городах Византии, свобода от контроля таможенных чиновников в греческих портах, право вольного плавания по морям и проливам и вдобавок к этому жалованье венецианскому дожу от византийской казны, не говоря уже о выделении в Константинополе особого квартала с тремя морскими причалами для венецианских купцов и о том, что его жители-венецианцы становились неподвластными греческим законам¹.

Между тем, опасность выросла одновременно на севере и на востоке. Против Византии восстали страдавшие от налогового гнета славянские поселенцы придунайской Болгарии. Они призвали на помощь печенегов. Византийские войска терпели поражения одно за другим от кочевников. Печенежская орда вторглась во Фракию.

В 1088 г. печенеги нанесли Алексею Комнину тяжкое поражение при Силистре. Они разорили Адрианополь и Филиппополь, дошли до стен столицы. В этот момент непосредственная опасность Константинополю нависла и со стороны сельджуков. Сельджукский эмир Чаха, обосновавшийся на западе Малой Азии (в Смирне) и на некоторых островах Эгейского моря, снарядил флот против Константинополя. Чаха завязал переговоры с печенегами. Был выработан общий план наступления печенегов и сельджуков на столицу империи. Положение Византии в эти годы (1088—1091) было крайне затруднительным. Известный русский византист Ф. И. Успенский не без основания сравнивал его с тем, в котором империя оказа-

---

¹ Ср. Н. Соколов. Восточная политика венецианской plutократии в XII в. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, сер. ист.-филол.», вып. XVIII, Горький, 1950, стр. 128.

лась несколько столетий спустя — в последние годы своего существования, когда турки-османы окружили Константинополь и отрезали его от внешнего мира¹.

В этот критический для Византии момент, когда, по словам византийского историка Анны Компины (дочери Алексея I), дела империи «как на море, так и на суше были в слишком худом положении, тем более, что жестокая зима (1090/91 г.) заперла все выходы, так что от сугробов снега нельзя было даже отворить дверей из домов», — папство, как и полтора десятка лет назад, снова сделало попытку оказать нажим на Византию. Послы Урбана II, отправленные в Константинополь в начале 1088 г., сделали Алексею I представление по поводу того, что в Византии якобы принуждали латинян (католиков) отправлять церковную службу по греко-православному обряду.

Алексей Комнин ответил папе в примирительном тоне. Он даже согласился для видимости на уступки Риму. Был определен срок созыва в Константинополе церковного собора, на котором предполагалось урегулировать спорные догматические и обрядовые расхождения католической и православной церквей. Завязались переговоры об унии.

Правящие верхи Византии изъявляли на словах готовность к примирительному решению богословских распрей Рима и Константинополя по весьма простой причине — империи угрожала серьезная опасность. Натиск тюрок (печенегов и сельджуков) буквально захлестнул Византию. Оказавшись в кольце врагов, Алексей I искал союзников на Западе (а также и на Руси).

В 1090—1091 гг. византийский император обратился с посланиями к государям и князьям Запада: Византия просила военной помощи. Были направлены также послы к папе римскому. Алексей Комнин возлагал определенные надежды на Рим. Ему нужно было пополнить армию империи. Запад и до этого поставлял немало наемников в греческие войска: это были нормандцы, скандинавы, англо-саксы и др. Теперь Константинополь особенно нуждался в притоке такого рода наемников. Рим мог оказать

---

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи. Т. III. М.—Л., 1948, стр. 140.

существенное содействие Византии в привлечении наемных отрядов; этим объясняется кажущаяся уступчивость греческого правительства папству в переговорах об унии. Но целиком полагаться на папу было невозможно: притязания курии на абсолютное верховенство в объединенной церкви давно были известны в Константинополе. Ведя переговоры с Римом об унии и соблазняя западных феодалов надеждами на грабеж восточных стран, византийское правительство принимало и другие, более верные меры для прорыва сельджукско-печенежского окружения. Против печенегов были брошены новые союзники Византии — половцы.

В конце апреля 1091 г. с печенегами было покончено. Флот эмира Чахи не успел прийти на выручку печенегам, и Чаха был разгромлен. Действуя то военной силой, то интригами и подкупом, Алексей I в конце концов избавился от страшной опасности, грозившей Константинополю. Византия сумела вернуть под свою власть ряд прибрежных пунктов в Мраморном море, острова Хиос, Самос, Лесбос. Сельджуки были потеснены. Теперь не для чего было заигрывать и с Римом. Переговоры об унии оказались безрезультатными. К досаде Урбана II Византия практически не пошла на уступки курии. Намечавшийся собор не состоялся, религиозные разногласия оставались неурегулированными.

Однако обращение Византии на Запад за помощью не прошло бесследно. Читатель помнит, что оскудевшее западное рыцарство и феодальные магнаты давно искали подходящего объекта для грабежа, устремляясь то в Испанию, то в Италию и Сицилию, то на Балканы. Восток, более развитый в экономическом отношении, чем Запад, казался им источником великих богатств и невиданной роскоши. С жадностью смотрели сеньеры на богатейшие восточные страны, откуда шли через арабов всевозможные ценные товары. Рассказы паломников, возвращавшихся из Иерусалима и Константинополя, рисовали воображению великолепные храмы и дворцы восточных городов, роскошь, в которой купались византийские и арабские богачи. О чудесах восточных стран складывались легенды, которые бродячие певцы-сказители разносили по рыцарским замкам. И вот теперь эта лакомая добыча уплывала в руки сельджуков! Мысль об этом особенно

тревожила нормандцев, утвердившихся на юге Италии и на островах Средиземного моря. Они уже десятки лет были непосредственно связаны с Византией — и в качестве пиратов-торговцев и в качестве наемников-воинов. Кто мог лучше их оценить богатства Константинополя? Но участь Византии вселяла «заботу» не одним только нормандцам: она «беспокоила» многих князей и рыцарей на Западе, которые лишь выжидали момента, чтобы кинуться на богатства греческой империи. Следует иметь в виду, что для западных сеньеров, мало знакомых с географией, весь Восток — это были земли византийского императора. Нельзя было допустить, чтобы такая добыча досталась «нехристям» — сельджукам.

Помнит, вероятно, читатель и то, что, преследуя свои цели, папство постоянно имело в виду интересы господствующего класса: оно не упускало из поля зрения ни мятежей, ни частого бегства с насиженных мест, ни подвигнических настроений крестьянских масс, ни завоевательных тенденций, все более усиливавшихся среди рыцарства и феодальных верхов. Рим уже пытался однажды дать выход тому и другому, направив против сельджуков, якобы для спасения Византии, опасные для крупных феодальных землевладельцев элементы: это было в 70-х годах. Обстановка, сложившаяся к началу 90-х годов, оказалась как нельзя более подходящей для приведения в действие тех пружин, которые курия пробовала завести 20 лет назад.

Атмосфера на Западе становилась все более накаленной. Общественные противоречия к концу столетия резко обострились. Тяготы крестьянства за время «семи тощих лет» стали совершенно нестерпимыми. Возмущение низов росло и проявлялось самыми различными способами. Рыцарская вольница разбойничала все разнузданнее. Неуверенность перед будущим сильнее и сильнее охватывала феодалов, церковных и светских.

Апелляция Византии пришлась как раз кстати. Дорога на Восток была проложена пилигримами, которые обычно шли по Рейну и Дунаю, через Венгрию, на Константинополь. Анархия, царившая в раздробившемся на уделы сельджукском государстве, рождала надежды на легкое овладение Востоком. В этих условиях Константинополь не заставил рыцарей долго просить себя. Призывы из Ви-

зантии послужили одним из первых по времени внешних стимулов для развертывания среди западных феодалов движения в пользу похода на Восток. Речи о походе «во спасение» греческой империи стали раздаваться уже в 1092 г.¹ Обращения Алексея I к западным князьям, например к графу Роберту Фландрскому², распалили алчность рыцарства. Однако феодалы были слишком разрознены, и эти приготовления не пошли дальше предварительной стадии. Требовалось активное вмешательство в события той силы, которая, как мы видели, являлась на Западе главным «интернациональным» выразителем классовых интересов феодалов,— т. е. католической церкви. И это вмешательство не замедлило последовать.

Убедившись в бесплодности попыток добиться унии средствами дипломатии, Урбан II избрал путь Григория VII. Он оживил его планы вооруженного захвата Византии посредством оказания ей мнимой помощи против «неверных». Он учел воинственные настроения феодальных владетелей на Западе и постарался извлечь из них максимальную выгоду для католической церкви. Стечение обстоятельств предоставляло, казалось, удобный случай осуществить с помощью рыцарства давние экспансионистские замыслы папства, сделать важный шаг на пути к созданию «мировой» теократической монархии. Папство решило использовать создавшуюся обстановку для того,

---

¹ Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 140—141.

² Сохранился текст послания византийского императора к Роберту Фландрскому, полного весьма привлекательных для рыцарства посулов. Послание это звучит как прямое приглашение рыцарям прийти пограбить Константинополь: «Мы отдаемся в ваши руки... лучше, чтобы Константинополь достался вам, чем туркам и печенегам; в нем находятся драгоценные святыни господни; сокровища одних церквей в Константинополе достаточны для украшения всех церквей мира. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих», и т. д.

Едва ли Алексей Комнин мог писать таким образом. Повидимому, уцелевшая редакция этого письма (на латинском языке) является подделкой, позднее составленной крестоносцами для оправдания своих грабежей в византийской столице. Однако многие исследователи справедливо считают, что в основе латинской редакции лежит какой-то утраченный оригинал подлинного письма Алексея Комнина. Не подлежит сомнению, что в 1090—1091 гг. Византия обращалась к европейским князьям за помощью.

чтобы удовлетворить за чужой счет назревшие нужды феодалов Западной Европы и, разумеется, достичь своих корыстных целей.

Урбан II взял на себя инициативу организации массового похода на Восток, мысль о котором уже распространилась в светских феодальных кругах на Западе. В 1095 г. он выступил с широкой программой объединения рыцарства Западной Европы для завоевания восточных стран под лозунгом «освобождения гроба господня».

Так родилась и окончательно оформилась идея крестового похода.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Клермонский собор и провозглашение крестового похода на Восток

В ноябре 1095 г. римский папа Урбан II, прибывший из Италии во Францию, созвал церковный собор в г. Клермоне. Многие феодалы понимали, что глава католической церкви прибыл сюда, руководствуясь серьезными целями. В народных массах, вконец измученных бедствиями последних лет, приезд Урбана II также вызывал смутные предчувствия того, что готовятся какие-то важные решения. Отовсюду в Клермон съехались тысячи рыцарей, священников, собралось несметное количество простого народа. Вся эта масса людей не могла разместиться в городе: множество палаток было разбито в поле, на Клермонской равнине. Собор, хотя на нем и обсуждались обычные для съездов такого рода вопросы (о «божьем мире» и пр.), носил необычайно пышный характер. Здесь присутствовали 14 архиепископов, свыше 200 епископов и 400 аббатов.

По окончании заседаний собора, 26 ноября 1095 г. Урбан II выступил с торжественной речью прямо под открытым небом перед огромными толпами собравшихся. В этой речи он призвал верующих взяться за оружие для похода против «персидского племени турок». Папа бросил в Клермоне клич о крестовом походе на Восток¹.

---

¹ Официальный текст речи Урбана II не сохранился. Ее передают многие западные летописцы и притом по-разному. Историки неоднократно пытались воспроизвести текст речи Урбана II путем сличения различных ее вариантов в хрониках. Наиболее обстоятель-

Конечно, римский первосвященник постарался аргументировать свой призыв возможно более убедительными религиозными доводами. Он не пожалел красок, чтобы живописать мнимые бедствия «восточных братьев» по вере от язычников-сельджуков и таким образом накалить до предела религиозный фанатизм своих многочисленных слушателей. Урбан II стремился изобразить предприятие, затеваемое римским престолом, как войну ради «освобождения гроба господня» в Иерусалиме.

Эта благочестивая демагогия была неплохо рассчитана. Призыв Урбана II к крестовому походу, брошенный в Клермоне, вполне соответствовал подвижническим чаяниям народных масс. Крестьяне-бедняки мечтали об «искупительном подвиге», потому что хотели освободиться от феодального ига. Папство, уловив настроения крепостной массы, предложило ей конкретный план такого подвига, но, разумеется, с совершенно иными целями, чем те, которых добивалось крестьянство. Римский престол рассчитывал освободить крупных землевладельцев от бунтующих масс. Он хотел дать выход их антифеодальным в своей основе настроениям путем организации колонизационного движения на Восток под лозунгами «священной войны». Урбан II обещал участникам похода — «мученикам за веру» — отпущение грехов, вечную награду на небесах и пр. Все эти обещания были закреплены особым постановлением Клермонского собора.

Но папа учитывал, что одних только посулов загробного блаженства будет недостаточно для привлечения к задуманному предприятию большого количества людей. Поэтому он счел необходимым прибегнуть к обещанию наряду с «небесными» и земных благ. Он привел аргументы, которые должны были явиться убедительными для будущих участников войны за «гроб господень» с точки зрения их непосредственных материальных интересов. Бедняков, которые примут обет идти в «святую землю», ожидает не только спасение на небесах, — победа над «неверными» принесет ощутимые земные выгоды. Здесь, на Западе, говорил Урбан, земля не обильна богатства-

---

ная попытка такой текстологической реконструкции принадлежит американскому историку Д. К. Мэнро (D. C. Munro. The speech of pope Urban II at Clermont, 1095. «American Historical Review», 1906, vol. XI, № 2.).

ми: она «едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает». Там, на Востоке, бедняков ждет иная, безбедная жизнь. Земля в этих странах «течет медом и млеком», «Иерусалим — это пуп земель, земля плодоноснейшая по сравнению со всеми остальными, она словно второй рай».

Наиболее сильным доводом в устах папы, который не мог не оказать своего действия на бедняков, был выдвинутый им тезис: «Кто здесь горестны и бедны, там будут радостны и богаты!» Как сообщают некоторые летописцы, речь Урбана II была в этом месте прервана громкими возгласами: «Так хочет бог! Так хочет бог!»

Выступление папы, поскольку оно обращено было к крестьянской массе, пало на благодатную почву. Обещанием вечного спасения тем, кто примет мученичество за «святое дело», и — еще более — сказками о земле с медовыми и молочными реками, о земле, в которой нет гнета и нищеты, папа взбудоражил воображение бедняков: ведь крестьянство давно мечтало о лучшей жизни, о новых землях, где бы дышалось легче, где бы не давило ярмо крепостной зависимости.

Урбан II хотел побудить к участию в походе возможно большее количество людей, чье «мятежное» поведение дома грозило благополучию феодальных собственников. Поэтому к вымыслам о небесном блаженстве и будущих земных радостях был прибавлен еще один: путь к Иерусалиму — не длинен, достигнуть «святого града» не составит серьезного труда. Папа умышленно преуменьшал перед простым народом тяготы предприятия, прекрасно понимая, конечно, что таким образом он толкает на кровавую и гибельную «стезю господню» тысячи нищих людей. И тем не менее, он звал их идти в поход, не считаясь ни с чем. Бедняки должны были отказаться от последнего, что у них имеется, ради спасения «восточных братьев».

Так, руководствуясь корыстными интересами феодалов, папа не остановился перед тем, чтобы сознательной ложью увлечь в тяжкое — и для нищих крестьян, во всяком случае, безнадежное — заморское предприятие массу простых людей.

Речь Урбана II была рассчитана не только на народные низы. Прежде всего папа звал к завоеванию восточных стран оскудевшее рыцарство и тех из крупных феодалов, которые стремились расширить свои владения. Рыцарей

он соблазнял перспективами грабежей и территориальных захватов в богатых восточных странах. Он напоминал безудельным «отпрыскам непобедимых предков» о «земельной тесноте», в которой они живут: «да не привлекает вас эта земля, которую вы населяете, земля, в которой вас становится все больше, богатства же не умножаются». Папа прямо звал рыцарство к грабежу Востока, к тому, чтобы «захватить сокровища... врагов». Всем этим «сильнейшим» и «великим» воинам, от буйных ратных подвигов которых терпело немалый урон церковное землевладение на Западе, Урбан II указывал выход — отправиться в крестовый поход.

Призывая пожертвовать последним достоянием на «святое дело», папа не позабыл присовокупить к этому своеобразный совет относительно того, как сохранить в целостности имущество отправлявшихся по «стезе господней» на время их пребывания в походе: его нужно сдать в надежные руки, под каковыми разумелась, конечно, католическая церковь.

Ко всему этому надо добавить, что в своей речи папа не мог, как он ни старался, скрыть обширные планы, которые связывал с предстоящим походом апостольский престол. Римская курия рассчитывала силами крестоносцев нанести поражение сельджукам и, раздвинув границы влияния католической церкви за счет «освобожденных» единоверцев (как сиро-палестинского Востока, так и Византии), захватить богатства восточных церквей. В этом состояла одна из важнейших целей папства при организации крестового похода.

Некоторые современные нам западноевропейские буржуазные историки уверяют, что причины, побудившие Урбана II к провозглашению крестового похода, были вполне бескорыстными, что папой руководили исключительно высокие идейные, религиозные побуждения и даже... соображения гуманности: организуя поход на Восток, папство, якобы, больше всего заботилось о... мире в Европе. На самом деле, как мы видим, папская пропаганда крестового похода вызывалась социально-политическими потребностями господствующего класса на Западе. Католическая церковь в лице своего главы добивалась избавления класса феодалов от гнева крепостных земледельцев, который все чаще обрушивался на головы представителей

этого класса. Вместе с тем она хотела направить на Восток хищные устремления рыцарской вольницы, жертвой которой становились земли как церковных, так и светских владетелей. Она хотела удовлетворить жажду земельных приобретений и грабежей рыцарства за пределами Европы. В конечном счете крестовый поход должен был увековечить власть католической церкви как на Западе, так и на Востоке, увеличить ее богатства и упрочить господство феодальных землевладельцев над зависимым крестьянством. В этом и заключались, с точки зрения папства, задачи похода, провозглашенного на Клермонском соборе.

Речь Урбана II нашла живой отклик среди собравшихся. Программа похода на Восток встретила сочувствие и у крестьян, и у феодалов. Каждый нашел в речи папы то, что ему было нужно. Забитых и голодных крепостных увлекала надежда на хлеб и волю, на облегчение своего положения. Одиннадцатый век близился к концу. Одурманенные церковными проповедями, крестьяне ожидали новых чудес, якобы обещанных Иисусом Христом по истечении тысячелетия. Правда, ожидания такого рода были и за 100 лет до этого. Они не оправдались, но вера в чудеса осталась непоколебленной.

Феодалам экспедиция на Восток сулила новые земли и добычу. Выступление Урбана II прозвучало своевременно: ведь в феодальных кругах Запады движение в пользу похода на Восток возникло еще до Клермонского собора.

Лозунг папства об «освобождении святой земли» был удачно брошен. Об этом свидетельствует то, что уже в самом начале крестоносного движения церкви удалось привлечь к завоевательному предприятию, затеянному вопреки действительным интересам обманутого народа, внимание широчайших слоев феодального общества Западной Европы.

Начало крестового похода

Выступление Урбана II достигло своей цели. Слухи о Клермонском соборе и его постановлениях (имущество крестоносцев поручалось особому «попечению» апостольского престола, а об их душах должно было заботиться духовенство), о предстоящем походе на Иеруса-

лим были быстро разнесены тысячеустой молвой повсюду, «вплоть до морских островов». Начались сборы в поход, и раньше всего во Франции. В атмосфере религиозного возбуждения в разных местах появились фанатически настроенные проповедники, монахи и юродивые, звавшие народ в бой за «христианские святыни».

Сочинялись всякого рода «священные» небылицы — о вещих снах, видениях, чудесах — в подтверждение того, что крестовый поход — дело не человеческое, а божеское» (так заявляет французский летописец Роберт Мо-нах).

Некоторые проповедники крестового похода стихийно выдвигались из среды народных масс, по мере того, как идея похода на Восток, с которым у темных крестьян связывались надежды на освобождение, приобретала широкое распространение в простом народе. Такие люди невольно превращались в слепое орудие католической церкви. Наибольшую известность среди этих фанатических пропагандистов «священной войны» приобрел монах Петр Пустынник, который проповедовал в Берри, Пикардии, Орлеане, Иль-де-Франсе зимой 1095/96 г.

Незадолго до Клермонского собора он предпринял паломничество к «святым местам», но, насколько позволяют судить наши источники (в частности, исторический труд Анны Комнины), не достиг Иерусалима.

Легенды и сказания о крестовых походах, сложившиеся впоследствии, связали с его паломничеством в Иерусалим ряд фантастических происшествий, якобы побудивших его выступить с проповедью похода. Хронисты, передающие эти сказания (Альберт Аахенский, а вслед за ним Вильгельм Тирский и др.), повествуют о том, как на основании вещего сна, увиденного Петром в иерусалимском храме, он явился к тамошнему патриарху, как патриарх вручил ему некое письмо, посланное будто бы самим богом, с призывом к западным христианам освободить Иерусалим от язычников, как по возвращении в Европу этот монах явился к папе римскому, который после его посещения и созвал Клермонский собор для провозглашения крестового похода. Легендарный характер всех этих рассказов о приключениях Петра Пустынника в Иерусалиме давно выяснен учеными (Г. Зибелем, Г. Га-

генмейером, Б. Куглером и др.)¹, однако они представляют для нас определенный интерес в том смысле, что эти легенды, пусть в искаженном виде, все же отражают какие-то связи между Петром Пустынником и папством. Повидимому, этот «народный проповедник» был одним из многих, действовавших по поручению апостольского престола. Едва ли его можно рисовать, как поступают обычно историки, темным «фанатиком». Известно, что это был человек, обладавший незаурядным ораторским талантом, что его речи оказывали сильное воздействие — и не только на народ. Петр Амьенский (его иногда называют так по месту рождения) без сомнения был искусным церковным демагогом, который с успехом действовал в направлении, желательном для римской курии. Самый образ жизни и все поведение его, показательный аскетизм, «бессеребренничество», щедрые раздачи бедноте за счет обильных даров, стекавшихся к нему из каких-то источников, не указываемых хронистами, — все это вместе с пылкими речами снискало ему среди крестьян славу «божьего человека». «С горящими глазами, — писал Б. Куглер, — похуdivший от лишений и загоревший от южного солнца, выступил он перед крестьянами Средней и Северной Франции и произвел такое сильное впечатление на их возбужденные умы, что они толпами шли за ним, как за пророком господним»².

Смысл крестового похода и его цели, провозглашенные папством, в народной массе воспринимались по-своему: здесь в официальные церковные лозунги вкладывалось другое содержание, программа католической церкви перерабатывалась в соответствии с интересами крестьянства,

---

¹ Небезынтересно, что личность этого католического проповедника, мельчайшие детали его биографии до сих пор привлекают внимание буржуазных историков.

Деятельности Петра Пустычника посвящено немало страниц в работе французского ученого Ива Ле Февра, вышедшей в 1946 г. (*I. Le Febvre Pierre l'Ermite et la croisade*, Amiens, 1946), а также узко специальные статьи Ш. Дерэна и А. Грегюара (*Ch. Derain e. Pierre l'Ermite, le saint fondateur du Neuf-moustier à Huy*. «Nouvelle Clio», t. V, 1953; *H. Grégoire. Pierre l'Ermite, le croisé d'avantgarde et sa tombe à l'abbey de Neuf-moustier à Huy*. «Nouvelle Clio», t. III, 1951).

² Б. Куглер. История крестовых походов. Пер. с нем. СПб., 1895, стр. 22.

по существу враждебными интересам и целям церковно-феодалных организаторов крестового похода.

Петр Пустынник и другие проповедники, выступавшие главным образом в Северо-Восточной Франции, в Лотарингии и в прирейнских городах Германии, собрали обильную жатву: уже зимой 1095/96 г. во Франции образовались тысячные отряды бедняков — мужчин, женщин, детей, готовых отправиться в дальние края. Еще сильнее, чем зажигательные проповеди, действовала на массы крестьян страшная нужда, царившая в деревне зимой этого года вследствие неурожаев предшествующих лет. Люди питались корнями дикорастущих растений, цены на хлеб стали непомерно высокие, «бедный народ терзался голодом», по словам французского хрониста.

Голод и нужда заставляли крестьян торопиться — ждать было невозможно. Конечно, голод, болезни, страдания могли встретиться и в пути, но там, впереди, маячила все же внушенная церковью надежда на лучшее будущее. Здесь же, дома, никакого выхода не было.

Вот почему сборы бедняков протекали в какой-то лихорадочной спешке. Крестьяне бросали свои лачуги, сбывали за бесценок все, что можно было продать, для того, чтобы, как пишет один хронист, «пойти в добровольное изгнание», а правильнее — в вынужденное изгнание. «Отвага бедняков возгорелась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников, полей», — говорит французский аббат Гвиберт Ножанский, очевидец происходившего. «Каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, продавал все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателем, чтобы не позже других вступить на «стезю господнюю». У Гвиберта Ножанского, который, конечно, не мог до конца понять настоящие побуждения крестьянства, создавалось впечатление, что бедняки словно умышленно разоряли себя. Так, по его наблюдениям, 12 овец продавалось за 7 динаров, — это было меньше того, что стоила одна овца до начала крестового движения. Свообразные изменения в ценах перед отправлением бедноты в поход — чрезвычайно любопытное явление, отмеченное современниками: оно свидетельствует о массовом характере движения.

Гвиберт Ножанский считает, что совершилось какое-то чудо: «Все дорого покупали и дешево продавали... За дорогую цену покупали все то, что нужно было в дорогу, продавали дешево, чтобы получить средства для похода». Они спешили, — указывает хронист, и это выражение четко характеризует настроение крестьянской массы. О величайшей поспешности, с которой бедняки стремились сняться с места, говорят и многие другие хронисты. Примечательную в своем роде мысль мы находим у того же Гвиберта Ножанского, который сравнивает стремления крестьян, оставлявших родные места, со стремлением узника, вырвавшегося на свободу из темницы: «Как будто бы люди были заключены в какую-то страшную темницу, из которой надо было побыстрее освободиться». В этом сравнении средневекового писателя, достаточно враждебного устремлениям бедноты, невольно отразился подлинный характер движения крестьян, поспешно собиравшихся в дорогу.

Конечно, очень многие были опьянены религиозной экзальтацией: среди бедноты не было недостатка в фанатиках, выжигавших кресты на теле, и т. п., — это было вполне естественно в тех условиях. Религиозный фанатизм получил широкое распространение в народных низах. Но прежде всего крестьяне торопились потому, что они не могли и не хотели ждать сеньеров. Крепостные довольно натерпелись от них. Они спешили, чтобы поскорее избавиться от своих притеснителей.

Желание опередить угнетателей-феодалов заглушало все благочестивые мотивы, звучавшие в крестьянской массе. Оно было важнейшим стимулом к быстрейшему отъезду в поход.

Немалую роль, видимо, играло и стремление многих бедняков освободиться от задолженности, «натянуть нос кредиторам», по выражению Вильгельма Тирского. Ведь задолженность деревни в голодные годы резко возросла, особенно монастырям, которые хотя и раскрывали перед крестьянами двери своих хлебных амбаров в «семь тощих лет», но делали это отнюдь не бескорыстно: «помощь» представлялась на условиях, весьма выгодных для кредиторов-«благодетелей» и весьма обременительных для должников-крестьян. Интересно, что, по данным некоторых источников, именно церковные учреждения кое-где

пытались задерживать крепостных, изъявлявших намерение отправиться на «освобождение гроба господня», выставляя в качестве предлога для этого «бедность» крестьян. Но удержать их было невозможно.

Для крестьянина главная цель предприятия заключалась в том, чтобы сбросить крепостные и всякие иные цепи. Отрываясь от родных мест, — так же как и раньше, когда крепостные искали спасения в бегстве в леса, на чужбину, — массы крестьян словно объявляли войну феодальным порядкам.

Задолго до срока, назначенного для выступления Клермонским собором (этим сроком было 15 августа 1096 г.), — ранней весной 1096 г. первые толпы крестьян из Северной и Центральной Франции, Фландрии, Лотарингии, с Нижнего Рейна поднялись на «святое паломничество». Позже за ними последовали новые отряды бедняков — из Скандинавии, Англии, Испании, Италии. Разрозненными толпами, в разное время, крестьянские отряды из многих стран Европы тронулись в путь. Они шли почти безоружными. Дубины, косы, топоры, грабли служили беднякам вместо копий и мечей, да и эти крестьянские орудия имелись далеко не у всех. «Безоружные толпы» — так назовет впоследствии этих «божьих воинов» Анна Комнина. У них не было с собой почти никаких запасов. Подобно беспорядочным скопищам переселенцев, поспешно двинулись они — кто пешком, кто на двухколесных тележках, запряженных быками, — вместе со своими женами, детьми, жалким домашним скарбом, прочь от неволи, притеснений и голода, с тайной надеждой лучше устроиться на новых местах, в «земле обетованной». Длинными рядами потянулись обозы по дорогам, уже раньше проторенным паломниками, — вдоль Рейна и Дуная на Константинополь.

Шли десятки тысяч людей. В отряде северофранцузских крестьян, предводителем которого был разорившийся рыцарь Вальтер Голяк, было около 15 тысяч человек (из них лишь 5 тысяч вооруженных)¹. Несколько меньше, около 14 тысяч крестоносцев, насчитывал отряд, шедший за Петром Пустышником. 6 тысяч крестьян двинулись под

---

¹ См. Th. Wolff. Die Bauernkreuzzüge des Jahres 1096. Tübingen, 1891, S. 131.

командованием французского рыцаря Фульшера Орлеанского; почти столько же шло из рейнских областей за священником Готшалком; примерно 12 тысяч человек составлял англо-лотарингский отряд крестьян¹ и т. д.

Главную силу этих «несметных полчищ» составляло крепостное крестьянство. Но уже тогда крестьянским движением стремились воспользоваться в своих корыстных целях наиболее воинственно настроенные представители низших слоев рыцарства и некоторые крупные феодалы. Они видели в крестьянской массе как бы «ударную силу» для собственных завоеваний на Востоке. Эти-то люди и постарались захватить в свои руки военное предводительство над крестьянскими толпами. Феодалы были лучше вооружены, защищены боевыми доспехами, имели военный опыт, чего никак нельзя сказать о крестьянах. К тому же это были конные воины; все это, вместе взятое, давало им определенные преимущества над крестьянами. Такими крестьянскими предводителями были во Франции Вальтер Голяк с тремя братьями и дядей, Фульшер Орлеанский, бандит-авантюрист Гийом Шарпантье (виконт Мелюнский), попытавший уже за несколько лет до крестового похода «счастья» в Испании и не постеснявшийся перед отправлением в поход ограбить до нитки своих крепостных. К крестьянскому войску примкнуло много обедневших рыцарей, например граф Клермонский Ламберт Бедняк (дальний родич Готфрида Бульонского), имевший, как отмечают хронисты, одного только коня, и сотни подобных ему титулованных воителей. С крестьянами, шедшими из Германии, также отправилось немало разбойников-рыцарей (из рейнских областей, из Швабии): некий Фолькмар, затем граф Эмихо Лейнингенский, не принадлежавший, впрочем, к числу бедняков (он имел владения между Шпейерским епископством и Вормсом, а также вблизи Майнца), но отличавшийся невероятной жадно-

---

¹ Хронисты сильно преувеличивают численность крестьянских масс, двинувшихся в поход, называя порой совершенно фантастические цифры — 600 тысяч человек (Вильгельм Мальмсбюрийский) и больше. Авторы XI—XII вв. охотно прибегали к гиперболическим сопоставлениям толп крестоносцев с тучами саранчи, морским песком, звездами на небе и т. п. К этим сравнениям следует относиться весьма критически. Выражения вроде «бесчисленный народ», встречающиеся у летописцев того времени, реально обозначали, как правило, не более 12—15 тысяч человек.

стью и разбойничьим нравом, Гуго Тюбингенский и несколько сот других.

Таким образом, крестьянские ополчения оказались разбавленными изрядным количеством феодалов. Но это не повлияло более или менее существенно даже на внешний облик крестоносных отрядов. Стихийное с момента своего возникновения, это движение протекало без правильной организации, без плана. Бедняки-крестоносцы имели очень смутное представление о том, где находится конечный пункт их предприятия. По рассказу Гвйберта Ножанского, крестьянские дети, ехавшие вместе со взрослыми, когда на пути «попадался какой-нибудь замок или город..., спрашивали, не Иерусалим ли это, к которому они стремятся». Крестьянские отряды фактически были лишены руководства: они «ехали без головы», по выражению Вильгельма Тирского. Этот церковник, презиравший крестьян, высокомерно писал о бедняках-крестоносцах: «упрямый и строптивый народ не умеет нести иго полезной дисциплины».

Участие некоторого количества феодалов в походе бедняков не могло изменить его характера как освободительного в своей основе движения. Любопытно, что хотя рыцари и примыкали к крестьянским толпам, но сами крестьяне подчас старались отделаться от своих попутчиков. Когда отряд Петра Пустынника пришел в Кельн (12 апреля 1096 г.), то уже через три дня, по свидетельству Ордерика Виталия, масса крестьян поспешила в дальнейший путь. С Петром Амьенским в Кельне осталось до 300 французских рыцарей, которые покинули Кельн лишь спустя неделю после прибытия в город (19 апреля). Крепостным было не по пути с рыцарями, хотя в силу необходимости им приходилось иногда принимать феодальных авантюристов в качестве военных командиров.

Для характеристики настроений бедняков-крестоносцев большой интерес представляет следующий любопытный факт, о котором рассказывает «Иерусалимская хроника» Альберта Аахенского. Впереди одного из крестьянских отрядов, входившего в «войско» Петра Пустынника, шли... гусь и коза. Они считались среди крестьян «наделенными божественной благодатью» и пользовались большим почетом: крестьяне рассматривали этих животных как вожakov отряда.

Хронист передает этот эпизод с большим возмущением. Для него, служителя церкви, это — «омерзительное преступление», «языческое заблуждение... глупого и сумасбродного сборища пешего люда». А между тем, в этом, на первый взгляд, странном эпизоде отчетливо, хотя и своеобразно, выразилась освободительная направленность всей идеологии бедноты. Крестьяне, двинувшиеся на «спасение святой земли» по зову и под знаменем церкви, обратились в данном случае к старым языческим верованиям — к почитанию животных. В раннее средневековье языческие верования нередко являлись для крестьянства символом протеста против утверждавшихся тогда феодальных порядков, поскольку католическая церковь и ее учение освящали феодальное угнетение. И как раз потому, что крестовый поход деревенской бедноты в 1096 г. был проявлением антифеодального протеста, — обращение части крестьян к язычеству можно считать вполне закономерным. В этом отчетливо сказалась противоположность устремлений крестьянской бедноты и феодальных элементов, участвовавших в походе¹.

Антифеодальный, по существу, характер крестьянского крестового похода не могут отрицать и некоторые современные буржуазные историки². Даже такой идеалистиче-

¹ Ср. Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, стр. 29—30. Неправильно, впрочем, думать, что официальная церковная идеология с ее лозунгами «освобождения святых мест», «искупления грехов» и пр. была совершенно чуждой крестьянству, как полагает автор указанной работы. Бедняцкая масса с подъемом воспринимала эти лозунги, но, конечно, перерабатывала церковные идеи на свой лад, видя в них оправдание собственных, т. е. антифеодальных, устремлений.

² В сочинениях буржуазных историков описания крестового похода бедноты, как правило, проникнуты подчеркнуто враждебным отношением к участникам похода. Впрочем, некоторые, например П. Руссэ, не хотят и не могут понять действительный характер похода бедноты; эти историки называют бедняков, гонимых нуждой и страдавших от феодального гнета, «мистиками», «фанатиками», «представителями евангелизма и пророческого духа в крестовом походе», «чистыми крестоносцами». Вопрос о социальной сущности похода бедноты здесь просто затушевывается (P. Roussé. Les origines et les caractères de la première croisade. Neuchâtel, 1945, p. 138, 139, 140).

Другие исследователи гораздо более откровенно выражают свое сугубо отрицательное отношение к событиям похода 1096 г., несмотря на их многовековую давность. Так, с точки зрения Р. Груссэ, крестьянские крестоносцы — это «бродяги и преступники», «люди без со-

ски настроенный ученый, как Ив Ле Февр, ошибочно называя начало крестовых походов «революцией», считает, что она «избавляла сервов, прикрепленных к земле, облагавшихся повинностями и барщиной по произволу сеньера, от их феодальных обязательств... Деревни поднимались к свободе»¹, — пишет он о движении крестьянской бедноты. Клод Казн в своем «Введении к первому крестовому походу» говорит: «Если это было не восстание, то все же, в конце концов, разрыв (крестьян с сеньерами.— М. З.)»².

Однако, принимая во внимание мотивы, побудившие крестьян отправиться в поход, мы не можем обойти молчанием и его темные стороны: крестьяне, бежавшие от феодального гнета на Восток в надежде обрести лучшую долю, занимались по пути грабежами. Проходя через территории венгров, болгар, а затем Византии, они силой отнимали продовольствие у местного населения. Вблизи Белграда отряд Вальтера Голяка в начале июня 1096 г. захватил большое количество лошадей, рогатого скота и овец у окрестных крестьян. Несколько позже, в конце июня, крестоносцы, шедшие под началом Фульшера Орлеанского, силой овладели в Венгрии городком Невтра, затем разгромили город Землин (на границе Венгрии и Византии), убив в нем около 4 тысяч человек. Насилиями и грабежами отмечен путь отрядов Эмихо Лейнингенского, Гийома Шарпантье и прочих.

Для бедноты грабеж был единственным способом добыть себе пропитание. Кроме того, следует учитывать, что значительная доля вины за разбойничьи нападения на

вести», бравшие крест только для того, чтобы прикрыть свои разбои, «банды», «бесчестившие» идею крестового похода, и т. п. Классовая основа этих оценок проступает у Р. Груссе с полной отчетливостью: идеолог французской буржуазии, ненавистник трудящихся, он усматривает в походе 1096 г. «религиозный предлог для жакерий», а жакерии, по его мнению, это лишь «анархические манифестации», ибо «люди из народа» — «враги социального порядка», они-де видят в разрушении смысл «всякой революции». Пренебрегая элементарными принципами историзма, Р. Груссе уподобляет даже «анархическое и опасное движение» «жаков и разбойников» 1096 г. выступление революционного народа во Франции в 1792 г. (R. Grousset. Histoire des croisades. Vol. I. Paris, 1948, p. 6, 7, 9, 10, 11).

¹ I. Le Febvre. Ук. соч., стр. 112.

² Cl. Cahen. An introduction to the first crusade. «Past and Present», 1954, № 6, p. 27.

венгров, болгар, греков падает на рыцарские шайки, присоединившиеся к крестьянам. Так, именно германские рыцари, влившиеся в отряд Петра Пустынника по его выходе из Кельна, особенно в Швабии, были виновниками грабежей в болгарском городе Нише (начало июля 1096 г.). На бандитах-рыцарях (особенно немецких) во многом лежит ответственность и за жестокие еврейские погромы, которые были учинены по подстрекательству феодалов фанатически настроенными крестоносцами в Кельне, Шпейере, Вормсе, Трире, Майнце, Праге, Меце, Регенсбурге и других городах в самом начале пути. Эти погромы, к стати сказать, нанесли прямой ущерб торговле прирейнских городов Германии, заставив многих купцов-евреев бежать в другие страны (в частности в Польшу) ¹.

Наконец, невозможно сбросить со счета и то, что в походе крестьянской бедноты участвовало немало всякого сброда — профессиональных воров и других уголовных преступников. Эти деклассированные элементы, предводительствуемые промотавшимися феодалами, видели в крестовом походе лишь удобное средство для грабежей и разбоев.

Венгры и болгары, в дальнейшем — византийцы дали энергичный отпор неожиданным «освободителям гроба господня». В многочисленных битвах с разрозненными крестьянско-рыцарскими отрядами они беспощадно уничтожали крестоносцев, которых называли за их бесчинства лжехристианами и ворами, отбирали захваченную ими добычу, преследовали оставших в пути. В этих сражениях крестоносцы понесли большие потери. Некоторые отряды были рассеяны, другие, например «войско» Готшалка, Фолькмара и Эмихо Лейнингенского, полностью уничтожены в Венгрии (близ г. Визельбурга). Было перебито такое множество крестоносцев, что воды Дуная, как рассказывает лотарингская хроника, побагровели от крови и исчезли под трупами, плывшими вниз по реке.

Пройдя Болгарию и Венгрию, крестоносцы вступили на территорию Византии. Они шли через Филиппополь, Адрианополь и другие города, направляясь к греческой столице. Грабительские нападения продолжались и в Византии. У крестьян не было средств, чтобы уплатить за

---

¹ Th. Wolff. Ук соч., стр. 170.

провиант, предоставленный им по распоряжению Алексея Комнина.

Со второй половины июля 1096 г. значительно поредшие в дороге — прошло три месяца после начала похода! — толпы бедняков стали прибывать в Константинополь. Сперва подошел отряд Вальтера Голяка, затем, в начале августа, с ним соединились крестьяне Петра Пустынника, принявшего общее «командование». Многим крестьянам, рассчитывавшим получить свободу в неведомых землях «сарацин», не удалось достигнуть даже Константинополя. По подсчетам одного немецкого исследователя, крестоносцы потеряли в Европе около 30 тысяч человек.

Деморализованные предшествующими грабежами, крестоносцы и в столице Византии повели себя так же разнузданно, как и до этого. Пораженные богатствами Константинополя, они стали разрушать и жечь дворцы в его предместьях; иные грабили храмы, не останавливаясь перед тем, чтобы растаскивать свинец, которым были покрыты крыши церквей. Вся эта разношерстная многотысячная масса наводнила окрестности столицы.

Византийская империя, как помнит читатель, еще в 1091 г. справилась со своими внешнеполитическими трудностями. Теперь она уже не нуждалась в «помощниках», тем более в таких, какие явились в ее столицу летом 1096 г. Нужно было снабжать и кормить десятки тысяч голодных людей. При малейшем неудовольствии пришельцы вступали в драку.

Несмотря на все это, византийское правительство пыталось было удержать толпы бедняков с Запада, пока подспеют феодальные войска. Но эти попытки не увенчались успехом. Измученные крестьяне не теряли надежды на лучшее будущее. Им мрещилась «земля обетованная», и они рвались туда во чтобы от ни стало. Фанатики распускали слухи о том, что император нарочно задерживает их в Константинополе с какими-то коварными умыслами.

В этих условиях Алексей счел за лучшее поскорее избавиться от непрошенных «союзников» и мнее чем через неделю после прибытия Петра Пустынника в Константинополь начал переправлять крестоносцев на другой берег Босфора. Оборванные и почти безоружные толпы кресто-

носцев были собраны и размещены лагерем на южном берегу Никомидийского залива, в укрепленном пункте Цивитот (современный Герсек), в 35 км к северо-западу от Никеи. Не признававшие никакой дисциплины, отдельные отряды стали на свой страх и риск совершать отсюда более или менее отдаленные вылазки, вступали в бои с сельджуками. Некоторые отряды достигли предместий самой Никеи. В конце сентября ватага крестоносцев завладела укреплением Ксеригордон близ Никеи; однако сельджуки окружили крестоносцев и в середине октября разбили их, принудив часть тех, кто засел в Ксеригордоне (где они страдали от нехватки питьевой воды), перейти на свою сторону (в дальнейшем оставшиеся в живых были проданы в рабство).

Тогда Петр Пустынник, убедившись, что всякие попытки остановить рвавшихся вперед людей — дело безнадежное, вернулся в Константинополь. Вскоре в главном лагере у Цивитота разнесся слух, что нормандцы взяли Никею. Возможно, что этот слух был умышленно пущен никейским султаном с провокационной целью. Во всяком случае, весть об этом взвинтила всех оставшихся в Цивитоте. Одни боясь упустить свою долю добычи, другие стремясь возможно скорее достигнуть цели похода — «отмстить» сельджукам за «надругательства» над верой, снялись с места и двинулись к Никее. Не дойдя до нее, крестоносцы были встречены заблаговременно подготовившимся к схватке сельджукским войском, которое 21 октября 1096 г. перебило 25-тысячную «армию» крестоносцев. «Такое множество галлов и норманнов погибло от меча Измаила, — пишет Анна Комнина, — что когда собрали их тела, они образовали не холмик и не холм, или возвышенность, а подобие высокой горы». В сражении пали Вальтер Голяк и другие рыцари, претендовавшие на руководство крестоносцами. Не более 3 тысяч человек сумели избежать истребительного преследования сельджуков, спасшись бегством в Цивитот. Отсюда остатки крестоносцев были перевезены на византийских судах в Константинополь. Некоторые постарались из Константинополя добраться домой, другие стали ждать подхода главных сил крестоносцев.

Таков был трагический финал попытки западноевропейских крестьян бежать из-под власти сеньеров.

Крестовый поход бедноты в основе своей был не чем иным, как своеобразным, религиозно окрашенным актом социального протеста крепостных против феодальных порядков. Он явился своего рода продолжением серии предшествовавших пассивных и активных антифеодальных выступлений крепостной деревни. Особенность движения 1096 г. состояла в том, что крестьянский протест был ловко направлен католической церковью в сторону от классовых врагов крестьянства на родине — на Восток.

Массам крепостных пришлось дорого заплатить за попытку осуществить мечты об освобождении при помощи религиозного «подвига» — крестового похода. Эти наивные иллюзии, вскормленные в забитой крепостной массе католической церковью, разбились при первом же столкновении с реальной действительностью. Не землю и не свободу получили крестьяне на Востоке, а только свою собственную гибель.

Урок обошелся педешево. Он стоил жизни десяткам тысяч людей, безжалостно принесенных в жертву классовым интересам феодальных верхов Западной Европы, которых католическая церковь таким путем пробовала избавить от «смутьянов» и «поджигателей». Многие тысячи крестьян были отвлечены от непосредственной борьбы против своих поработителей и нашли бесславную смерть на «стезе господней». Они стали жертвой вовсе не своих темных стремлений, как считают некоторые буржуазные историки, стремящиеся уберечь папство от приговора истории, — прямым виновником крестьянской трагедии 1096 г. был папский престол.

Начало похода феодалов

Поход крестьянской бедноты, так плачевно закончившийся для большинства его участников, явился только прологом последовавших за ним событий «большого» крестового похода. В этом походе решающая роль принадлежала западным рыцарям и знати. Они отправились на «священную войну» тогда, когда опередившие их крепостные либо находились на дороге к своей гибели, либо уже сложили свои головы.

В августе 1096 г. тронулось в путь большое феодальное ополчение из Лотарингии. Предводительствовал им

герцог Нижней Лотарингии Готфрид IV, именуемый обычно Готфридом Бульонским (по названию главного герцогского замка — Бульона — в Арденнах). Герцогский титул и знатное происхождение (Готфрид вел свой род от Карла Великого) не гарантировали прочности его владений: полным властелином он был только в Антверпенском графстве да в замке Бульон; остальная же часть Нижней Лотарингии была пожалована ему германским императором только на правах бенефиция. Готфрид IV быстро откликнулся на призыв папы: на Востоке он надеялся обеспечить себе более прочное положение.

К Готфриду Бульонскому присоединился его младший брат Балдуин, бывший церковнослужитель, алчные наклонности которого не удовлетворяла пастырская деятельность. Балдуин не имел на родине никаких владений, и желание приобрести их во что бы то ни стало было главным стимулом, побудившим его принять участие в «священной войне». К Готфриду Бульонскому примкнули многие из его лотарингских вассалов со своими вооруженными отрядами, а также немецкие рыцари с правого берега Рейна. Эта рыцарская армия направилась к сборному пункту крестоносцев — Константинополю — по той же дороге, по которой недавно прошли отряды бедноты, т. е. по рейнско-дунайской дороге, через Венгрию и Болгарию.

Легенды более позднего времени превратили Готфрида Бульонского в главного героя первого крестового похода. На самом деле этот представитель феодальной знати, совершенно не отличавшийся военными дарованиями, играл во всем предприятии весьма скромную роль, и как раз его полная посредственность сослужила ему впоследствии определенную службу.

Гораздо более видными фигурами в крестовом походе были предводители феодальных ополчений, собравшихся в Южной Италии и во Франции.

Нормандских рыцарей Южной Италии возглавил князь Боэмунд Таргентский. Это был один из самых алчных феодальных хищников — из тех, кто участвовал в первом крестовом походе. О целях, которые он преследовал, отправляясь в поход, свидетельствует уже его прошлое. Боэмунд давно враждовал с Византией. Еще в начале 80-х годов, участвуя в походе своего отца Роберта Гвискара, Боэмунд стремился добыть себе земли на Балканском полуострове.

Греки нанесли ему тогда поражение. Теперь этому князю вновь представлялся удобный случай реализовать свои давнишние захватнические намерения, — если не за счет Византии, то на Востоке. Владения Боэмунда в Южной Италии были сравнительно невелики: он унаследовал лишь небольшое княжество Тарент. Поход на Восток, к которому призвал папа, открывал перед князем Тарентским широкие возможности. О богатствах восточных стран, о раздорах тамошних правителей он был хорошо осведомлен: вести об этом заносили купцы из Бари и Амальфи. Основать обширное независимое княжество на Востоке стало заветной целью Боэмунда. Он обладал недюжинными военными и — что было не менее существенно — дипломатическими способностями и с самого начала принялся обдуманно и методически проводить в жизнь свои планы.

Когда Боэмунд во время осады восставшего Амальфи объявил, что принимает крест, его примеру последовали племянник — безудельный и потому особенно воинственно настроенный рыцарь Танкред, хитрый, алчный и полностью лишенный качеств военачальника авантюрист, двоюродные братья Боэмунда и многие мелкие сеньеры Южной Италии и Сицилии.

Войско Боэмунда Тарентского, наиболее одаренного, умного и едва ли не самого жадного среди вождей крестоносцев, в октябре 1096 г. погрузилось на корабли в Бари и, переплыв через Адриатическое море, высадилось в Эпирской гавани Авлоне, на западном берегу Балканского полуострова. Отсюда итальянские нормандцы через византийские Македонию и Фракию двинулись к столице империи.

В октябре 1096 г. в крестовый поход отправилась также большая армия из Южной Франции. Ею предводительствовал владетельный и знатный сеньер Раймунд IV Сен-Жильский (замок Сен-Жиль был его главной резиденцией), граф Тулузский и маркиз Прованский. Безудержное стремление еще больше расширить свои и без того значительные владения уже в 80-х годах вовлекло Раймунда IV в испанскую реконквисту. Однако подобно тому, как Боэмунд Тарентский ничего не достиг в Греции, Раймунд IV потерпел фиаско в испанской аванюре. Эта неудача еще сильнее разожгла его пред-

приимчивость. Давно связанный с папским престолом и даже формально являвшийся вассалом папы, Раймунд IV, невзирая на свой почтенный возраст (ему было далеко за пятьдесят), первым отозвался на клермонскую речь Урбана II.

Французский хронист Бодри Бургейльский описывает эффектную сцену, произошедшую в Клермоне тотчас после того, как папа закончил свою речь: здесь появились послы Раймунда Тулузского, которые во всеуслышание объявили о желании графа Сен-Жилля выступить; по призыву апостольского престола, в поход за дело христианства. Появление графских послов в Клермоне было заранее подготовлено, а все действия графа в принципе согласованы с Урбаном II. Еще по пути в Клермон в сентябре 1095 г. папа заезжал к своему вассалу для того, чтобы заручиться его согласием на участие в крестовом походе. Для папы было весьма важно привлечь в число активных сторонников затеваемой им крестовою экспедиции одного из крупнейших князей Южной Европы: инициатива графа Сен-Жилля послужила бы примером для других сеньеров и рыцарей. Раймунд IV с готовностью пошел навстречу пожеланиям Урбана II, — захватническая война на Востоке вполне соответствовала его интересам. Таким образом, еще до официального провозглашения крестового похода граф Тулузский встал в ряды его активных будущих участников, а церемония, исполненная его послами на Клермонском соборе, была лишь пустой, хотя и эффектной формальностью.

Раймунд Тулузский в течение целого года тщательно готовился к тому, чтобы вступить со своими людьми «на стезю господню». Он рассчитывал прочно обосноваться на Востоке, — недаром граф захватил с собой в поход и супругу — Эльвиру Кастильскую, и младенца-наследника.

Стремление создать на Востоке собственное княжество у графа Сен-Жилля, как и у Боэмунда Тарентского, стояло на первом плане. Религиозные соображения играли лишь подчиненную роль.

Оба особенно настойчиво стремились к достижению этой цели еще и потому, что им было крайне важно заподнить в свои руки опорные пункты торговли Запада с Востоком — торговые города Восточного Средиземно-

морья. Ведь Бозмунд Тарентский был князем апулийского города Бари, купцы которого еще в X в. поддерживали торговые связи и с Византией и с Сирией, а Раймунду Тулузскому были подвластны многие южнофранцузские города, как раз начинавшие подниматься в то время. Соединить в своих руках крайние звенья торговой цепи, протягивавшейся из Западного в Восточное Средиземноморье, было чрезвычайно заманчиво. Оба прекрасно понимали выгоду, которую могло бы принести обладание богатыми левантийскими городами. Средиземноморская торговля развевывалась все шире и шире. Почему же было не попытаться использовать для обогащения и этот источник? ¹

Под знаменем Раймунда IV встало большое количество средних и мелких феодалов в Южной Франции, в том числе несколько епископов. Среди них находился папский представитель (легат) в крестоносном войске — епископ Адемар Монтейльский из Пюи, который должен был блюсти интересы римской церкви.

Южнофранцузское феодальное ополчение в октябре 1096 г. двинулось через Альпы, вдоль берегов Адриатики, миновало Истрию, Далмацию и далее пошло той же дорогой, что и рыцари Бозмунда, к византийской столице.

В это же время за оружие взялись сеньеры и рыцари Северной и Средней Франции. Раньше всех собрался в дорогу младший брат французского короля, знатный рыцарь, владевший лишь небольшим графством и потому упорно стремившийся к власти и богатству, — Гуго Вермандуа. Он собрал небольшой отряд из своих и королевских вассалов и еще в августе 1096 г. направился в Италию, а оттуда, из Бари, — морем к берегам Греции. Этому незадачливому авантюристу (между прочим, к нему пристали некоторые рыцари, уцелевшие от разгрома под Никеей осенью 1096 г.) с первых же шагов не повезло: у восточных берегов Адриатики буря разбила его корабли, многие спутники Гуго погибли, а сам он был выброшен на берег близ Диррахия и доставлен к византийскому двору.

¹ Ср. В. В. Стоклицкая-Терешкович. Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов. «Изн. АН СССР, сер. ист. и философия», 1944, № 5, стр. 215.

Несколько позже двинулись в путь большие феодальные ополчения французских рыцарей под предводительством Роберта, герцога Нормандского, Стефана, графа Блуа, и графа Роберта II Фландрского. У себя дома Роберт Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя, находился в стесненных обстоятельствах: в постоянных войнах с братом, английским королем Вильгельмом II Рыжим, он безуспешно оспаривал свои права на престол и едва не лишился Нормандии. Крестовый поход избавлял его от всех этих неурядиц, а впереди сулил завоевание новых земель. Различные чисто мирские побуждения толкнули к участию в походе и достаточно богатого, но жадного графа Блуа, оказавшегося впоследствии весьма трусливым «ревнителем христианской веры», и Роберта II Фландрского.

К герцогу Нормандскому примкнули не только его французские вассалы, но и бароны и рыцари из Англии и Шотландии; изрядное количество крестоносцев потянулось и за двумя другими предводителями.

Все эти войска французских и отчасти английских рыцарей, перейдя через Альпы, в ноябре 1096 г. прибыли в Италию и большей частью остались здесь на зиму. Только весной следующего года они из Бриндизи направились морем в Диррахий, а оттуда по старинной дороге древнеримских времен — Via Egnatia (через Охрид, Фессалоники, Родосто, Селимврию) — в Константинополь.

Так, разными путями, но примерно из одинаковых побуждений двинулись на Восток ополчения феодалов Запада. Впрочем, они состояли не из одних «благородных». За рыцарями пошло немало бедняков из крестьян, надеявшихся, что хотя бы в дальних странах им удастся добиться лучшей доли.

Конечно, рыцари и сеньеры были несравненно лучше подготовлены к «богоугодному делу», на которое их призвал римский первосвященник, чем толпы первых крестоносцев. Они постарались запастись средствами на дорогу.

Одни отняли последнее у своих крестьян. О немецких графах Циммернских современный летописец рассказывает, что эти «воины божьи» перед отправлением в поход без зазрения совести ограбили своих людей, «особенно

в селе Рулингхофен, так что после их ухода в этом селе был большой плач».

Другие, не довольствуясь своими, незадолго до начала похода обобрали крепостных своих соседей. Граф Роберт II Фландрский воевал с епископом Камбрэ и, по словам хрониста, ограбил «страну [епископа] так, что она осталась без землепашцев, и не было там быков, коров и другого скота, и мужчины и женщины, и взрослые, и дети убежали просить милостыню в других краях».

Третьи, перед тем как двинуться на «священную войну», сочли за лучшее распродать или заложить свои земли и другое имущество (полностью или частично). Этим, к слову сказать, не преминула воспользоваться церковь, чтобы увеличить свои земельные владения и богатства. Церковные феодалы Южной Франции, стараясь не упустить благоприятный момент (падение цен, нужда крестоносцев в деньгах), лихорадочно скупали имущество сеньеров, собиравшихся в крестовый поход. Так же действовали духовные пастыри в Лотарингии и других областях. Готфрид Бульонский заключил сделки с льежским и верденским епископами: за 3 тысячи марок серебром он продал им ряд своих поместий и даже родовой замок Бульон заложил первому из них. Подобным же образом поступили с некоторыми своими владениями Раймунд Тулузский и многие из его будущих соратников из Лангедока. Роберт Нормандский не остановился перед тем, чтобы все свои земли заложить английскому королю за 10 тыс. марок, и т. д.

Запасаясь деньгами, знатные сеньеры обеспечили себя всем необходимым для похода. Их примеру старались следовать и феодалы меньшего ранга, которые распродавали свои права (право охоты, суда) и закладывали недвижимость. Так, некий рыцарь Ашар заложил Ключнийскому аббатству свое поместье Монмерль за 1000 лионских су и за 4 мулов¹. Как видно из сохранившихся документов, ключнийские монахи, на словах порицавшие алчность и корыстолюбие, на деле не прочь были умножить богатства своих обитателей за счет крестоносцев.

---

¹ I. Le Febvre. Ук. соч., стр. 165.

Вооружение и снаряжение рыцарского войска было значительно совершеннее, чем у крестьян. Относительно более правильной была и его организация,— но только относительно.

Феодално-рыцарские ополчения с самого начала крестового похода не представляли собой единого войска. Это были отдельные отряды, почти не связанные одни с другими. Каждый сеньер отправлялся со своей дружиной. Не было ни высших, ни низших предводителей, ни общего командования, ни общего маршрута или плана кампании. Состав отдельных ополчений, стихийно группировавшихся вокруг наиболее именитых феодалов, часто менялся, так как рыцари-воины подчас переходили от одного предводителя к другому, в зависимости от материальных выгод, которые, как им казалось, мог сулить этот переход.

Еще не достигнув Константинополя, эта разбойничья рать «наместника святого Петра» запятнала себя серией грабежей и насилий. Лотарингские рыцари разграбили всю нижнюю Фракию. Жестокие насилия над населением Эпира, Македонии и Фракии чинили нормандские рыцари Боэмунда Тарентского. Не менее дикими разбоями ознаменовали свой переход через Далмацию «защитники христианской веры» из войска графа Тулузского. Южнофранцузский летописец Раймунд Агильерский, являвшийся капелланом графа во время похода, в своей «Истории франков, которые взяли Иерусалим», рассказывает о том, как земледельцы Далмации отказывались продавать что-либо рыцарям и давать им проводников, как при приближении крестоносцев они бежали из своих сел, убивали скот, лишь бы он не достался воинам с крестами на знаменах, шедшим с Запада. Жители Славонии (Далмации) видели в крестоносцах, прежде всего, грабителей и насильников. Да они и были такими на самом деле. «Наиболее выдающийся», по характеристике Рэнсимена, крестоносец — Раймунд Тулузский снискал себе печальную известность в Далмации своими зверствами по отношению к местному населению. Однажды он, например (об этом рассказывает не без гордости его капеллан), приказал выколоть глаза и отрубить руки и ноги далматинцам, захваченным в плен его рыцарями. Во фракийских городах Рузе и Родосто ры-

цари графа Сен-Жилля, по словам того же летописца, взяли огромную добычу. Они атаковали Рузу с воинственным кличем «Тулуза, Тулуза!» и, ворвавшись в город, предались дикому грабежу. Весь путь западных крестоносцев по Балканскому полуострову сопровождался разнузданными грабежами и разбоями. Но это было лишь начало. Во всей своей неприглядности поведение «христовых воинов» выявилось позднее.

Крестоносцы и Византия

Византийское правительство было напугано известиями о «бесчисленных» франкских ополчениях, направленных к греческой столице. Нашествие этих «спасителей», двигавшихся на Восток с завоевательными намерениями, могло быть чрезвычайно опасным для Византии, особенно учитывая их численное превосходство: крестоносцев было не менее 100 тысяч человек. Поэтому Алексей Комнин встретил «воинов христовых» недружелюбно и без тени доверия. Он принял меры к тому, чтобы, по-возможности, оградить византийские владения, через которые проходили рыцарские ополчения, от разнузданности и алчности будущих «освободителей святой земли». Отряды печенегов, находившиеся на службе у Византии, получили приказ совершать время от времени налеты на рыцарей, направлявшихся в византийскую столицу.

Страшась крестоносного воинства и ставя различные преграды на его пути, Алексей Комнин вместе с тем не прочь был попытаться использовать силы непрошенных пришельцев с Запада с выгодой для Византии. Он решил склонить вождей крестоносцев к тому, чтобы они принесли ему ленную присягу на все земли, которые будут ими завоеваны. Расчет был прост: с помощью рыцарей Византия хотела добиться того, чего собственными силами она не в состоянии была сделать: вернуть под свою власть территории, утраченные в разное время в результате завоеваний восточных народов, — и Малую Азию, и Сирию, и другие земли на Востоке. А чтобы сделать предводителей крестоносцев, которых Алексей I таким образом задумал превратить в своих вассалов, сговорчивее, он начал еще в то время, когда рыцари бесчин-

ствовали на Балканах, наносить им (при содействии печенегов) более или менее ощутительные удары. Несколько отрядов Раймунда Тулузского были просто разбиты византийцами близ Родосто и бежали, бросив оружие и оставив поклажу на поле боя.

Навязать главарям крестоносцев вассальные узы оказалось делом пелегким. Зимой 1096/97 г., когда француско-немецкое ополчение Готфрида Бульонского подошло к Константинополю, возник серьезный конфликт с Византией. Готфрид Бульонский уклонился от ленной присяги императору. Алексей Комнин, отбросив на время дипломатию в сторону, применил военное давление: он оцепил печенежской козницей лагерь герцога. Произошла открытая стычка императорских отрядов с лотарингцами. Последние оказались изрядно потрепанными. Готфрид Бульонский был вынужден пойти на уступки и стать ленником византийского императора. После этого Алексей Комнин поспешил переправить лотарингское рыцарство через Босфор. Он старался не допустить, чтобы все крестоносные ополчения в одно и то же время явились в Константинополь: скопление «варварской» рати в столице могло помешать его замыслам.

Греческий император особенно опасался приближавшегося к столице войска исконного врага Византии — предводителя итало-сицилийских нормандцев Боэмунда Тарентского. Однако именно Боэмунд, на первых порах, по крайней мере, доставил императору меньше всего хлопот. Он прибыл в Константинополь в начале апреля 1097 г. и, слегка поразмыслив, согласился стать вассалом Алексея Комнина. Разумеется, никакого значения своей присяге этот искатель добычи не придавал, — она была для Боэмунда чистой формальностью. Да и сам император с подозрительностью отнесся к дружеским уверениям, в которых рассыпался хитрый нормандец. Алексей I, со своей стороны, также не намерен был всерьез принимать во внимание обязательства, вытекавшие для него из положения сюзерена.

В конце апреля 1097 г. и войско князя Тарентского переправилось в Малую Азию. Как раз в это время в Константинополь явилось внушительное ополчение Раймунда Тулузского; затем стали прибывать и другие рыцарские отряды. У Константинополя сосредоточи-

лись значительные силы вооруженных «паломников». Греческая столица переживала тревожные дни. Нередко происходили столкновения между греками и крестоносцами. Византийской аристократии западные рыцари казались какими-то дикарями. Своим поведением они и в самом деле как бы старались оправдать эту репутацию. Они держали себя грубо, вызывающе, заносчиво. Анна Комнина в своей «Алехсиаде» дает весьма нелестную характеристику титулованным мужланам, прибывшим с Запада. Окрестности Константинополя подвергались разграблению. У местного населения отбиралось продовольствие для прокормления всей этой необыкновенно прожорливой и крайне далекой от аскетического настроения массы людей.

А тем временем Алексей Комнин, лстя одним, всячески задабривая и одаря других, скрывая свои страхи и опасения, требовал от главарей клятвы в том, что все города и земли, которые крестоносцам удастся отвоевать у сельджуков, будут возвращены Византии. Многие не сразу соглашались удовлетворить это требование. Чувства христианского бескорыстия были достаточно чужды этим «борцам за веру христову».

В конце концов дипломатическое искусство византийцев взяло верх. Почти все предводители крестоносцев стали вассалами греческого императора по тем владениям, которые им должны были достаться в результате победы над «погаными»; почти все они принесли по западно-феодальному обычаю соответствующую присягу Алексею Комнину. Впрочем, иные не пожелали даже этой ни к чему не обязывающей присягой прикрыть свои корыстные захватнические намерения на Востоке. К их числу принадлежал Раймунд Тулузский. Он отказался подчиниться константинопольскому императору. Граф Сен-Жилль заявил, что он взял крест не для того-де, чтобы самому стать господином, и не для того, чтобы сражаться за кого-либо другого, кроме того, ради которого он оставил свои земли и богатства, т. е. бога. На самом деле этот провансальский сеньер¹ просто не был столь изворотливым, как его будущий соперник — Боэмунд Та-

---

¹ П. Руссе тенденциозно изображает его воодушевленным якобы одной только пламенной верой. P. Roussel. Ук. соч., стр. 139.

рентский. Последний, между прочим, даже пытался уговорить Раймунда IV принести вассальную присягу императору. Нормандец, видимо, рассчитывал таким путем ввернуться в доверие к Алексею Комнину. Но его вмешательство не помогло. И даже попытка императора преподнести провансальцам урок, данный уже однажды лотарингцам,— нападение византийских войск на рыцарей Раймунда — не возымела действия. Граф Тулузский опасался, что присяга императору лишит его земель, ради приобретения которых он и отправился на Восток.

Весной 1097 г. одно за другим рыцарские войска были переброшены в Малую Азию. Начался длительный, продолжавшийся свыше двух лет поход к Иерусалиму.

Крестоносцы в Малой Азии

Первая битва с сельджуками произошла за Никею, столицу султана Килидж-Арслана. Соединенные силы рыцарских отрядов, один за другим подошедших к Никее и приступивших уже в мае 1097 г. к ее осаде, в июне предприняли общий штурм города. В штурме участвовал и византийский флот (византийские суда были волоком перетянуты из Никомидии в Асканское озеро, примыкавшее к Никее с юго-западной стороны) и сухопутные силы, посланные Алексеем I якобы в помощь крестоносцам, а на самом деле — для ограждения византийских интересов. Закончилась эта битва довольно неожиданным образом.

Осада продвигалась успешно для крестоносцев. В разгар ее, в тот момент, когда рыцари уже собирались вскарабкаться на стены города, греческие части, к удивлению осаждавших, были кем-то впущены в город, и тотчас ворота его заперты перед крестоносцами. На башнях Никее сразу же были подняты византийские флаги.

Дело в том, что Алексей Комнин, хорошо понимавший цену вассальным обязательствам вождей крестоносцев и боявшийся, что, взяв Никею, «воины христовы» не выполнят условий договора с Византией, сумел за их спиной сговориться с командованием никейского гарнизона о сдаче Никисы в руки греков и, таким образом, вероломно, с точки зрения западных рыцарей, овладел городом. Рыцари, возлагавшие большие надежды на богатую добычу, были обмануты в своих ожиданиях. Впрочем, они удовле-

творились некоторой толикой золота и серебра, переданной им из византийской казны в вознаграждение за ущерб. Вскоре и крестоносцам представилась возможность отплатить своему только что приобретенному сюзерену.

Битва крестоносных рыцарей с сельжукским войском.

С гравюры по рис Доре

От Никеи крестоносное войско направилось на юго-восток.

1 июля 1097 г. в большом сражении при Дорилее силы Килидж-Арслана потерпели серьезное поражение. Хотя

это и предreshало исход войны в Малой Азии, но, тем не менее, дальнейший переход через горные, подчас безводные местности, при палящей июльской жаре оказался нелегким.

Не только зной изнурял крестоносцев. Сельджуки, то и дело устраивавшие засады, постарались затруднить продвижение противника. Они опустошили многие области, и порой рыцарям приходилось испытывать острый недостаток в продовольствии и воде.

Однако жажда завоеваний превозмогла все препоны. Рыцари устремились за добычей, стараясь возместить упущенное в Никее. Золото и серебро — вот что, прежде всего, слепило глаза «благородным» «спасителям гроба господня». Что значил по сравнению с этим блеском жар солнца, изнурявший и людей и лошадей? Накануне битвы при Дорилее Боэмунд Тарентский для поднятия боевого духа своих воинов произнес перед ними речь. Он призывал их «быть единокорными в вере Христа»: «Все вы станете богатыми, если бог дарует нам сегодня победу над погаными», — заявил князь Тарентский. Нормандский авантюрист знал, чем возбудить храбрость воинов божьих. И не случайно латинские хронисты, рассказывая о переходе крестоносцев через Малую Азию, о происходивших там битвах с сельджуками, всегда самым тщательным образом перечисляют все, что доблестные рыцари креста приобретали в результате успехов своего оружия. Золото и серебро в этих описаниях фигурируют на первом месте. «Гроб господень» и освобождение «братьев-христиан» были отодвинуты в сторону.

Очутившись в Малой Азии, сеньеры с жадностью кинулись на завоевание земель.

В то время как главные силы крестоносцев от Гераклеи направились на северо-восток, в Мараш¹, в обход горной цепи Тавра, через Кесарию, Коману, Коксон, а оттуда по высоким («дьявольским», как выражаются хронисты) горам Анти-Тавра, где люди и лошади сваливались с узеньких тропок в пропасти, — отряды, которыми командовали Балдуин (брат Готфрида Бульонского) и Танкред, отделились от остальных и круто повернули на юг, в армянскую Киликию. Каждый из предводителей

¹ Мараш был центром владений армянского князя Филарета Варажнуни.

стремился как можно скорее стать владетельным князем, подчинив земли и города в этой стране.

Обуреваемые жаждой богатства, оба феодальных хищника в сентябре 1097 г. вступили здесь в ожесточенную распря друг с другом из-за города Тарса. Первоначально Балдуин предложил Танкреду совместно ограбить... христианское население Тарса. «Ворвемся туда вместе и ограбим город, и кто сможет получить больше — получит, кто сможет больше взять — возьмет», — так пишет хронист об их замыслах. Но эти планы были быстро оставлены. Город достался сперва племяннику Боэмунда Тарентского, однако затем перешел в руки Балдуина, отряд которого, при поддержке морского пирата Гвинимера Булонского, выбил Танкреда из города. Танкред не растерялся: он захватил другие города Киликии — Адану, Маместию. Затем, чтобы отомстить за Тарс, нормандец напал на рыцарей Балдуина, но баталия оказалась неудачной для «мстителя»: некоторые из его командиров (Ричард Салернский) даже попали в плен к Балдуину.

Некоторые современные зарубежные ученые пишут о «единодушии», якобы царившем среди крестоносцев. Они рисуют первый крестовый поход как результат единого порыва, слившегося будто бы в одном благочестивом стремлении западных сеньеров и рыцарей из разных стран¹. Уже начальные события этого грабительского предприятия ясно показывают, что нет никаких оснований видеть в крестовом походе выражение единства «христианского Запада» в борьбе с «мусульманским Востоком». Если что-либо и соединяло феодалов, то, в первую очередь, это были отнюдь не помыслы о религиозных святынях, а общность захватнических намерений крестоносцев. Это единство не могло быть ни длительным, ни прочным. Распря Балдуина и Танкреда в Киликии может служить одним из первых по времени проявлений «единодушия», с которым алчные «освободители» христианских святынь продвигались к своей цели.

Раздоры с Танкредом не позволили Балдуину удержаться в Тарсе. Он поспешил на соединение с главными

---

¹ Так, в своем «Введении» к докладам о крестовых походах, прочитанным на X римском конгрессе историков, П. Руссе утверждает, что первый крестовый поход явился демонстрацией «веры и единства Запада» («Relazioni», vol. III, p. 545—546).

силами, которые тем временем подошли к армянской крепости Мараш. Однако Балдуин пробыл здесь лишь два дня, после чего направился дальше на восток — к Ефрату. В начале 1098 г. Балдуин завладел богатым армянским городом Эдессой.

Эдесса лежала на пути из Месопотамии в Сирию. Это был крупный центр ремесла и караванной торговли. Эдесса, имевшая большое стратегическое значение, еще в 1087 г. была завоевана сельджуками. Однако вследствие усобиц сельджукских князей армянский правитель этого города Торос, лавируя между сельджуками и Византией, добился относительной самостоятельности. С помощью крестоносцев Торос рассчитывал укрепить свою власть в противовес окружающим сельджукским эмиратам. В феврале 1098 г. он объявил прибывшего в Эдессу Балдуина своим наследником. Вскоре в Эдессе вспыхнуло восстание, во время которого Торос был убит. В ходе восстания часть армянской знати, враждебная Торосу и составившая заговор против него, передала власть Балдуину. Она надеялась превратить этого крестоносного искателя владений в свое послушное орудие. Так Балдуин стал господином Эдессы.

В исторической литературе часто можно встретить утверждение, что крестоносцы быстро нашли общий язык с армянским населением, поскольку тех и других сближала против сельджуков общая вера. Некоторые ученые представляют западных крестоносцев чуть ли не избавителями армянских христиан от тюрок-мусульман. Р. Груссэ в своей книге «История крестовых походов» (1948), всемерно подчеркивая политические таланты «гениального» Балдуина, пишет, что армяне (в целом) якобы оказали дружественную встречу «франкам» как своим «освободителям», что будто бы сам народ утвердил Балдуина у власти в Эдессе, — народ, восставший против «тирана» Тороса¹. А Ст. Рэнсимен в своем докладе на X между-

---

¹ R. Grousset. Ук. соч., стр. 54, 60. К сожалению, и некоторые советские историки не свободны от такого рода представлений. Традиционное мнение о союзе армян с крестоносцами, возникшем якобы на почве религиозной общности, поддерживает, в частности, Г. Г. Микаэлян в своей «Истории Киликийского армянского государства» (Ереван, 1952, стр. 76 и сл., 92 и сл.).

«Армяне Киликии, — пишет он, — помогая крестоносцам, в них

народном конгрессе историков заявил даже, будто армяне оказались «единственным народом византийской сферы влияния», который увидел в крестовом походе действительно «священную войну», а самих крестоносцев считал ведомыми и вдохновляемыми богом¹.

В действительности дело обстояло совсем не так. Далеко не все армяне поддерживали западных «освободителей». С появлением крестоносных отрядов в армянских княжествах Киликии и Сирии обострилась социальная и политическая борьба. Часть эдесской знати, использовавшая народное выступление в своих интересах, блокировалась с «франками». Балдуин сумел довольно ловко воспользоваться политическими раздорами среди армянской верхушки, чтобы сблизиться со знатными заговорщиками против Тороса и стать властителем Эдессы. «Общий язык», да и то ненадолго, нашли не христиане-латиняне с христианами-армянами, а лишь некоторые представители феодальной знати той и другой стороны.

После утверждения Балдуина в Эдессе его рыцари разгромили восставших горожан. Сам он женился на дочери одного из эдесских «нотаблей» и принялся лихорадочно обогащаться, всячески притесняя жителей города и окрестных земледельцев. Его мало занимала судьба «единоверцев-армян». Гораздо больше манили — и Балдуина и христолюбивых сеньеров, которые по его призыву устремились в Эдессу, оставив мысль о Иерусалиме, — богатства этого города. По словам одного хрониста, Балдуин «каждый день расточал много подарков золотыми безантами, талантами, серебряными сосудами», т. е. самым откровенным образом грабил город. Его приспешники расхищали земли, должности, деньги. «Единоверцы-армяне», притесняемые и униженные своими «освободителями», уже в декабре 1098 г. подняли восстание, во время

видели союзников в борьбе против мусульман Востока» (стр. 93). Главная ошибка Г. Г. Микаэляна состоит в том, что он не отделяет армянских феодалов от армянского народа: «Константин (!) Киликии и Сирии... помогали крестоносцам» (там же). Это выражение («Константин и вообще армяне») весьма характерно для концепции Г. Микаэляна. Армянское население он рассматривает классово недифференцированно, избрая «армян вообще» в качестве некой религиозно-единой массы, которая целиком поддерживала крестоносцев как своих единоверцев.

¹ St. Runciman. The Byzantine provincial peoples and the crusade. «Relazioni», vol. III, p. 624.

которого искали помощи... у сельджуков. Руководители восстания были схвачены и, по приказу Балдуина, казнены, а имущество их отдано франкским рыцарям. Многие участники волнений были заключены в темницы; некоторым из состоятельных людей удалось освободиться за огромный выкуп (от 20 до 60 тысяч безантов за человека). Власть Балдуина в Эдессе отныне держалась исключительно на терроре против «единоверцев», на пытках и истязаниях, которым подвергались вчерашние «союзники».

Так разбойничьим путем было положено начало первому государству крестоносцев на Востоке — графству Эдесскому.

Выразительно пишет об утверждении здесь западных феодалов армянский хронист Матвей Эдесский: «И подобные неисчислимы и неслыханные дела они совершали ради сокровищ, предав страну разграблению, а людей — жестоким мучениям. Они помышляли лишь о зле и полюбили стезю злодеяний».

Грубая корысть руководила не только предводителями, но и рядовыми рыцарями, мечтавшими о приобретении земель и богатств. Между прочим, истинные мотивы, двигавшие крестоносцами, не составляли секрета и для их противника — сельджуков, которые были прекрасно осведомлены о том, что сильнейшим магнитом для крестоносцев являлись богатства, в чем бы они ни состояли. Интересно, как сельджуки пытались обращать плененных ими рыцарей в мусульманство. Рыцарю Райнальду Поршэ они без обиняков заявили: «Если сделаешь это, мы дадим тебе все, что попросишь, — золото и серебро, коней и мулов, множество других драгоценностей, каких только сам пожелаешь».

Сельджуки видели, с кем имеют дело, и редко ошибались в своих расчетах.

Борьба за Антиохию

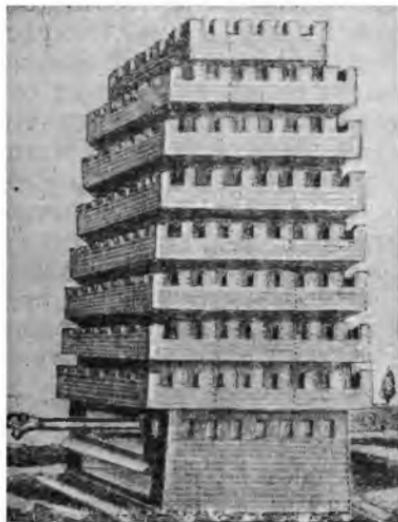
Главные силы крестоносцев, овладев шаг за шагом Малой Арменией (Киликией), вышли в Сирию, и 21 октября 1097 г. крестоносная рать подступила к Антиохии. Борьба за Антиохию длилась около года и изобиловала примерами такого же «поразительного единодушия»

крестоносных феодалов и такого же открытого безразличия к религиозным вопросам некоторых из их главарей, которое они уже выказали в Киликии.

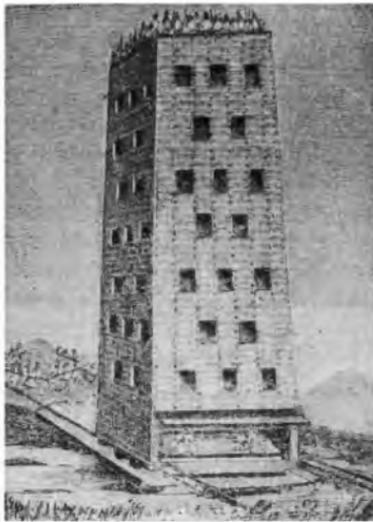
Антиохия была одним из самых значительных городов восточного Средиземноморья. С последней трети X в. она принадлежала Византии, но в 1084—1085 гг. ею овладели сельджуки; с 1087 г. здесь правил сельджукский эмир Баги-Зиян. Антиохия была городом-крепостью: ее окружали стены такой толщины, что по ним, как рассказывают современники, могла проехать четверка лошадей; к тому же вдоль стен имелось 450 башен, а юго-западная часть города была расположена на крутых горах. Овладеть этим городом, игравшим очень большую роль в восточной торговле, было задачей хотя и трудной, но весьма заманчивой для западных рыцарей. Они с жаром повели осаду Антиохии, но действовали крайне неумело: им было почти незнакомо искусство осадной войны; крестоносцы допустили много промахов. В течение нескольких месяцев они терпели одну неудачу за другой. Очень многие рыцари предпочитали (в ожидании будущих небесных и земных благ) систематически грабить и разорять богатые окрестности Антиохии, не заботясь о последствиях. Осажденные имели возможность то и дело совершать вылазки из города, который с юга вообще не был блокирован, тревожить набегами крестоносцев, мешать доставке им съестных припасов. Подошла зима, полили бесконечные дожди. На третьем месяце осады все ресурсы крестоносцев оказались на исходе. Начав после невоздержанных пиров испытывать голод, рыцари приуныли.

Правда, с Запада стали прибывать подкрепления. С берегов Атлантического океана и Средиземного моря к Антиохии двинулись десятки кораблей: тут были и генуэзцы, и фламандцы, и англичане. На выручку рыцарей спешили не столько западные купцы, сколько пираты. Но и Баги-Зиян обратился за помощью к другим сельджукским владетелям. Дамасский эмир Дюкак выслал на подмогу крупные силы. Они были с трудом разбиты соединенным 20-тысячным отрядом Боэмунда и Роберта Фландрского, которые в декабре 1097 г. в поисках продовольствия предприняли очередную попытку ограбления местности к югу от осажденного города. Несколько позднее было отражено и нападение войска эмира Алеппо—

Рыдвана. Однако положение крестоносцев становилось все более затруднительным. Как гром, поразила рыцарей, мучимых голодом, весть о том, что с востока приближается к Антиохии многотысячная армия мосульского эмира Кербуги.

Осадная башня с тараном

Осадная башня

Крестоносные бароны пытались было завязать переговоры о союзе против сельджуков с фатимидским Египтом — факт, показывающий, что в критические моменты крестового похода реальные политические интересы отодвигали в сторону всякого рода религиозные соображения. Но египетский везир аль-Афдал предложил неприемлемые для главарей крестоносного войска условия: раздел Сирии и Палестины, при котором Иерусалим остался бы за Египтом.

Затруднительным положением рыцарских отрядов воспользовался Бозмунд Тарентский, который давно уже вознамерился завладеть Антиохией, и притом отнюдь не для «блага христианства», а исключительно к своей собственной выгоде. Ему удалось подкупить одного из

сельджукских военачальников, отряд которого охранял башню на западной стороне Антиохии; командир башни согласился впустить в город рыцарей Боэмунда.

В момент, когда «освободители гроба господня», терзаемые голодом и страхом перед будущим, совсем было повесили головы, Боэмунд заявил предводителям, что сможет быстро покончить с Антиохией, если ему обещают, что она будет предоставлена в его, Боэмунда, распоряжение. Столь дерзкое и откровенное предложение нормандского авантюриста натолкнулось вначале на отказ многих главарей крестоносцев. Не желая отдавать нормандскому сеньеру такую заманчивую добычу, крестоносные хищники, некоторые из них, например граф Раймунд Тулузский, сами непрочь были сесть князьями в Антиохии, напомнили ему о вассальной присяге Алексею Комнину. Князь Тарентский не думал, однако, отказываться от своих намерений. Встретив оппозицию со стороны других предводителей крестоносцев, он сделал вид, что оставляет задуманное. Бесталанным главарям разбойничьего войска, встревоженным приближением Кербуги, в конце концов пришлось пойти на уступки.

Получив от вождей требуемые обещания (передать ему Антиохию, если он избавит их от безвыходного, как им казалось, положения), Боэмунд немедленно взялся за дело. В ночь на 3 июня 1098 г. он ввел свой отряд через башню, преданную ее начальником, в Антиохию. Одновременно крестоносцы произвели штурм города в других местах. Сельджуки были застигнуты врасплох, и город, таким образом, перешел к крестоносцам.

Победители с избытком вознаградили себя за лишения предшествующих месяцев осады: они перерезали всех жителей Антиохии пехристиан, дочиста разграбив город и уничтожив во время разгульных пиршеств все скудные запасы, которые еще оставались в крепости после семимесячной осады.

Антиохия была захвачена крестоносцами, но через несколько дней огромная армия Кербуги Мосульского обложила город, и крестоносцы, вчера еще осаждавшие его, сами попали в положение осажденных. Кербуга запер крестоносцев в Антиохии, рассчитывая истребить противника, взяв его измором. Действительно, крестоносцы очутились в страшной нужде. Дело дошло до того, что при-

шлось употреблять в пищу траву, древесную кору, и т. п.; не брезговали даже падалью.

В этой обстановке некоторые рыцари и сеньеры поспешили расстаться с надеждами на легкое обогащение, маячившими перед ними в начале крестового похода. Впав в отчаяние, эти доблестные защитники «гроба господня» десятками и сотнями, поодиночке и целыми отрядами бежали из Антиохии. Обычно беглецы ночью спускались на веревках по стенам и под покровом темноты старались добраться до кораблей, стоявших у морского берега; их называли поэтому веревочными бегунами.

Впрочем, некоторые из бегунов просто считали, что им больше нечего делать в крестовом походе: они и так достаточно награбили — к чему же терять добычу? К числу таких воинов, успевших насытить свою алчность и боявшихся лишиться добытого в грабежах, принадлежал, между прочим, граф Стефан Блуаский. Поход отнюдь не разорил этого крупнейшего французского сеньера, о богатствах которого во Франции говорили, что у него столько же замков, сколько дней в году. Стефан Блуаский писал своей супруге из-под Антиохии: «Верь мне, моя дорогая, что у меня теперь в два раза больше золота и серебра, чем было тогда, когда я ушел от тебя».

Этот бескорыстный «воин божий» не считал возможным подвергать опасности добро, награбленное на Востоке, ради освобождения «гроба господня». Сев на корабль, он отплыл восвояси. Его примеру последовали и некоторые другие феодальные грабители, напуганные перспективой попасть в руки к сельджукам и лишиться добычи. Конечно, далеко не все беглецы спасали свои богатства. Большинство этих ревностных защитников веры думало лишь о спасении своей жизни (между прочим, среди беглецов этого рода оказался и Петр Пустынник, который еще в Константинополе примкнул к рыцарскому ополчению).

Панические настроения все глубже проникали в среду крестоносцев, запертых во взятом ими же городе. Многим все казалось потерянным. Иные, отчаявшись в благополучном исходе дела, впадали в религиозное исступление и усиленно молились. На других бедствия осады в Антиохии подействовали в прямо противоположном направлении: в войске осажденных стал быстро исчезать

религиозный энтузиазм, которым в той или иной мере были охвачены рыцари.

Ошибочным было бы представлять себе дело так, что рыцарство было полностью безразлично к религиозным лозунгам похода, выдвинутым католической церковью. Реальные грабительские цели большинства рыцарей в их собственном сознании рисовались зачастую в религиозном облачении. По своему духовному облику рыцарь того времени немногим отличался от крестьянина. Религии в его жизни принадлежало существенное место: католицизм как господствующая идеология являлся, прежде всего, идеологией господствующего класса. И в то время как в мозгу крестьянина с освобождением «гроба господня» связывались земля и воля, в алчном воображении мелкого рыцаря спасение «христианских святынь» символизировало подвиг, в котором «высшие» религиозные цели сливались со вполне земными, захватническими устремлениями рыцарства. Разумеется, у многих религиозные мотивы могли быть и действительно были чем-то вроде чисто внешнего привеска к главному — мечтам о добыче и захватах земель; но другими — и таких было изрядное количество в рыцарском войске — действительно положение вещей воспринималось не иначе, как окрашенным в большей или меньшей степени в религиозные тона.

При этом следует учитывать, что религиозный «пыл», за которым скрывались земные устремления крестоносцев, проявлялся неравномерно в различные моменты крестового похода. Иногда религиозные чувства массы крестоносцев отступали далеко на задний план, и подлинные, низменные цели рыцарей вырисовывались во всей своей наготе и неприглядности; иногда же, наоборот, под прямым влиянием самого хода войны, побед или поражений, успехов или грозящей гибели «земные» намерения участников похода словно обволакивались плотным покровом религиозных наслоений — выполнение официальной церковной программы крестового похода казалось им самым делом первостепенной важности.

Надо иметь в виду и то, что наряду с крестоносцами-рыцарями немало было в войске и крестьянской бедноты. Не все бедняки отважились пойти в свое время за Петром Пустынником и подобными ему предводителями первых крестьянских отрядов. А какое значение имели религиоз-

ные представления для сознания темного земледельца-крестьянина — читатель уже знает.

Бедствия крестоносного войска в Антиохии, породив упадочнические настроения и среди этой, крестьянской части западного воинства, вызвали, с одной стороны, обострение религиозной фантазии, а с другой — рост неверия в «божественность» дела крестового похода: бог явно обрекал на слишком тяжкие мучения тех, кто намерен был положить за него свою жизнь! Нет ничего удивительного в том, что в этой атмосфере повышенной религиозной экзальтации в расстроенном воображении многих участников похода, испытавших к тому же муки голода в осажденной Антиохии, стали происходить всевозможные «таинственные» явления: «чудесные» галлюцинации, «необычные» сновидения. Конечно, в них отражалось лишь стремление найти выход из реальных трудностей, создавшихся для массы крестоносцев, но в их среде все эти факты истолковывались как нечто «вещное» и «пророческое».

Хронисты очень подробно рассказывают о целой серии «видений» и «чудес», прямо-таки лавиной обрушившихся на злополучных завоевателей Антиохии. Одним во сне стали «являться» апостолы, другим — воины, ранее павшие в боях с сельджуками. Все они действовали примерно на один лад: либо произносили длиннейшие нравоучения, отчитывая божьих воинов за то, что они «отворачиваются от всемогущего бога», либо старались вселить надежду на благополучный исход предприятия всякого рода мистическими «пророчествами», которые изрекались от имени всевышнего, либо, наконец, пытались укрепить пошатнувшуюся в массах веру в небесное блаженство, ожидающее тех, кто падет от рук поганых в «священной войне», и примирить обреченных со своей участью.

Еще более сгущая накаленную атмосферу религиозного возбуждения, некоторые церковники, в свою очередь, стали инспирировать «пророческие видения», будто бы «являвшиеся» тем или иным крестоносцам, и подстраивать «чудеса», служившие, разумеется, «божьим знаменем».

Зачастую рассказы о «видениях» сочинялись под диктовку духовных пастырей «христового воинства». Интересно, что апостолы и прочие герои «видений» имели обыкновение «посещать» во сне рядовых крестоносцев из

рыцарей или крестьян. Крупным баронам, видно, спалось спокойнее! Выбор вдохновителей этих таинственных «видений» не случайно падал на рядовых участников похода. Ведь их рассказы о «пророчествах» апостолов и прочих небожителей предназначались именно для воздействия на массу крестоносцев, бедствовавшую от голода в осажденной Антиохии и потому особенно легковерную. Рассказ простого рыцаря или крестьянина о «видении» способен был вселить большее доверие, чем если бы об этом же поведал знатный сеньер.

Цель этой религиозной демагогии состояла в том, чтобы в трудных условиях осады, когда многие постепенно разочаровывались в «святости» крестоносного предприятия и утрачивали веру в его победоносный исход, разжечь пламя религиозно-воинственного фанатизма, теснее сплотить массу крестоносцев — и мелких рыцарей, и бедняков-крестьян — вокруг предводителей, скрасить перспективами райской жизни за гробом гнетущие будни и изнурительные тяготы похода и, в конечном счете, побудить «воинство христово» к продолжению того грязного дела, которое оно уже начало по внушению папства.

Ради поддержания духа крестового похода фабриковались и «чудеса», которые должны были служить проявлением благосклонности «высших сил» к участникам «священной войны за веру». Из «чудес», случившихся в осажденной Антиохии по воле земных служителей бога, наиболее показательным было обнаружение так называемого святого копья. Эту историю, позволяющую составить представление о методах религиозного обмана, к которым обращались иные «духовные пастыри» крестоносцев, подробно рассказывает капеллан графа Тулузского в «Истории франков, которые взяли Иерусалим» и другие летописцы.

Провансальский крестьянин Петр Варфоломей сообщил как-то графу Раймунду Тулузскому, что получил от апостола Андрея, «явившегося» ему во сне, указание о местонахождении «святого копья» (по евангельскому мифу, во время казни Христа римский воин пронзил распятого «спасителя»): копьё зарыто в антиохийской церкви св. Петра, и если крестоносцы сумеют овладеть им, то они — такова небесная воля, высказанная апостолом, — избавятся от всех «напастей». Граф Тулузский, рассказы-

вает хронист, приказал произвести в соответствующем месте розыски, и в результате реликвия действительно была обнаружена: слова апостола сбылись! По рассказу летописцев, это событие сыграло чуть ли не решающую роль в последовавшей затем победе крестоносцев над Кербугой.

«Чудо» это было заранее подготовлено графом Тулузским и его приближенными, в том числе самим автором хроники — графским капелланом Раймундом Агильерским. Этот католический священник не остановился даже перед тем, чтобы «испытать огнем» Петра Варфоломея, дабы убедить в чудесном и сверхъестественном характере всего происшедшего тех, кто отказывался поверить фантастическому рассказу провансальского крестьянина, отказывался видеть реальную связь между обнаружением «святого копья» и апостольским «пророчеством». А сомневавшихся в правдоподобности этой истории оказалось довольно много: слишком явным был искусственный характер всего происшествия! Даже папский легат Адсмар де Пюи и кое-кто еще из духовенства высказали недоверие к этой истории, не говоря уже о таких вождях, как Боэмунд Тарентский, который попросту высмеял проделку своего соперника — Раймунда Тулузского. Графскому капеллану не осталось ничего другого, как подвергнуть «испытанию огнем» «осененного свыше» виновника «святой находки» — Петра Варфоломея, который в результате этого «испытания» скончался от ожогов.

Таковыми и подобными методами предводители крестоносцев, духовные и светские, старались укрепить в своей армии волю к продолжению «священной войны», поднять настроение голодного и деморализованного воинства.

В конце концов крестоносцам удалось выйти из затруднений и одержать победу над значительно превосходившей их по численности армией Кербуги. Главная заслуга в этом вновь принадлежала Боэмунду, которому князья вынуждены были, несмотря на все свое нежелание, вручить на две недели верховное командование. Немалую роль в успехе крестоносцев сыграли внутренние раздоры сельджукских правителей: вражда Мосула с другими мусульманскими княжествами. В конце июня 1098 г. войско мосульского эмира было разбито крестоносцами,

основательно разграбившими лагерь Кербуги. Как рассказывает летописец, женщинам, оказавшимся в лагере, благочестивые христиане «не причинили никакого вреда, кроме того, что пронзили их животы мечами». Увенчав таким достойным образом свои подвиги, крестоносцы всецело посвятили себя грабежам и диким оргиям, которые устраивались после всякого «удачного» набега на окрестные селения. Летописцы рисуют отвратительные сцены разгула, которому предавались под Антиохией рыцари креста.

Некоторые хронисты словно смакуют эти картины, подробнейшим образом и в самых натуралистических красках описывая, в частности, бесчисленные яства, которые поглощали христовы паломники: «от быка поедали только бедра и мясо с плеч и очень мало — грудину, о хлебе и вине говорить нечего, с какой легкостью они доставлялись». Крестоносцы настолько самозабвенно насыщали свои желудки едой и вином, что подчас даже забывали выставлять часовых и принимать иные меры предосторожности.

«Воины божьи» на полгода застряли под Антиохией. Формальным предлогом задержки было желание избежать невыносимой жары. Действительной же причиной этой задержки было то, что немедленно после завоевания Антиохии между предводителями крестоносцев начались раздоры. Кому владеть городом? Главными претендентами на Антиохию были, конечно, Бозмунд Тарентский и Раймунд Тулузский. Соперники готовы уже были поднять оружие друг против друга, однако до вооруженного конфликта дело не дошло. Большинство сеньеров не склонно было принять точку зрения графа Тулузского, со странным упорством требовавшего передачи Антиохии византийскому императору. Алексей Комнин, вассалом которого Раймунд в свое время отказался стать, и сам не терял времени. Пока крестоносцы совершали свой марш в Сирию, он использовал затруднительное положение сельджуков, скванных войной с западным рыцарством. Алексей I отнял у них и вернул империи многие города на малоазиатском берегу (Смирну, Эфес и др.), и некоторые внутренние области малоазиатского полуострова (Фригию). Считая дело крестоносцев безнадежно проигранным (беглецы из-под Антиохии приносили дурные вести),

византийское правительство отказалось помогать крестоносцам. Эта политика Византии повысила шансы Боэмунда в распри с Раймундом Тулузским, и в конечном счете Антиохия досталась князю Тарентскому.

Так в 1098 г. было основано второе крупное владение крестоносцев — княжество Антиохийское. Новоиспеченный князь Боэмунд Антиохийский, добившись своего, перестал помышлять о продолжении похода. «Святая земля» не интересовала этого крестоносца: он нашел свою «святыню», где можно было пожить в досталь!

Раймунд, впрочем, тоже не торопился покинуть Антиохию, дабы быть в состоянии во время разоблачить козни своего соперника по грабежу. Другие вожди крестоносцев, со своей стороны, с увлечением предавались грабежам и захватам в близлежащих к Антиохии районах и не спешили к намеченной официально цели, т. е. к Иерусалиму.

Захватнический характер феодального крестового похода выявлялся все более отчетливо. После взятия всякого мало-мальски значительного селения между главарями грабительского войска разгорались ожесточенные распри по поводу обладания завосванным. «Всякое место, которое отдавал нам бог,— пишет хронист,— вызывало спор». Каждый стремился опередить остальных при захвате у сельджуков деревень, крепостей, городов. Львиная доля добычи доставалась сильнейшим из феодалов; рядовым рыцарям, тем более беднякам-крестьянам, подчас ничего не оставалось.

Хронист Петр Тудебод, рассказывая о взятии одного пункта в Сирии, сокрушенно пишет: «Многие из наших [рыцарей], вступив в город, ничего не нашли там»: вся добыча уже была разделена между предводителями. А другой летописец, характеризуя доблестные дела христовой воинства в Сирии («села, и поля, и все остальное мы подвергали опустошению»), рассказывает, что когда во время осады некоей крепости сошлись вместе отряды герцога Бульонского, графов Фландрского и Тулузского, эти вожди крестоносцев не нашли для себя лучшего времяпрепровождения, как похвалиться друг перед другом богатствами, которые они захватили «в странах сарацин».

Жестокая грызня произошла между наиболее алчными защитниками «гроба господня» из-за сирийской крепости Маарры, к которой поздней осенью 1098 г. двинулись

отряды Раймунда Тулузского. Бозмунд не хотел уступать сопернику эту важную крепость и поспешил вслед за ним, так что взята она была одновременно и нормандцами и провансальцами. Город был беспощадно разграблен.

Резня мусульман крестоносцами в мечети.

С гравюры по рис. Доре

«Всякий, кто находил в домах какое-нибудь добро, присваивал его в свою собственность», — повествует хронист с невозмутимым спокойствием, словно не замечая, как не вязалось поведение рыцарей креста с христианской заповедью «не укради». Особенно отличился в Маарре

Боземунд: он приказал жителям собраться в одном месте «с женами и детьми», после чего «отобрал у них все, что имели,— золото, и серебро, и различные драгоценности, которые были при них». Не менее разнузданным было и поведение его соперника.

Все эти факты еще раз показывают, что более или менее прочного единства в феодальной войске Запада не было, тем более единства, продиктованного будто бы какими-то «высокими» целями крестового похода. Было единство грабителей, но и оно, естественно, носило крайне поверхностный характер и легко распадалось, когда низменные, корыстные, захватнические интересы крупнейших сеньеров — предводителей крестоносных банд сталкивались друг с другом.

Социальные противоречия в крестоносном войске

В войске первого крестового похода, и чем дальше, тем сильнее, проявлялись и гораздо более глубокие — межклассовые противоречия.

Многие современные буржуазные ученые, восхваляя крестоносное движение, особенно старательно подчеркивают, что крестовый поход якобы привел к уничтожению социальных различий среди его участников, что между крестоносцами установилось полное равенство: был ли один вилланом, а другой — «благородным», никому из них не было до этого дела. Да и зачем, мол, нужно было это знать? «Все чувствовали себя детьми одной веры, сыновьями одного бога» — так формулирует эту точку зрения современный французский историк Ж. Шарпантье¹. Однако она очень далека от истины. На самом деле первый крестовый поход с большой силой обнаружил остроту социальных противоречий в крестоносном войске, отсутствие глубокой сплоченности в армиях западных захватчиков.

Во время похода отнюдь не прекратилась борьба крепостных с сеньерами, сгладить которую так хотели организаторы похода, прежде всего — католическая церковь. Эта борьба продолжалась, хотя формы ее несколько видоизменились в соответствии с новыми условиями, в которые были поставлены все участники похода на Восток.

¹ J. Charpentier. L'ordre des templiers. Paris, 1945, p. 14.

Она продолжалась — иначе не могло и быть, — потому что стремления крестьян, которых было немало в феодальной войне, и стремления сеньеров решительно расходились. С одной стороны — освободительное в своей основе движение крепостных, с другой — движение чисто захватническое, феодальное. Хотя внешне звать, рыцари и беднота выступали под единым, религиозным флагом, но, по сути, никакой общности целей западные крестоносцы не имели. Феодальные верхи преследовали свои классовые интересы. Они были мало озабочены участью бедняцкой массы. И народ это чувствовал. Бедняки, и не только из крестьян, но и из безземельных рыцарей, оказавшихся во время похода довольно близкими по положению к крестьянам, с самого начала не испытывали особого доверия к главарям похода.

Еще в Константинополе в 1097 г. начался ропот против вождей, когда стало известно о вассальной присяге, которую они принесли византийскому императору. В хронике анонимного автора («Деяния франков»), стоявшего близко к рядовым крестоносцам, звучат резкие ноты возмущения и недовольства, раздававшиеся в массе, которая уловила в переговорах вождей с императором нечто чуждое своим стремлениям. «Неужто вожди всегда будут глумиться над нами?» — таков лейтмотив этого ропота, поднявшегося в войске в момент пребывания в византийской столице.

Этот ропот усилился при переходе через Малую Азию, особенно когда вожди крестоносцев, целиком поглощенные захватами земель и богатств, обнаружили полное безразличие к нуждам рядовых воинов-бедняков. Феодалы не прочь были использовать отдельные боеспособные элементы бедняцкой массы, но до остальных им не было дела. Они подчас без стеснения высокомерно третировали их. В изголодавшихся бедняках-крестоносцах сеньеры видели лишь бремя, мешавшее им достичь своих целей. Сеньеры старались иногда просто избавиться от бедняков. Так было, например, в Тарсе, взятом Балдуином. Вскоре после захвата города этим феодалом к стенам Тарса подошли около 300 человек, оставших в пути. «Они, — пишет Вильгельм Тирский, — устали от длинной дороги, не имели съестных припасов и очень просили впустить их в город». Балдуин отдал приказ не пускать этих людей в

Тарс. «За них,— продолжает хронист,— просили простолюдины, находившиеся в городе, но их не пустили... Жалея их, народ в корзинках спустил им хлеб и вино в мехах со стены города... Ночью они были перебиты турками». Это открытое пренебрежение феодальных верхов к массе крестоносцев послужило поводом к возмущению среди рядовых участников похода, находившихся в Тарсе. Они проявили горячее участие к беднякам, которые по воле Балдуина и других феодальных главарей были брошены на произвол судьбы. Возмущение это достигло большой силы и переросло в вооруженное выступление масс против феодальных предводителей. «Народ очень жалел [погибших ночью],— читаем у Вильгельма Тирского,— и взялся за оружие против Балдуина и других вождей, считая их виновниками гибели своих товарищей... Если бы вожди не спрятались в башнях, народ отмстил бы им за смерть своих братьев». И, надо думать, не только за «смерть своих братьев». В судьбе трехсот бедняков-крестоносцев, оставленных Балдуином на верную гибель, рядовые воины этого сеньера могли прочесть свою собственную судьбу в будущем.

Трудности похода сделали еще более заметной пропасть между бедняками и знатными сеньерами. Знатные крестоносцы, например Стефан Блуаский и др., умножили свои богатства. Знать не стеснялась во время похода использовать и затруднения, с которыми столкнулись массы крестоносцев, в целях личной наживы. Так, лица, близкие к Раймунду Тулузскому, тайком убивали лошадей и продавали конину своим «собратьям-единоверцам» по спекулятивным ценам. Недаром Гвиберт Ножанский сообщает об огромных богатствах одного предводителя крестоносцев, накопленных во время похода: «золотые слитки и монеты виднелись ворохами в палатках, как обыкновенные овощи в хижинах земледельцев».

Между тем, многие мелкие рыцари еще более обнищали в пути, особенно во время бедствий в Антиохии, осажденной Кербугой. Но в наиболее стесненном положении оказалась крестьянская беднота, тысячи нищих земледельцев, которые со своими семьями примкнули к рыцарским отрядам; среди этой массы бедняков было, к слову сказать, много стариков, калек, женщин. Все эти люди в походе потеряли даже то небольшое, что у них было

раньше. По словам Гвиберта Ножанского, они «шли босиком, без оружия, без денег, совсем оборванные и кормились чем попало». Контраст между положением оборванной и нищей массы бедняков и феодальной рыцарской знати во время похода еще более увеличился. А это способствовало лишь тому, что отношения различных по своему положению, по своей классовой природе общественных элементов внутри крестоносного войска становились весьма и весьма напряженными.

Между прочим, это сказалось на самой организации крестоносных ополчений. Некоторые группы бедняков, видимо, проникнутые особой враждой к феодалам, стремились отделиться от остальных отрядов. Гвиберт Ножанский говорит о «босом народе», что он шел «впереди всех». Эти подразделения бедноты были объединены в особые отряды; некоторые исторические памятники называют членов этих отрядов «тафурами». Об этих «тафурах» много любопытных вещей сказано в «Песни об Антиохии» — произведении народного эпоса XII в. Что «тафуры» — это беднейшие крестоносцы, показывает уже их вооружение: дубины, ножи, каменные молоты и тому подобное «импровизированное оружие»¹.

Об этом же свидетельствует и совет, который якобы, если верить «Песни об Антиохии», Петр Пустынный дал «тафурам» насчет того, как им прокормить себя; для утоления голода он посоветовал им употреблять в пищу трупы сельджуков: «вареные и соленые, они будут очень вкусны». А что «тафуры» объединялись в отдельные отряды, подтверждается хотя бы тем, что они подчинялись лишь собственному, избранному ими самими предводителю. «Тафуры» с нескрываемой враждой относились к рыцарям и знати. Гвиберт Ножанский рассказывает, как «король тафуров» производил смотр своего «войска»: если у кого-нибудь из «тафуров» оказывались найденными деньги или какие-нибудь ценности стоимостью в два солида, то предводитель немедленно удалял его своей властью, приказывал купить оружие и перейти к вооруженным. Тех же, которые «возлюбили свою бедность и совсем ничего не имели», он присоединял к своим. Эти детали очень характерны: бедняки-крестоносцы не терпели в своем кругу ни-

¹ W. Porges. The clergy, the poor and the non-combattants in the first crusade. «Speculum», t. XXI, № 1, 1946, p. 12.

кого, кто по материальному положению в какой-то мере был близок хотя бы к низшим слоям феодалов; его изгнали прочь и отсылали к рыцарям. В нем словно чувствовали потенциального классового противника. И недаром крестоносные феодалы боялись «тафуров», несмотря на их примитивное вооружение. Из некоторых намеков «Песни об Антиохии» видно, что вожди рыцарских отрядов осмеливались приближаться к «тафурам», лишь приняв все меры предосторожности.

«Босой и оборванный народ» не склонен был проявлять христианскую любовь к своим «ближним» — сеньерам. И в критические моменты похода, когда социальные контрасты усиливались больше обычного, а различие целей особенно глубоко разъединяло войско крестоносцев, классовая вражда бедняков и феодалов проявлялась совершенно открыто.

Именно так случилось в Антиохии и затем в Маарре в конце 1098 г. Здесь чисто приобретательские намерения главарей-сеньоров сказались настолько отчетливо, что их распри за каждую пядь захваченной земли совершенно заслонили мнимо благочестивые цели всего предприятия. А между тем, как читатель знает, освободительные стремления бедняков, составлявшие главнейшую причину их участия в походе, зачастую получали среди рядовых крестоносцев религиозное выражение: освобождение Иерусалима из рук «неверных» — лозунг, брошенный папством, — в глазах многих и многих крестоносцев оставалось целью, с достижением которой связывались надежды на лучшую жизнь в «земле обетованной».

Конфликт Боэмунда Тарентского и Раймунда Тулузского из-за обладания Антиохией, задержавший на несколько месяцев крестовый поход, породил сильное недовольство среди крестоносцев-бедняков. Они стали требовать продолжения похода. По словам одного хрониста, бедняки имели только одно желание: как можно скорее достичь святого гроба. Конечно, дело было не столько в религиозном рвении «босого народа», сколько в том, что захватнические планы вождей оказались в явном несоответствии с антифеодальными настроениями масс, проявлявшимися в религиозной форме.

Ропот против вождей, поднявшийся во время пребывания войска под Антиохией, вылился в новое возмущение,

грозившее мятежом более сильным, чем тот, который произошел в Тарсе. «Вожди удерживают нас от похода на Иерусалим,— говорили недовольные.— Давайте выберем сами себе храбреца, который с божьей помощью приведет нас к святому гробу». Голос недовольных становился все более угрожающим. Хронист пишет о настроениях рядовых крестоносцев под Антиохией: «Пусть, кто хочет, владеет золотом императора и богатствами Антиохии, мы хотим идти дальше под водительством господина... Да погибнет тот, кто желает остаться в Антиохии. Если спор [за Антиохию] будет продолжаться, мы разрушим город... Тогда установится согласие среди вождей».

Разбирая события под Антиохией, немецкий историк Г. Зибель сделал характерное замечание: в этом движении за продолжение похода на Иерусалим, писал он, «мы видим в полной силе те же мятежные элементы», которые участвовали в предприятии Вальтера Голяка и Петра Пустынника. Зибелю нельзя отказать в проницательности! И в самом деле: когда крестоносцы-бедняки заявили, что они пойдут вперед «под водительством бога», разве в этом не выразался в религиозной оболочке протест против феодального предводительства, а следовательно, и вообще против феодальных целей крестового похода, чуждых бедноте?

Сила этого протеста устрасила Раймунда Тулузского, который, боясь народного возмущения, отдал приказ уходить из Антиохии в направлении на Маарру. Новые раздоры вождей из-за Маарры зимой 1098/99 г. вызвали бурное выступление массы южнофранцузских крестоносцев. Хроника Раймунда Агильерского в следующих выражениях передает их возмущение распрями сеньеров: «Спор из-за Антиохии и из-за Маарры спор; спор из-за всех городов, которые бог передает в наши руки, распри вождей... Это место не должно нам больше мешать». Здоровые и больные, рассказывает хронист, молодые и старые, и даже слабые и хромые, опираясь на костыли, спешили дать выход своему гневу: они разрушили до основания все стены, башни и укрепления Маарры, чтобы не из-за чего было сеньерам спорить друг с другом.

Бедняки бросили свои очаги, отказались от всего не для того, чтобы Боэмунд стал сеньером Антиохии, а Раймунд — Маарры. В этих стихийных действиях низов кре-

стоносцев их протест против корыстной политики крупных феодалов достиг своей высшей точки. Раймунд Тулузский вынужден был отказаться от мысли наказать «мятежников». Он заявил, что столь ревностное желание идти на Иерусалим внушено народу не иначе, как небесами, и в середине января 1099 г. последовал приказ об оставлении Маарры.

Таким образом, сопротивление масс заставило предводителей взять путь на Иерусалим. Крестьяне настойчиво стремились вперед в надежде достигнуть «земного рая», обещанного папой в Клермоне.

Взятие Иерусалима. Создание государств крестоносцев

Стремясь опередить друг друга, крестоносцы буквально бежали толпами к Иерусалиму. Крестовый поход близился к концу.

В этот момент захватнические намерения феодалов достигли наиболее полного выражения. После взятия Рамлы среди крестоносных феодалов стали раздаваться голоса о том, чтобы вообще оставить путь на Иерусалим и двинуться «к Египту и Вавилонии»: «ибо если благодаря милости божьей одолеем царя египетского, то сможем взять не только Иерусалим, но и Александрию, и Вавилонию, и многие царства», — вот какие фантастические проекты, в передаче хрониста, выдвигали некоторые самые жадные главари войска, которым успехи вскружили голову и которые совсем уже не помышляли ни о христианских святынях в Иерусалиме, ни о «помощи братьям-христианам», а думали лишь о «многих царствах» и о возможности их завоевания. Эти проекты остались плодом распаленного воображения захватчиков.

Крестоносцы осадили Иерусалим, незадолго до того отвоеванный у сельджуков Египтом (1098 г.). На помощь рыцарям явились генуэзцы, которые привезли на галерах в гавань Яффу хлеб, вино, дерево для постройки осадных башен. 15 июля 1099 г., после ожесточенного штурма, Иерусалим пал.

Повальные грабежи, перед которыми бледнеет разгром Антиохии, начались в захваченном городе. Зверства и жадность крестоносцев не знали предела. Рыцари броси-

лись в мечеть халифа Омара, ища ценностей, о которых они слышали раньше. Тут же была учинена резня мусульман, а заодно и евреев. По словам летописца, несколько сгущавшего краски, чтобы произвести большее впечатление на читателей, в мечети Омара кровь якобы «доходила до колен рыцаря, сидящего на коне, и до челюстей самого коня». Первыми проникли туда Танкред и Готфрид Бульонский, овладевшие наиболее ценными сокровищами и припрятавшие их. Рыцарский грабеж перемежался с молитвами перед мифическим «гробом господним»; от молитвы рыцари снова переходили к резне и грабежу. Они убивали всех — мужчин, женщин, детей, головы которых разбивали о камни. «После великого кровопролития, — рассказывает хронист Фульшер Шартрский, — крестоносцы разбрелись по домам горожан, захватывая все, что в них находили. При этом устанавливалось обычное, что всякий, кто входил в дом первым, был ли он богат или беден, присваивал, получал и владел домом или дворцом и всем, что в нем находилось, как собственным».

Алчность обуяла воинов креста настолько, что они «вспарывали животы умершим, чтобы извлечь из них золотые монеты, которые те проглотили при жизни... Ради этого они [рыцари] через несколько дней сложили трупы в большую кучу и сожгли в пепел, чтобы легче было найти упомянутое золото», — пишет тот же автор.

Истинный облик крестоносных феодалов, «освободителей святого гроба», проявился как нельзя более ярко при захвате Иерусалима. Еще Э. Гиббон, английский историк конца XVIII в., в «Истории упадка и разрушения Римской империи» заклеил феодальных крестоносцев именами «разбойников, поджигателей и убийц», которые прежде всего стремились добыть себе «мечом богатое и почетное владение». Это была, безусловно, меткая характеристика. Поведение крестоносцев в Иерусалиме, как писал К. Маркс, «привело в ярость все магометанское население Востока»¹.

«Освобождение» Иерусалима от власти «неверных» означало, что выполнена лишь официальная часть программы крестового похода, составленной папством. Но тотчас по ее выполнении всплыли на поверхность реаль-

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 125.

ные интересы участников похода, а в связи с этим возникли серьезные трения между светскими и церковными предводителями крестоносцев.

Высшее духовенство настаивало на том, чтобы Иерусалим стал церковным государством во главе с патриархом. Папа римский направил в Иерусалим своего легата — властолюбивого пизанского архиепископа Даимберта. Этот ревностный приверженец Урбана II (последний умер, так и не дождавшись вести о падении Иерусалима) старательно добивался того, чтобы не светский князь, а патриарх взял в свои руки бразды правления в «святом городе». Новый папа Пасхалий II напомнил крестоносным сеньерам, что, собственно, католическая церковь была инициатором предприятия, ее, следовательно, нужно и вознаградить соответствующим образом.

Однако князья, со своей стороны, требовали, чтобы власть над Иерусалимом была вручена одному из них. Страсти разгорелись, и распря достигла такой остроты, что крестоносцы едва не оказались на пороге настоящей междоусобной войны. В конце концов главари крестоносцев пришли к компромиссному решению. Формально Иерусалим был передан в управление представителю римского папы — патриарху Даимберту, а из числа князей был избран фактический государь Иерусалима — Готфрид Бульонский, которому присвоили пышный титул «защитника гроба господня». Готфрид согласился даже признать себя вассалом патриарха: не стоило из-за этой формальности ссориться с церковью! Ведь реальная сила все равно была не на стороне духовенства, хотя оно и претендовало на всю полноту власти в Иерусалиме.

Претензии апостольского престола на светскую власть в Иерусалиме, за тысячи километров от Рима, звучали несубедительно для рыцарей и их вождей.

Прошло еще немного времени, и нежелание сеньеров делиться с папой своими новыми владениями выступило с полной отчетливостью. Балдуин Эдесский, унаследовавший Иерусалим после смерти «защитника гроба господня» уже на правах иерусалимского короля Балдуина I (1100—1118), действовал более решительно; он ничего и знать не захотел о претензиях церкви, на Иерусалим.

Обосновавшись в Иерусалиме, крестоносцы продолжали захваты в Палестине и Сирии. Силы «воинства хри-

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1096-1099гг.)

стова» к этому времени значительно поредели. Иерусалима достигло не более 40 тысяч человек. Половина из них сочла свою миссию законченной и поспешила вернуться в Европу: сеньеры вроде Роберта Нормандского и Роберта Фландрского, а также рыцари — чтобы прокутить на родине богатую военную добычу, бедняки — потому, что у многих из них не было иного выхода. Оставшиеся крестоносцы, те, кто рассчитывал прочно осесть в «святой земле» (их было около 20 тысяч, из них лишь несколько сот «благородных» сеньеров), продолжали свои завоевания.

При поддержке венецианского и генуэзского флотов крестоносцы в ближайшие за взятием Иерусалима годы овладели всем восточно-средиземноморским побережьем. Они захватили один за другим важные портовые города — Хайфу, Арсур, Кесарию, Акру, Триполи, Сидон, Бейрут и, наконец, в 1124 г., после долгой осады, — Тир.

Постепенно здесь были основаны государства крестоносцев.

Наиболее значительными среди них стали графства Эдесское и Триполийское и княжество Антиохийское — на севере, королевство Иерусалимское — на юге. В каждом из них утвердились государями крупнейшие из предводителей крестоносцев: в Эдессе, как читатель помнит, — Балдуин, а после того, как он стал иерусалимским королем, — его наследники; Антиохию прибрал к рукам Боэмунд, всячески старавшийся затем расширить свои владения в войнах с соседями¹; Триполи досталось потомкам его завистливого соперника Раймунда Тулузского (сам он умер при осаде этого города в 1105 г.); корона иерусалимских королей была закреплена за родственниками Готфрида Бульонского — Арденнско-Анжуйской династией².

---

¹ В 1101 г. он попал в плен к одному сельджукскому эмиру; освободившись с большим трудом, Боэмунд в 1107 г. отправился в Европу, где при содействии Пасхалия II стал собирать силы для нового крестового похода... против Византии, которая не отказывалась от попыток вернуть себе Антиохию. Свои планы Боэмунд не сумел осуществить: он был разбит греками при Диррахии и окончил свои дни в Италии.

² Балдуин II (1118—1131) выдал свою дочь за видного французского феодала — графа Фулька Анжуйского, который затем и занял иерусалимский трон; отсюда название «Арденнско-Анжуйская» династия.

Так, в начале XII в. при помощи «крестового похода» западные феодалы сделали попытку утвердить свое господство в богатых землях Сирии и Палестины.

Крестоносцы одержали победу на Востоке. Они вышли победителями не потому, что религиозные идеалы придали им какое-то особое, исключительное мужество и силу в борьбе с «неверными», и не потому, что их военная организация превосходила организацию противника: своими победами крестоносцы были обязаны не столько самим себе, сколько дезорганизации мусульманского мира. Он был раздроблен на множество мелких государственных образований, и вследствие этого «христианское воинство», хотя ему и пришлось одолеть немало трудностей, не получило в целом достаточного отпора.

Важнейший практический результат первого крестового похода — овладение западными завоевателями Восточным Средиземноморьем — удовлетворил, в первую очередь, корыстные интересы кучки алчных феодалов, светских и церковных. Результат этот был достигнут дорогой для народов Запада ценой. Огромные жертвы по вине папства были, прежде всего, понесены народными массами Франции, Германии, Италии и других стран Западной Европы. Немалые потери понесло и рыцарство. Десятки тысяч человек погибли еще во время крестового похода 1096 г. Новые десятки тысяч людей пали в сражениях «за веру», а по сути — за интересы феодальных верхов Запада во время «большого» крестового похода 1096—1099 гг. В этом походе участвовало до 100 тысяч человек, из которых большая часть не принадлежала к классу феодальных сеньеров. По подсчетам американского исследователя В. Порджиса, воины-феодалы составляли не более одной шестой от общего количества крестоносцев, а по мнению французского историка Ж. Ришара, — не свыше половины всех участников похода¹. Остальные (за исключением духовенства) — это были бедняки, главным образом из крестьян, отправившиеся в неведомые края в поисках лучшей доли. Ничтожная часть их добралась до Иерусалима, большинство же пало в боях, умерло от голода и эпидемий.

---

¹ W. Porges. Ук. соч., стр. 3; J. Richard. Le royaume latin de Jérusalem. Paris, 1953, p. 23.

Но и этим не ограничились человеческие потери первого крестового похода. Непосредственным отзвуком его и продолжением явилась новая волна крестового движения, поднявшаяся в 1100 г. Весть о взятии Иерусалима произвела сильное впечатление на Западе. Историки иногда сравнивают его с тем, которое много позже, в эпоху великих географических открытий, оказали на Европу известия о богатствах Нового Света, вызвавшие грабительские экспедиции испанских конкистадоров в Мексику и Перу. Рассказы крестоносцев, вернувшихся из Сирии и Палестины, о сказочно богатой добыче, захваченной на Востоке, точно так же распалили алчность и возбудили надежды у многих, кто до этого оставался в стороне от движения. В 1100 г. на Восток двинулись новые массы людей из Ломбардии, Бургундии, Шампани, Германии,— и притом «не борцов против «неверных»», как писал немецкий историк Г. Пруц, а «искателей добычи и счастья»¹. Численность ломбардцев определяется в новейшей литературе в 50—160 тысяч, бургундцев — в 15 тысяч; в немецком ополчении было до 60 тысяч одних только крестьян. Всего, таким образом, в этом «арьергардном» крестовом походе участвовало около 200 тысяч человек. Почти вся эта масса людей погибла в Малой Азии летом 1101 г.

Таковы приблизительно были людские потери первого крестового похода. Таково было гигантское «жертвоприношение» народов Запада, устроенное папством, католической церковью и верхами феодального класса в своих корыстных, эгоистических целях.

Что же принесли западные «освободители» населению стран, попавших под их власть? Какие порядки они установили в своих сиро-палестинских государствах?

Франкские государства на Востоке

Поделив между собой новые владения, западные сеньеры в основном скопировали общественно-политическую организацию, существовавшую на родине большинства из них — во Франции. Разумеется, им пришлось по необходимости принять во внимание и некоторые особенности

---

¹ Н. Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin, 1883, S. 99.

экономики и социальных отношений завоеванных областей.

Основную массу трудящихся в государствах крестоносцев (на Востоке их называли «франками») составляло крестьянство. Часть его, совершенно, впрочем, ничтожная, — это были те, которым удалось добраться до «святой земли». На первых порах они добились некоторого улучшения своего положения, но улучшение было весьма непродолжительным. Вскоре сеньеры стали отнимать у них первоначальные льготы, закабалить своих «собратьев» из Европы, расширять круг их повинностей. Только недолговечность существования самих крестоносных государств спасла крестьян-франков от полного закрепощения.

Крестьяне-франки составляли незначительное меньшинство довольно пестрого по национальному составу туземного населения. Здесь жили греки, армяне, сирийцы, арабы, евреи и другие народности. Все они говорили на разных языках, имели различные религиозные верования: арабы исповедывали ислам, сирийцы, греки, армяне были христианами. Как известно, крестоносцы отправились в поход, чтобы «освободить» своих единоверцев от ига мусульман. Все эти громкие слова были отброшены в сторону, как только новые господа укрепились в завоеванных землях. И мусульмане, и христиане — среди тех и других до нашествия крестоносцев еще оставались свободные, независимые землепашцы — были превращены в крепостных пришлых сеньеров. Крестоносные завоеватели уничтожили последние остатки личной свободы среди земледельческого населения покоренных областей.

Материальное и правовое положение трудолюбивых земледельцев и скотоводов, виноградарей и садоводов Сирии и Палестины резко ухудшилось. Независимо от того, были ли они мусульманами или христианами, они должны были работать на новых господ — франков — не меньше, а больше, чем на прежних — византийцев, арабов, сельджуков.

Вилланы (этим словом в государствах крестоносцев обозначались крепостные) подвергались жестокой эксплуатации и притеснениям. Их земля рассматривалась как собственность завоевателей, самих их прикрепляли к земельным участкам, вместе с которыми (а иногда и отдельно) их продавали и покупали.

Крепостные были обременены различными повинностями в пользу своих сеньеров и налогами — в пользу государства. Барщина в крестоносных государствах, как правило, была невелика. Дело в том, что в связи с острой нехваткой рабочих рук (население Сирии и Палестины резко уменьшилось в результате крестоносных войн) франкские сеньеры предпочитали получать оброк с крестьян, прикрепленных к своим наделам, чем требовать от них работы на господской земле. Барщинная повинность практиковалась довольно широко только там, где сеньеры владели плантациями сахарного тростника, например во владениях иерусалимских королей. Здесь, по исследованиям профессора Иерусалимского университета Дж. Проуэра, крестьяне должны были непосредственно обрабатывать на господской земле от 4 до 6 дней в месяц¹. В остальных случаях барщинные работы ограничивались несколькими днями в году.

Зато всей тяжестью ложились на плечи как «братьев»-христиан, так и «нехристей»-сарацин (так завоеватели называли арабов) натуральные оброки и прочие платежи. Тяжесть их была тем более велика, что размер этих повинностей не был постоянным и зависел от произвола господина, против которого, по словам К. Каэна, у виллана не было никакой гарантии². Лаконичные, но достаточно выразительные сведения о размере этих повинностей сохранил в своем описании порядков Иерусалимского королевства мусульманский путешественник ибн-Джубайр, посетивший государство франков в 1184 г. По его данным, сеньеры вжимали со своих крепостных ни много ни мало — от одной трети до половины урожая! Господину шла также определенная часть сбора с фруктовых деревьев, олив, нередко — половина сбора винограда.

Существовали и различные государственные налоги: поголовный (сходный с мусульманским хараджем), налог с фруктовых деревьев, всевозможные пошлины — за провоз продуктов на городские рынки и др.

---

¹ J. P r a w e r. Etudes de quelques problèmes agraires et sociaux d'une seigneurie croisée au XIII siècle. «Byzantion», t. XXIII, 1953, p. 165.

² Cl. C a h e n. Notes sur l'histoire des croisades et de l'Orient latin. «Bulletin de la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg». 1951, № 7, p. 299.

К тому же все это крепостное население было совершенно бесправным, причем западные сеньеры в своем отношении к населению подвластных областей не делали различия по религиозным признакам. С христианами обращались не лучше, чем с «неверными».

Все это лишний раз показывает, какова была действительная цена лозунга освобождения «братьев по вере», выдвигавшегося ранее организаторами крестового похода: крестоносцы лишь надели на сиро-палестинских крестьян новое ярмо.

Эти факты в большей или меньшей степени давно известны буржуазным историкам. К сожалению, многие современные авторы неправильно освещают положение крестьян во франкских государствах, стараясь убедить своих читателей, что завоевание Сирии и Палестины крестоносцами было благотворным для покоренного населения или, в крайнем случае, что в его положении не произошло никаких существенных перемен. На этой позиции стоит французский историк Р. Груссе, считающий, что западные феодалы принесли на Восток «порядок и справедливость»¹. Сходные взгляды высказывает английский ученый Р. Смэйл², а в самое последнее время эта точка зрения нашла защитника в лице молодого французского исследователя Ж. Ришара. Он прямо предостерегает читателей своей книги («Латинское Иерусалимское королевство») от того, чтобы «видеть в туземцах угнетенную и бесправную массу держателей и ремесленников»: оказывается, «франки обеспечили им сносную материальную жизнь, уважали местные традиции» и т. д.³ Эти и некоторые другие ученые (например, американка М. Никерсон)⁴ в один голос утверждают, что правящий класс и подневольное трудящееся население на Востоке образовали некое гармоническое единство, а перемены, внесенные завоевателями-крестоносцами, были якобы неощутительны для крестьян. При этом Дж. Проуэр, например, считает возмож-

---

¹ R. Grousset. *L'empire du Levant*. Paris, 1946, p. 318.

² R. C. Smail. *Crusaders castles of the twelfth century*. «Cambridge historical journal», 1951, vol. X, № 2.

³ J. Richard Ук соч., стр. 126.

⁴ M. E. Nickerson. *The seignury of Beirut in the twelfth century and the Brisebarre family of Beirut — Blanchegarde*. «Byzantion», t. XIX, 1949.

ным говорить о «почти патриархальных отношениях» между франкскими сеньерами и их крестьянами, несмотря на то, что, как он сам признает, «после уплаты повинностей сеньеру крестьянину оставалось так мало, что едва хватало для прокормления семьи и для будущих посевов»¹.

На самом деле общественная жизнь в государствах крестоносцев была очень далека от идиллии, которую рисуют названные ученые, чтобы реабилитировать крестоносцев и тем самым оправдать крестовые походы².

Вилланы, будь то сирийцы, греки или арабы, ненавидели своих иноземных «благодетелей» и не раз оказывали им решительное сопротивление. Вся история франкских государств в Сирии и Палестине заполнена постоянной и непрерывной борьбой местного крестьянства против западных господ. О возмущениях трудящихся рассказывают — правда, очень скупо, отрывочно — многие хронисты и писатели XII—XIII вв. — и западные (латинские), и восточные (арабы, сирийцы, армяне).

Фульшер Шартрский пишет, что сельское население Иерусалимского королевства поддерживало мусульманские государства Египта и Сирии в их войнах против франков. Нередко поражения крестоносных феодалов в войнах с Египтом или сельджуками служили поводом для мощных крестьянских выступлений. В 1113 г., после неудачи рыцарей в битве с египтянами у Син-ал-Набра, крестьяне из области Самарии напали на один из крупных городов Иерусалимского королевства Наплузу и подвергли его опустошению (даже Ж. Ришар называет события 1113 г. «жакерией»)³. Аналогичные события произошли

¹ J. P.rawer. Ук. соч., стр. 151.

² Интересно, что даже американский буржуазный писатель К. Рексрот бросает Груссу упрек в «шовинизме». Рексрот пишет: «Когда вы читаете его первые слова о цивилизаторской роли крестовых походов, вам кажется, что вы забыли французский язык и спутали подлежащее с дополнением» («The Nation», 10 September 1955, p. 226). К. Казн в своей рецензии на упомянутую книгу Ж. Ришара отмечает в качестве ее недостатка звучащую в ней местами апологетическую нотку: по выражению страсбургского профессора, идея колонизаторской миссии (так он называет восхваление деятельности крестоносцев на Востоке некоторыми историками) в книге Ришара там и сям «показывает кончики своих ушей». «Revue historique», t. CCXIV, № 1, 1955, p. 113.

³ J. Richard. Ук. соч., стр. 23.

несколько десятков лет спустя, в 1187 г., в момент, когда египетский султан Салах-ад-дин нанес поражение силам Иерусалимского королевства: арабский хронист эль-Имад рассказывает о выступлении сирийцев навстречу Салах-ад-дину.

В 1125 г. вспыхнуло большое крестьянское восстание в районе городов Бейрута и Сидона. Господство франкских рыцарей устанавливалось здесь с большими трудностями. «Сарацинские земледельцы, — лаконично сообщает Фульшер Шартрский, — не хотели платить податей». Правитель Бейрута Готье I прибегнул к силе, чтобы принудить их к повиновению. Иерусалимский король пришел ему на помощь: чтобы обеспечить сеньеру Бейрута подчинение непокорных сарацин, была воздвигнута крепость Монт-Главинен, которая должна была послужить опорой и защитой Готье I против восставших крестьян. В 1131 г. разразилось восстание в графстве Триполи; во время этого восстания был убит Понтий Триполийский. Об этом сообщает Вильгельм Тирский, а другой историк, продолжавший в XIII в. его хронику, пишет о новом восстании в Триполии — в 1266 г., когда «сельские вилланы ночью перебили франкских рыцарей».

Имеется много данных косвенного порядка, показывающих, какое упорное сопротивление оказывали закрепощенные поселяне своим «покровителям-сеньерам», отказываясь убирать урожай, нападая на феодалов, убивая их. Не случайно иерусалимский король Балдуин II в своем сборнике законов («L'Établissement de Baudouin de Bouiq») специально предусматривает меры на случай восстания вилланов против сеньера. Если кто-нибудь из вассалов этого сеньера поддерживает его восставших вилланов¹, то сеньер, говорится в этих «Установлениях», имеет право лишить вассала его имущества. Это правило сохранилось и в более поздних законодательных памятниках Иерусалимского королевства. В «Иерусалимских ассизах» устанавливается право сеньеров преследовать и силой возвращать беглых вилланов. Побег вилланов были нередкостью. Подчас беглые вилланы образовывали разбойничьи отряды, которые рыскали по стране, расправляясь с ненавистными франками. Сирийский хронист Эр-

¹ Видимо, такие случаи бывали, что объясняется зачастую враждебными отношениями феодалов друг с другом.

нуль рассказывает, как судья (балы) одного из городов «велел схватить и повесить многих разбойников и убийц». «Разбойниками» и «убийцами» франкские сеньеры обычно называли тех, кто, встав на путь разбоя, выражал таким образом свой протест против западных поработителей. В глазах туземного населения все паломники с Запада были завоевателями; поэтому паломникам, особенно со стороны мусульманских крестьян, чинилось немало препон. В 1113 г. «святую землю» посетил русский игумен Даниил. Многие «святые места», рассказывает он в своих записках, недоступны для тех, «кто в мале хочет пройти», — «поганых ради»: «туда бо ходят мнози срацины и разбивают в горах тех и в дебрях страшных». Сам Даниил смог благополучно совершить свое путешествие по Галилее¹ только потому, что присоединился к дружине короля Балдуина I, отправлявшегося на войну с Дамаском. Князь, пишет он, «приряди мя к отроком своим», и «тако проидохом места та страшная с вои царьскими без страха и без пакости». И добавляет: «а без вои путем тем никто не может пройти».

Характерно, что когда латинские хронисты пишут что-либо о сирийцах, они, как правило, изображают их в неблагоприятном свете. Вильгельм Тирский подчеркивает вероломство сирийцев, называя их «хитрыми лисами, лишенными воинственности и храбрости». Такая «обобщенная» характеристика (она повторяется и у других западных хронистов) ярко свидетельствует о враждебном отношении сеньеров к «облагодетельствованным» или «братьям по вере». И это вполне понятно: угнетенные крестоносцами вилланы не желали склонять головы перед ними. И мусульмане и христиане были полны ненависти к порядкам, установленным завоевателями. Они шли на все, чтобы сделать положение крестоносных баронов и их вассалов невыносимым и рано или поздно принудить тех и других покинуть страну.

Выразительно пишет о настроениях сирийского населения один из франкских хронистов — Бурхардт Сионский: «Хотя они и являются христианами, но не дают никакой веры латинянам» (т. е. франкским господам). По рассказу церковного писателя начала XIII в. Якова Витрийского,

---

¹ Галилея — область севернее Иерусалима.

который жил в Палестине и написал там свою «Иерусалимскую историю», сирийцы передавали «сарацинам» различные сведения, касавшиеся военных тайн франков. «Они часто, — с плохо скрываемой злобой заявляет он, — просят помощи против христиан у врагов нашей веры и не стыдятся растрачивать во вред христианству силы и средства, которые следовало бы обратить во славу Божию против язычников». Точно так же и арабский писатель Усама ибн-Мункыз (1095—1188) в своей «Книге назидания» рассказывает, что когда, например, к деревенским жителям близ Акры добирался мусульманин, вырвавшийся из франкского плена, они прятали его и помогали уйти к своим.

Вражда крепостной массы к крестоносным феодалам была настолько велика, что Вильгельм Тирский считал сирийцев — этого «близкого врага» — опаснее чумы. Такое сравнение свидетельствует лишь о силе ненависти широких слоев местного населения, прежде всего — угнетенных земледельцев к завоевателям.

Чтобы обеспечить себе безопасность, крестоносцам пришлось воздвигнуть в завоеванных областях большое количество крепостей и замков. Эти сооружения являлись не только военными форпостами против соседних мусульманских государств, но и, как вынужден признать упоминавшийся английский историк Р. Смэйл, «орудием колонизации», своего рода «полицейскими постами», обеспечивавшими, согласно его терминологии, «общественный порядок» в Иерусалимском королевстве¹.

Эти крепости, такие, как Монт-Глависен, Блашгард и множество других, построенных латинскими феодалами, должны были охранять сеньеров от угнетенных «возделывателей полей». Так выглядела на деле «гармония интересов» феодальных сеньеров и поработанного ими населения Сибири и Палестины.

Острая классовая борьба внутри государств крестоносцев, принимавшая подчас форму национальной и религиозной вражды, была одной из главных, хотя и не единственной причиной их непрочности.

Политическое устройство этих государств также не обеспечивало им устойчивого существования. В самом деле, что могли противопоставить завоеватели-крестоносцы

---

¹ R. C. Smail. Ук. соч., стр. 143, 144, 149

массе коренного населения, постоянно находившейся в состоянии то скрытого брожения, то явного «мятежа»? Феодалное государственное устройство, которое они перенесли с Запада. В основе его лежала иерархия сеньеров

Рис. 5. Развалины рыцарского замка в Палестине

различных положений и рангов, характерная для периода феодальной раздробленности.

Иерусалимское королевство считалось первым среди остальных латинских государств, однако, по сути дела, короли иерусалимские не имели каких-либо преимуществ перед тремя другими государями. Сеньеры Триполи, Антиохии и Эдессы фактически были независимы от Иерусалимского королевства. Они не были связаны с государями Иерусалима даже вассальными узами, хотя и приносили вассальную присягу (оммаж) королю. В действительности он занимал положение номинального главы равноправных членов своего рода конфедерации крестоносных государств. В своих владениях князья Антиохии, графы

Триполи и Эдессы пользовались такой же властью, какой в Иерусалимском королевстве располагал их «сюзерен».

В соответствии с порядками того времени все эти феодальные государства подразделялись на более мелкие единицы феодального владения — баронии; эти последние, в свою очередь, дробились на еще более мелкие — рыцарские феоды, или лены, и т. д. Так, в Иерусалимском королевстве было четыре крупных владения: графство Яффы и Аскалона¹, княжество Галилея (Тивериада), сеньерия Сидона, Кесарии и Бетшана и сеньерия Крака, Монреалья и Сен-Абрахама. Сеньеры этих княжеств были непосредственными вассалами короля. Каждый из них имел своих вассалов в лице более мелких владетелей, получивших от них в наследственное «держание» свои поместья (феоды): вассалом графа Яффы и Аскалона был сеньер Рамлы и т. д. Каждый из таких подвассалов также отдавал часть своих земель в лен другим рыцарям.

Таким образом, в государствах крестоносцев каждое владение было феодем, каждый рыцарь — вассалом.

Самым крупным феодалом был иерусалимский король. Он владел множеством поместий. Королевский домен простирался на востоке до Мертвого моря. Кроме того, непосредственно королю было подвластно несколько больших городов — Иерусалим, Наплуза, где велась широкая торговля, особенно льном и винами, производившимися в Самарии, а также важные портовые города — Тир и Акра в Южной Сирии с их плодородными окрестностями; там возделывался хлопок, было много оливковых деревьев и виноградников, вблизи Акры имелись плантации сахарного тростника. Поместья и города, находившиеся под властью королей, приносили им значительные доходы. Пристань Акры могла вмещать одновременно десятки кораблей, если судить по тому, что однажды во время бури здесь было разбито 72 корабля. В пользу короля взимались различные сборы на городских рынках в портах: таможенные сборы, якорный налог (по 1 марке серебра с каждого прибывшего корабля), налог с паломников — «терциарий» (третья часть стоимости проезда пилигримов) и др.

Помимо этого, короли требовали уплаты пошлин с торговых караванов восточных купцов, направлявшихся из

¹ Аскалон был завоеван у Египта только в 1153 г.

Египта в Багдад: их путь проходил через Сирию. Немалую дань взимали короли с кочевников-бедуинов Трансиордании за право пользования старинными пастбищами, отнятыми у них крестоносцами. Не брезговали иерусалимские государи и прямым разбоем. Усама ибн-Мункыз передает случай, когда иерусалимский король Балдуин II с помощью своих людей умышленно потопил близ Акры корабль лишь для того, чтобы присвоить его груз¹. Такого рода «христианские подвиги» были вполне в духе феодальных нравов!

Величина домена и относительно большие доходы давали иерусалимским королям определенный перевес над другими сеньерами королевства. Кроме четырех крупнейших феодалов, королям были подвластны многие менее значительные ленники — владельцы Арсура, Ибелина и иных местностей и укрепленных пунктов.

Главной обязанностью вассалов была военная служба своему сюзерену. Король имел право требовать ее выполнения в течение всего года: ведь государства крестоносцев находились в состоянии почти непрерывной войны с соседями, не говоря уже о том, что внутренняя обстановка во франкских государствах была весьма неспокойной. Вассал должен был являться по призыву сюзерена на коне, в полном боевом снаряжении и приводить с собой вооруженных людей. Средства на экипировку феодалам обеспечивали доходы с их поместий.

Другой обязанностью вассалов было участие в феодальном совете своего сеньера, в котором рассматривались тяжбы рыцарей, военные вопросы и прочие дела.

В пределах своих владений сеньеры располагали полной самостоятельностью: им принадлежала высшая судебная власть, они имели право объявлять войну и заключать мир, а многие могли даже чеканить свою монету. Вассалы короля — графы яфские, сеньеры сидонские, а равно и рыцари, стоявшие ниже их на ступенях феодальной лестницы, пользовались такой же независимостью в своих

---

¹ По рассказу Усамы ибн-Мункыза, франкские воины захватили на корабле «украшения, сложенные там женщинами, и платья, драгоценные камни, мечи и оружие, золото и серебро, приблизительно на 30 тысяч динаров. Король забрал все это и выдал им (путникам, находившимся на корабле. — М. З.) 500 динаров со словами: «С этим вы доберетесь до вашей страны».

владениях, как, скажем, графы Триполи по отношению к королям иерусалимским.

Крестоносные феодалы ревниво заботились о том, чтобы сюзерен не предъявлял к ним «чрезмерных» требований. На практике нередко случалось так, что сеньер мог только силой принудить вассала к выполнению его вассальной службы. Это относится и к королевской власти. В Иерусалимском королевстве, так же как и в других франкских государствах, центральная власть была очень слабой. Король должен был все свои действия согласовывать с ленниками короны. Он не мог принять ни одного решения без их санкции, так же как и последние не могли этого сделать без соизволения своих вассалов. Балдуину I пришлось однажды отменить распоряжение об очистке иерусалимских улиц, потому что оно было издано без согласования с баронами.

Время от времени бароны и рыцари собирались на феодальный совет. Такие собрания назывались ассизами, или курией. Здесь феодалы решали свои дела.

Королевская курия («высокая палата») ограничивала и контролировала власть и права короля — сюзерена — по отношению к вассалам. «Высокая палата» — это было феодальное судилище и военно-политический совет. Курия выступала и хранительницей феодальных обычаев (кутюмов).

Нормы феодального права долгое время передавались от одного поколения франкских рыцарей к другому. Некоторые из них в 1120 г. были сведены в один сборник; в его 24 статьях были зафиксированы установления, определявшие полномочия королевской курии, ее юрисдикцию. Они были утверждены баронами, прелатами и королем Балдуином II в Наплузе. Позднее, в конце XII или в начале XIII в., таким же образом были кодифицированы и другие феодальные кутюмы. Так составилась главный «свод законов» Иерусалимского королевства — «Иерусалимские ассизы» (на французском языке тех времен), которые служили как бы юридическим руководством для крестоносных феодалов и их законников.

В «Ассизах» получила яркое выражение организация господствующего класса в государствах крестоносцев. «Ассизы» самым детальным образом определяли порядок

феодалной службы, права сеньеров, обязанности вассалов, взаимоотношения между ними. Здесь подробно перечислялись условия, на которых вассалы несут службу сюзерену, устанавливалось, в каких случаях король или другой сюзерен могут лишиться своего вассала его феода, и пр. Слабость центральной власти в государствах крестоносцев очень рельефно выступает в этих феодальных установлениях.

Если сеньер «незаконно» отнимал лен у вассала, все остальные вассалы обязывались помочь последнему вернуть свои владения. Они могли уклониться от службы сюзерену, в том числе и королю, если король нарушал права кого-либо из вассалов. Король мог отобрать лен у своего вассала не иначе, как только по приговору курии. Вассалы при некоторых обстоятельствах имели даже право не пропускать короля через свои владения. Известны случаи, когда бароны действительно пользовались этим правом.

Таким образом, в «Иерусалимских ассизах» были чрезвычайно последовательно проведены принципы феодальной иерархии. Один французский исследователь довольно удачно определил политический строй Иерусалимского королевства как своеобразную «феодальную республику во главе с королем»¹, который существовал лишь постольку, поскольку феодальная пирамида нуждалась в вершине.

В порядках Иерусалимского королевства политическое устройство феодального общества той эпохи получило наиболее полное выражение. По словам Ф. Энгельса, феодализм «больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» на более классическое выражение феодального порядка»².

Хрупкость вассальных уз, связывавших феодалов с центральной властью, крайняя политическая раздробленность крестоносных государств служила важной причиной их внутренней слабости.

Постоянные распри, вражда между франкскими феодалами, несогласия вассалов с сюзеренами, соперничество отдельных сеньеров друг с другом, феодальные «мятежи»

---

¹ M. Grandclaude. Essai critique sur les livres des Assises de Jérusalem. Paris, 1923, p. 150.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 484.

против королей¹ — характерные черты политической жизни франкских государств на Востоке. Все это, разумеется, подтачивало изнутри их существование.

Для укрепления своего господства франкские феодалы наряду с мечом широко использовали оружие религии. Католическая церковь, как мы знаем, приняла активнейшее участие в организации и проведении крестового похода отнюдь не бескорыстно. Завоевателям пришлось, хотя они и не горели желанием делать это, поделиться с нею захваченным и награбленным. Церковь овладела в латинских государствах на Востоке изрядным количеством земель. Только в Иерусалимском королевстве было создано пять архиепископств и девять епископств. К католическому духовенству перешли владения, раньше принадлежавшие здесь православной церкви (Иерусалимский и Антиохийский патриархаты). Было основано много монастырей, распорядившихся значительными богатствами (Сионский монастырь, аббатство Иосафат и др.). Новые католические иерархи стали влиятельной и сильной частью феодального класса на Востоке. Некоторые из церковных владений не уступали по своим размерам светским сеньериям. Так, архиепископство Назаретское насчитывало (в XIII в.) около двух десятков поместий. Обширны были палестинские владения иерусалимского патриарха, а также клира «церкви святого гроба». Архиепископы и епископы должны были, как и бароны, снаряжать военные отряды на королевскую службу и притом немалые: от иерусалимских патриархов короли требовали 500 воинов, от архиепископов назаретского, тирского и кесарийского — по 150.

В своих владениях епископы выступали такими же полновластными сеньерами, как и прочие феодалы. Некоторые из светских баронов и рыцарей были вассалами епископов. Епископам Лидды, к примеру, были подвассальны десять рыцарей. Князья и сеньеры, заинтересованные в известной мере в том, чтобы святые отцы помогали им

---

¹ В 1132 г., во время одного из таких «мятежей», граф Яффы Гуго II де Пуизе выступил против иерусалимского короля Фулька Анжуйского; он пытался даже достигнуть соглашения с командованием египетского гарнизона в Аскалоне. Дело дошло до того, что этого ревнителя католической веры пришлось на три года удалить из пределов Иерусалимского королевства.

укреплять свое господство, передавали в дар церковным учреждениям земли и различные ценности, захваченные на Востоке. Да и сами католические прелаты не стеснялись в своей приобретательской «деятельности». Их жадность в «святой земле» не знала удержа. Они непрочь были присвоить феоды тех рыцарей, которые торопились промотать свое добро. Иерусалимским королям пришлось принять меры, чтобы охладить стяжательский пыл благочестивых пастырей: церковным учреждениям было запрещено покупать феоды, а рыцарям — дарить им замки (дело в том, что под видом дарения зачастую совершалась самая обыкновенная продажа).

Большие средства получали церковники в виде десятины с урожая, со скота и от других доходов. Введение десятины, ранее не известной на Востоке, было еще одним «благодеением», которым завоеватели «осчастливили» «освобожденных» от мусульманского ига «братьев-христиан». Средства, которые этот сбор давал церкви, были настолько значительны, что франкские короли и бароны с завистью поглядывали на пополнявшиеся всяким добром амбары своих духовных «союзников», а иногда и узурпировали права церкви на десятину в свою собственную пользу. Нормандский авантюрист Танкред, имя которого уже знакомо читателю, в течение 19 лет собирал в свою «казну» десятину аббатства Монт-Табор. На этой почве неоднократно происходили бурные конфликты между светскими и церковными землевладельцами. Впрочем, и сами «хранители веры» постоянно ссорились друг с другом из-за дележа земельных владений и различных доходов.

Как известно, римские папы возлагали большие надежды на крестовый поход, рассчитывая с помощью крестоносцев умножить богатства «апостольского престола». Надежды эти оправдались, однако, только частично. Папство получило от первого крестового похода меньше прямых материальных выгод, чем, казалось, могли уповать римские первосвященники. Византийская церковь не была подчинена Риму. В этом отношении крестовый поход не принес папству того, чего оно ожидало: «схизма» осталась в силе, и Византия благодаря крестовому походу даже расширила и упрочила свои владения на Ближнем Востоке, прежде всего — в Малой Азии,

Но, тем не менее, с образованием латинских государств границы влияния римско-католической церкви раздвинулись, и папство настойчиво стремилось держать под своим неусыпным контролем новые католические владения: недаром папские легаты почти ежегодно навещали «святые места», дабы в государствах крестоносцев неукоснительно соблюдались земные интересы наместника св. Петра.

Но и союза католических пастырей с баронами оказалось недостаточно для того, чтобы «защитники веры» смогли чувствовать себя в полной безопасности в своих восточных сеньериях.

Было много причин, помимо того, о чем мы уже сказали, ослаблявших франкские государства. В конце концов это были маленькие, поверхностно спаянные между собой государства. Они тянулись сравнительно узкой полосой вдоль восточно-средиземноморского побережья и были разбросаны на большой территории: восточная граница их растянулась более чем на 1000 км! А между тем крестоносцы жили главным образом в городах да в больших укрепленных замках.

С юга Иерусалимскому королевству постоянно угрожал Египет. Нападения египтян приходилось отражать чуть ли не ежегодно, и не только с суши, но и с моря; не было такого прибрежного города, который бы не атаковали (и иногда не без успеха) египетские корабли.

В то же время со стороны сирийской пустыни государства крестоносцев то и дело подвергались набегам войск сельджукских князьков. Правда, на границе были сооружены мощные крепости (одну из них хронисты красочно называют «скалой пустыни»), но они не могли целиком уберечь франкских сеньеров от этих, порой неожиданных, налетов с востока.

Как мы отмечали, западные захватчики-феодалы вечно враждовали друг с другом. Показное единство религиозных целей в этих случаях уступало место реальным противоречиям между самими крестоносцами. Соображения о действительных политических и военных выгодах брали верх над всеми прочими, и то одни, то другие «борцы за дело Христа» вступали в союзы с мусульманскими правительствами против своих же единоверцев с Запада.

Наконец, господствующий класс — феодальные завоеватели Сирии и Палестины и их потомки — был очень не-

многочислен. Под началом иерусалимских королей никогда не находилось более 600 конных рыцарей (прямых вассалов и подвассалов различных степеней). Это — в лучшем случае. Обычно же на службу государям являлось гораздо меньше феодальных вояк.

Сил одних только вассалов было недостаточно для того, чтобы держать в покорности туземное население и успешно отражать нападения соседей-мусульман.

Иерусалимские короли и другие крестоносные князья старались восполнять эту недостачу тем, что дополнительно к рыцарям-вассалам вербовали себе наемников. Наемники набирались из числа тех далеко не благочестивых пилигримов, которые после первого крестового похода зачастую шли в «святую землю», не имея большей частью намерений обосноваться там, а просто в расчете пограбить «неверных» и вообще кого удастся. Король платил каждому «рыцарю-пилигриму» довольно солидную сумму (по более поздним данным, 500 безантов в год — это было больше того, что давал обычный рыцарский лен своему держателю). Но и «рыцари-пилигримы» не намного увеличивали обороноспособность франкских государств: эти рыцари ненадолго оставались в Палестине.

Характерной чертой крестоносных государств было непостоянство, текучесть «крестоносного» населения.

В первые десятилетия XII в. бедняки и рыцари с Запада продолжали отправляться на Восток в поисках земель и добычи. Плачевная участь крестоносцев 1101 г. не обескуражила феодальных авантюристов, а тяжкое положение крестьян в Европе попрежнему гнало то тех, то других «на стезю господнюю». Каждый год, весной (перед пасхой) и в конце лета, корабли венецианских, пизанских, амальфитанских, марсельских купцов доставляли в портовые города Сирии и Палестины паломников — крестоносцев из Южной Франции, Италии, Германии, Фландрии. На плече у них был нашит крест красного и других цветов, но в подавляющем большинстве своем «святые пилигримы» отправлялись в Палестину не для того, чтобы помолиться в церкви «святого гроба», искупаться в Иордане и унести домой пальмовую ветвь с его берегов. Некоторые, наиболее оборотистые из них прихватывали с собой разные товары в расчете выгодно сбыть их в «святых местах», с тем чтобы оправдать дорожные расходы и, по возможности,

разжиться (с Востока они также увозили закупленное там для перепродажи на родине). Другие погружались на вместительные суда итальянцев и марсельцев почти с пустыми руками, с одной только мыслью об обогащении — любым путем — в восточных землях. «Редко можно было встретить человека,— писал позднее о паломниках итальянец Марино Санудо,— который не был бы заражен болезнью жадности».

Немало было среди «святых паломников» просто нищих и всякого рода совершенно выбитых из жизненной колеи людей, в том числе и преступных элементов. Католическая церковь, проявляя христианское «милосердие», подчас заменяла смертную казнь людям, совершившим уголовные преступления, паломничеством в Иерусалим («во искупление греха»): пусть грабят и убивают, но там, в «земле обетованной», на пользу католицизму — такова была истинная суть «милосердия» католических прелатов. И вот, как говорит монах Бурхардт, «кто сделал что-нибудь плохое,— убийца, грабитель, вор, клятвопреступник,— тот отправляется за море, на Восток, якобы ради того, чтобы смыть преступление, а на деле потому, что из страха перед возмездием не рискует остаться дома... Они устремляются сюда со всех сторон,— пишет он,— меняя только небо, под которым живут, но не нравы. Истощив свои средства, они начинают творить еще худшее, чем то, что делали раньше». Примерно в таком же духе характеризует этих паломников и Яков Витрийский, также упоминая среди них воров, убийц, пиратов, пьяниц, игроков, беглых иноков и монахинь, клятвопреступников, «блудниц» и т. п. Из таких «святых» людей в основном рекрутировались подкрепления, которые римско-католическая церковь направляла в «свои» заморские владения.

Подобно своим предшественникам 1096 г., многие из паломников-крестьян расставались с жизнью, еще не дойдя до цели. Некоторые принуждены были жить на подаяние. Кое-кому удавалось, спекулируя положением паломника, собирать довольно большие средства в виде милостыни. Известны случаи, когда из пожертвований составлялись целые состояния. Яков Витрийский рассказывает о бедняках, «прибывавших» из западных провинций и становившихся иной раз богачами от щедрот сеньеров и подаяний «верных»: «Они покупали поместья и замки и по вла-

дениям своим порой превосходили князей». Но такие случаи, конечно, составляли исключение. В «Деяниях» Гвиберта Ножанского рассказывается о некоем Балдуине, который стал в «святой земле» владельцем не только поместий, но и городов. По рассказу хрониста, сам он заявлял: «Многое имеется у нас, и в изобилии: одни только замки и аббатства приносят мне ежегодно 1500 марок».

Итак, преемники «голяков» и «бедняков» вкуче с де-классированными элементами отправлялись в паломничество, видя в этом наиболее легкое средство поправить свои материальные дела. Говоря словами немецкого историка Г. Прутца, они шли на Восток не для того, чтобы честным путем создать себе достойное положение, но чтобы без всякого труда обеспечить свое существование за чужой счет¹.

Понятно, что лишь немногие достигали этих «высоких целей». Большинство пилигримов, прибывавших с Запада, не имели возможности обосноваться в латинских государствах и уезжали обратно в Европу.

Надо иметь в виду, что между алчными вождениями паломников и возможностью удовлетворить их лежало порядочное расстояние. Европейские рыцари, уже раньше успевшие утвердиться на Востоке, не собирались уступать место новым пришельцам. Князья и короли использовали временами помощь «рыцарей-пилигримов» против сельджуков, но допускать их надолго к источнику своего обогащения — грабежу подвластного населения — не входило в планы крестоносных феодалов, уже владевших землями на Востоке. Новые захватчики, потянувшиеся в «землю обетованную» после первого крестового похода, в глазах старожилов являлись нежелательными конкурентами. «Ревнители католицизма» делали все возможное, чтобы повредить своим «ближним». Пуще всего они боялись потерять приобретенное «праведными трудами», утратить исключительное обладание сиро-палестинскими землями. Очень выразительно писал об этом безвестный французский хронист, «Продолжатель Санблазиенских анналов»: франки, по его словам, сильнее страшились доблести латинян, прибывавших с Запада, чем коварства язычников, и потому старались воздвигнуть первым возможно больше препятствий.

---

¹ Н. Prutz. Ук. соч., стр. 120.

Часто случалось, что войны с сельджуками, которые крестоносные рыцари-«старожилы» начинали совместно с вновь явившимися к ним «на помощь» искателями наживы, заканчивались безрезультатно только потому, что, пока паломники дрались с «погаными», их «союзники», не дожидаясь исхода битвы, после полупобеды спешили заключить мир с врагом. Много историй такого рода передают Вильгельм Тирский и другие современные летописцы.

Привилегированная, господствующая верхушка в латинских государствах насчитывала всего каких-нибудь несколько тысяч сеньеров и рыцарей. Они жили среди озлобленного, враждебно настроенного туземного населения.

Для того, чтобы упрочить внутреннее и внешнеполитическое положение государств крестоносцев, вскоре после первого крестового похода были созданы особые военные организации: духовно-рыцарские ордена тамплиеров и госпитальеров. Духовно-рыцарскими они называются потому, что по своему формальному назначению и облику это были религиозные братства. Вступая в орден, рыцари обязывались, подобно монахам, не обзаводиться семьей, не стремиться к богатству, беспрекословно повиноваться своим начальникам. По замыслам церковников и, прежде всего, папства, которое приняло горячее участие в создании орденов, они должны были всецело посвятить себя делу «защиты христианства», так, чтобы никакие «мирские» интересы не отвлекали их от выполнения этой высокой миссии. С этой целью члены орденов и связывали себя монашескими «обетами» (целомудрия, бедности и послушания). Однако религиозными братствами ордена являлись только по внешности. Белый плащ (подобие монашеского одеяния) с красным крестом, который носили тамплиеры, черный или, позднее, красный с белым крестом, составлявший отличительную одежду госпитальеров, были не более как символом. Под полумонашеской накидкой у тех и других скрывались рыцарские латы. Оружием «братьев-рыцарей» служили не проповеди и не монашеское смирение, а меч и копье.

Правда, на первых порах госпитальеры занимались и благотворительными делами: в Иерусалиме еще около 1070 г. амальфитанские купцы построили госпиталь св. Иоанна, около которого первоначально группировались

члены ордена (отсюда их название — госпитальеры, или иоанниты). В их задачу входило оказывать покровительство паломникам, прибывавшим в Палестину, давать им жилье, лечить заболевших в пути и пр. (такие же госпитали были устроены и в других городах Иерусалимского королевства). Однако вскоре после первого крестового похода эти благотворительные обязанности отошли на задний план и орден иоаннитов превратился в чисто военное, рыцарское объединение.

Что же касается тамплиеров, или храмовников, то этот орден, основанный группой французских рыцарей около 1118 г., с самого начала своего возникновения носил исключительно военный характер. Название его — храмовники — объясняется тем, что первоначальной резиденцией рыцарей, основателей ордена, была часть дворца иерусалимского короля, примыкавшая к храму Спасителя, построенному на месте арабской мечети Аль-Акса (по преданию, когда-то здесь стоял храм царя Соломона) ¹.

Таким образом, духовно-рыцарские ордена прежде всего являлись военными объединениями феодалов, созданными под эгидой католической церкви. Впрочем, орден вербовал своих членов из различных общественных групп, в том числе и из горожан. Любопытный факт: тамплиеры охотно принимали к себе уголовных преступников — насильников, «раскаявшихся» убийц и т. д., привлекая их перспективой искупления «грехов» на службе богу. Однако в основном все эти ордена были организациями феодалов.

Главной задачей этих рыцарских сообществ являлась вовсе не охрана «христианства», а, во-первых, подавление возмущений покоренного франками, но не покорившегося им туземного населения и, во-вторых, борьба против соседних мусульманских государств, оборона и расширение крестоносных владений. Этим определялось строго централизованное устройство духовно-рыцарских орденов. Во главе каждого ордена стоял «великий магистр». Ему были подчинены начальники подразделений («провинций») ордена на местах — магистры, или «великие приоры», а так-

---

¹ По-французски храм — «тамбль» (temple); первоначально тамплиеры именовались «бедными рыцарями Христа и Соломонова храма».

же другие должностные лица: маршал, командор, коннетабль и пр., из которых составлялся совет при великом магистре — генеральный капитул. Верховная власть над орденами госпитальеров и тамплиеров принадлежала непосредственно римскому папе.

Папство предоставило орденам различные привилегии: в первую очередь, они были освобождены от подчинения светским и церковным князьям франкских государств.

Практическая деятельность и образ жизни орденских «братьев» были крайне далеки от монашеских идеалов. Получив в дар от церкви и светской знати богатые поместья (не только на Востоке, но и на Западе), ордена сделались вскоре крупнейшими феодалными владельцами своего времени. Щедрое пожертвования стекались к ним со всех сторон.

Католические государи и князья Европы стремились упрочить благосостояние орденов в расчете на то, что «братья-рыцари» помогут франкским феодалам надолго удержать под своей властью восточно-средиземноморские страны. Знатные паломники с Запада поручали орденам закупать для них в Сирии и Палестине поместья, дворцы, дома в городах, в которых они могли бы останавливаться во время своего пребывания в «святой земле», с тем чтобы все это затем переходило в собственность орденов. В XII в. такие соглашения были заключены госпитальерами с дочерью французского короля Людовика VII — Констанцией, с герцогом Владиславом Чешским и другими владельческими особами. В 1168 г. от правителя Венгрии, собиравшегося в паломничество, госпитальеры получили 10 тысяч безантов: за 6 тысяч они приобрели для него в Акре дворец и четыре дома, которые впоследствии стали достоянием ордена. По словам хрониста Матвея Парижского, английский король Генрих II завещал тамплиерам 42 тысячи марок серебром и 500 марок золотом. Но, несмотря на то, что «братья-рыцари» не имели оснований сетовать на свою «бедность», они не довольствовались приношениями титулованных лиц. Вся энергия и госпитальеров и храмовников была сосредоточена на самом бесстыдном стяжательстве. В этом отношении ордена едва ли не превзошли всех прочих франкских сеньеров. Все средства для них были хороши — война, торговля, грабеж.

В 1153 г., когда в результате войны с Египтом крестоносцы овладели Аскалоном, тамплиеры первыми ворвались в город. Чтобы отделаться от других рыцарей, они поставили 40 своих воинов у брешли, пробитой в городской стене, которые никого не пропускали в Аскалон, пока тамплиеры рыскали по домам в поисках золота и серебра.

«Бедные рыцари Христа» построили свой флот. Они участвовали в торговле, перевозили за солидную мзду паломников из Европы на Восток и обратно. Накопив большие богатства, «братья-рыцари» занялись и такими «богоугодными» промыслами, как ростовщичество и банковское дело. Уже в XII в. тамплиеры ссужали деньгами знатных пилигримов. Во время войн многие светские и духовные феодалы на Востоке передавали на сохранение «бескорыстным» храмовникам свои ценности. Тамплиеры, «верные» обету бедности, не стеснялись присваивать крупные суммы из доверенных им средств. В 1199 г. они не вернули епископу тивериадскому 1300 безантов, полученных на сохранение, и епископу пришлось жаловаться на «честных» защитников христианства в Рим.

Особенно преуспел на поприще стяжательства орден тамплиеров. Земельные владения храмовников как на Востоке, так и на Западе непрерывно росли и округлялись. Через несколько десятков лет после создания ордена ему принадлежали тысячи деревень, луга, виноградники, соляные промыслы, земельные участки в городах, в том числе рынки, с соответствующими доходами. Его владения имелись во Франции, Сицилии, Испании и Португалии, в Венгрии и Чехии, в Италии и в других странах. «Братья-рыцари» сделали жесточайшими эксплуататорами крепостного населения в своих поместьях. Не раз здесь поднимались восстания против этих слуг апостольского престола; наиболее значительное восстание вспыхнуло в конце XII в. на острове Кипре.

Упрочив при помощи пожалований и грабежей, торговли и ростовщичества свою материальную базу, ордена заняли в XII в. первенствующее положение в государствах крестоносцев. Им были переданы многие крепости и замки, гарнизоны «братьев-рыцарей» были размещены почти во всех городах Иерусалимского королевства, Триполи и Антиохии,— повсюду они имели свои «дома» (ка-

зармы). Подчас «братья-рыцари» вступали в открытые конфликты с местными церковными и светскими властями.

В 1155 г. госпитальеры совершили даже вооруженное нападение на церковь «святого гроба» в Иерусалиме. Орденские рыцари всячески подчеркивали свою независимость по отношению к баронам и епископам, не стесняясь прибегать к всяма «неблагоприятным» для «защитников христианства» выходкам. Во время епископских проповедей, например, они трезвонили во всю мочь в колокола в своих церквях, и один иерусалимский патриарх вынужден был пожаловаться на дерзкое поведение «братьев-рыцарей» римскому папе. Однако папство смотрело на все дела своего воинства сквозь пальцы.

Случалось и так, что орденские рыцари своими разбоями причиняли прямой ущерб иерусалимской короне, и королям «священного града» оставалось лишь унимать силой расхорившихся воинов папского престола. В 1173 г. сидонский тамплиер Готье де Мениль убил посланца, направлявшегося от одной мусульманской секты к королю Эмери I для дипломатических переговоров. Король потребовал от «великого магистра» немедленной выдачи убийцы. Глава ордена отказался подчиниться этому требованию: судить и наказывать храмовника вправе только он сам да римский первосвященник. Эмери I направил свой вооруженный отряд в Сидон для поимки Готье де Мениля. Королевские воины напали на казарму тамплиеров в городе и захватили убийцу.

К концу XII в. духовно-рыцарские ордена превратились в могущественную военно-политическую и экономическую силу на Востоке и на Западе.

В руках орденов сосредоточились огромные богатства — не только земельные, но и денежные.

Многие рыцари из западных стран потянулись в орден, привлеченные возможностью безбедной жизни под прикрытием креста. В короткое время количество членов орденов выросло до внушительных размеров. К концу XII в. в ордене тамплиеров насчитывалось около 15 тысяч человек.

Ордена выступили как наиболее организованная сила государств крестоносцев. Они играли большую роль как в подавлении эксплуатируемого крестьянства, так и

в бесконечных войнах с сельджуками и Египтом. Однако их независимое положение, их грабежи и конфликты со светскими и церковными феодалами в конечном счете привели к еще большей дезорганизации политической жизни в государствах крестоносцев. Всецело поглощенные стяжательством, ордена были не в состоянии всерьез содействовать упрочению франкских завоеваний.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ XII в.

Второй крестовый поход

В то время как крестоносные феодалы первых поколений устраивались в своих новых «заморских» владениях, тщетно стараясь упрочить здесь свое господство, мусульманские княжества и государства в XII в. начали постепенно сплачиваться. На мусульманском Востоке создаются более или менее крупные государственные объединения. Западные пришельцы стали получать усиливающийся отпор извне — и не только со стороны мусульманского мира. С каждым годом обострялись отношения крестоносных государств с Византией. Византийские правители косо смотрели на Иерусалимское королевство, возникшее на территории, в свое время принадлежавшей империи. Особенно сильное раздражение правящих кругов Византии вызывало существование нормандского княжества в Антиохии. Флот и сухопутные войска греков то и дело покушались на границы государства, основанного Боэмундом. Положение сделалось очень напряженным в 1137 г., когда византийский император Иоанн Комнин (1118—1143) подошел с войсками к Антиохии и даже захватил ее — правда, ненадолго — в свои руки.

В 1144 г. его преемник — император Мануил Комнин (1143—1180) организовал настолько энергичный натиск на Антиохию, что заставил князя Раймунда Антиохийского возобновить ленную присягу императору.

А в это время сельджуки нанесли крестоносцам первый серьезный удар. Мосульский эмир Имад эд-дин Зенги, ранее подчинивший своей власти несколько

сельджукских княжеств в Месопотамии и Сирии, в декабре 1144 г. захватил и разрушил город Эдессу, а затем овладел всеми землями этого графства. Падение Эдессы создало серьезную опасность для всех остальных государств крестоносцев, прежде всего — для Антиохии.

К папе Евгению III спешно были направлены послы с просьбой принять меры к тому, чтобы «победоносная храбрость франков» защитила Восток от новых бед. Евгений III тотчас обратился с посланием во Францию, приглашая французского короля Людовика VII встать «на защиту веры». Папа потребовал срочно снарядить войско для отмщения врагам христовой веры, обещав участникам предприятия покровительство апостольского престола, отпущение грехов и свободу от податей. Рыцарям, кроме того, было разрешено закладывать свои имения, дабы приобрести средства на участие в «священной войне».

Снова, как и полвека назад, на Западе была начата широкая кампания в пользу нового похода на Восток: «гроб господень» в опасности!

Наиболее энергичным вдохновителем крестового похода и его организатором был один из самых реакционных деятелей католицизма того времени — глава монашеского ордена цистерцианцев, влиятельный бургундский аббат Бернар Клервоский. Ему-то и поручил Евгений III проповедь крестового похода. Воинствующий фанатик, позже причисленный церковью к лику «святых», этот монах уже раньше проявлял большой интерес к судьбам крестоносных государств. В 20-х годах Бернар Клервоский рьяно содействовал упрочению разбойничьего ордена тамплиеров. Один из родичей аббата был в числе основателей ордена. Сам Бернар оказывал всяческое покровительство тамплиерам. Он редактировал их устав и даже написал специальный трактат, в котором превозносил ратные дела воинов-монахов, облакающих «тело железной броней, а душу — броней веры». В этом сочинении (оно называлось «Похвальное слово новому воинству рыцарей храма») Бернар Клервоский призывал тамплиеров к беспощадному истреблению язычников-мусульман, к захватам во славу церкви территорий «нехристей», к распространению там власти римского престола. «Язычников не следовало бы убивать, — писал Бернар в своем

панегирике тамплиерам,— если бы их можно было каким-либо другим способом удержать от слишком большой вражды или угнетения верующих. Ныне же лучше, чтобы они истреблялись». Таков был один из основных пунктов программы воинствующего католицизма, выдвинутый этим кровавым католическим прелатом, принявшим на себя теперь миссию главного проповедника новой «священной войны».

Надо иметь в виду, что первый крестовый поход, как ни были отряды его результаты для церкви, не оправдал все же многих надежд папства. Гибель в заморских краях многих десятков тысяч людей, которые были направлены туда Римом в расчете, что это ослабит социальные противоречия на Западе, не принесла ожидавшихся результатов. Хотя католической церкви и удалось временно отвлечь часть крестьян от активной борьбы с феодалами, однако в XII в. не только не произошло разрядки, но, наоборот, атмосфера социальной борьбы еще резче накалилась. Крепостное крестьянство продолжало возмущаться непосильными оброками и произволом сеньеров. А кроме того, светские и церковные феодалы встали лицом к лицу перед новым могущественным противником, который в XI в. только подавал первые признаки жизни, да и то главным образом в Италии и во Франции. XII в.— время бурного роста городов не только в этих странах, но и в Германии и в Англии. Сюда, за городские стены, бежали крепостные из деревень, стремясь стать свободными ремесленниками и торговцами. Вот они-то и поднялись против сеньериального гнета, добываясь своих прав подчас в открытой вооруженной борьбе с графами и епископами.

Дух «мятежа» распространялся все шире и шире. То там, то здесь вспыхивали «еретические» движения, выражавшие протест сельских и городских низов против феодального порядка. То было время, когда, по словам знаменитого вольнодумца Абельяра, рождалась «тысяча ересей». Они разрастались во Франции и Фландрии, в Англии и прирейнской Германии. Кому же, как не церкви, было взяты за искоренение ереси?

До того как призвать к крестовому походу Бернар Клервоский зарекомендовал себя злобным душителем свободной мысли. Он обрушился всеми карами на

«нечестивого» Абеяра, осмелившегося прославлять силу разума в противовес авторитету церковных догм, и на его многочисленных последователей. В XII в. запылали костры, на которых святые отцы жгли еретиков. Но «мятежный дух» не поддавался пламени.

В этой обстановке разгром сельджуками одного из франкских государств в Сирии пришелся очень кстати. Руководящие круги католицизма решили снова разжечь воинственно-религиозный фанатизм в массах, рассчитывая на то, что при помощи этого могущественного средства удастся подавить «мятежные» настроения на Западе. Волна крестоносного энтузиазма, возбужденного церковью, должна была залить разгоравшийся пожар народного недовольства.

Вот почему папство и верхи католической иерархии, к которым принадлежал и Бернар Клервоский, использовали падение Эдессы, чтобы вновь бросить клич, призывающий к «священной войне». Как и в XI в., католическая церковь ставила своей главной задачей обеспечить благополучие правящего класса на Западе; как и тогда, она стремилась вместе с тем удовлетворить отнюдь не сократившиеся аппетиты феодалов, светских и церковных. Уже первый крестовый поход показал ощутительные выгоды «священной войны» и для самой римской церкви. Почему же было не повторить эту доходную операцию еще раз, коль скоро представлялся удобный предлог для этого?

По заданию папы, весной 1146 г. аббат Клервоский прибыл на съезд французских баронов, рыцарей и церковных сановников в Везеле (в Бургундии). Со специального возвышения, сооруженного в открытом поле, папский посланец выступил перед большим скопищем людей. Он зачитал крестоносную буллу Евгения III и произнес пылкую речь о необходимости новой «священной войны». Тут же, не теряя времени, «святой» Бернар начал раздавать знаки креста. Когда запасов этих символов предстоящего похода нехватало, аббат Клервоский, желая сильнее зажечь религиозный пыл присутствующих, не пожалел своего монашеского одеяния и стал наспех вырезать кресты из сутаны.

После этого съезда Бернар Клервоский сначала посетил ряд городов во Франции, а затем побывал и в прирейнской Германии, повсюду побуждая рыцарей и простой

народ принять участие в крестовом походе. Стоит отметить, что этот слуга римской церкви в своих воззваниях, устных и письменных, обращался не только к «добрым католикам», но и к убийцам, вора и прочим преступникам, увещевая их снискать себе прощение грехов борьбой за «святую землю». Так вербовалась новая рать католической церкви.

Как показывают новейшие исследования, особенно активную пропаганду крестового похода вели монахи и аббаты цистерцианского ордена, разосланные Бернаром Клервоским во все стороны. Одним из первых результатов фанатических выступлений некоторых из них, например некоего монаха Рудольфа, явилась волна антисемитских погромов в прирейнских городах, а также во Франции и Англии¹.

На призыв Бернара Клервоского и его приспешников откликнулось много бедняков, главным образом тех местностей, которые недавно были поражены голодом. Однако в целом в настроениях массы крестьян в этот момент уже не было религиозно-освободительного воодушевления, которым сопровождалось начало событий 1096 г. Плачевные уроки первого крестового похода не прошли даром. В хрониках современных летописцев слышатся даже отзвуки народного негодования, проявившегося в связи с подготовкой крестоносной экспедиции. Существенной причиной этого недовольства было то, что все жители французского королевства были подвергнуты обложению на нужды «священной войны». По выражению одного хрониста, она была начата «бесчестным образом» — «с ограбления бедняков».

Широкий отклик папские буллы и проповеди Бернара Клервоского получили у феодалов. Среди рыцарства, как и раньше, нашлось немало охотников поживиться, сражаясь под знаменем креста против «неверных». Многие знатные феодалы Франции, в том числе графы Альфонс Тулузский и Гийом Неверский, наследник графства Шампанского Генрих и граф Тьерри Фландрский изъявили готовность выступить против язычников. К ним поспешили присоединиться и видные духовные особы,

---

¹ E. Willems. Citeaux et la seconde croisade. «Revue d'histoire ecclésiastique», vol. XLIX, № 1, Louvain, 1954, p. 130 и сл.

например епископ Готфрид Лангрский, в свое время прошедший выучку у Бернара в монастыре Клерво. Несколько позднее их примеру последовало изрядное количество германских феодалов, больших и малых, преимущественно из областей, лежавших на рейнской «поповской дороге»¹, и из Швабии. Крестоносные отряды стали формироваться и в Англии.

Во втором крестовом походе впервые согласились участвовать коронованные особы: сперва молодой французский король Людовик VII, а затем король Германии Конрад III Гогенштауфен. Бернар Клервоский, выезжавший в Германию (где он произнес немало речей о необходимости крестового похода для «блага христианства»), сумел и его убедить. И хотя германский король был занят междоусобной войной с враждебной Гогенштауфенам партией вельфов, он «принял крест».

Свой успех Бернар Клервоский назвал «чудом из чудес». Конечно, никакого чуда здесь не было. Читатель помнит, что в первом крестовом походе государи не участвовали. Начиная же с середины XII и в XIII в., — и это становится особенностью многих крестоносных экспедиций, — в состав их участников постепенно вливается новый элемент: организованные силы феодальных государств Западной Европы, в которых в это время укрепляется королевская власть.

В каждой стране этот процесс происходил по-своему. Но везде в XII в. можно наблюдать упорные схватки между королевской властью и крупными сеньерами, повсюду, по мере укрепления политической централизации, складывается королевский аппарат управления государством, формируется постоянное войско, на которое опираются короли, подрезая крылья феодальному сепаратизму. Так было и во французской монархии Капетингов, и в германской — Гогенштауфенов, и в Нормандско-Сицилийском королевстве, и в Англии. Усиливавшаяся королевская власть все больше нуждалась в материальных средствах для успешного проведения своей централизаторской политики, а это толкало государей на путь новых и новых территориальных захватов. Широкая территориальная экс-

¹ Рейн называли «поповской дорогой» потому, что по обе стороны реки располагались владения церковных сеньеров (архиепископства Трирское, Майнцское и др.).

пансия была характерной чертой политики развивавшихся на Западе феодальных государств. С середины XII в. важнейшим направлением этой хищнической экспансии стало Средиземноморье. Сюда, к берегам Северной Африки, и особенно к Византии и к сиро-палестинским владениям франков, попавшим под удар сельджуков, оказалось прикованным внимание правителей наиболее значительных из западноевропейских феодальных монархий. Подчинение этих областей сделалось одной из целей их агрессивной политики.

Причина этого очень проста: в XII в. Средиземное море превратилось в магистраль оживленной торговли с Левантом, как называли на Западе восточные страны («левант» по-французски — «восход солнца»). Стремление взять под свой контроль области, игравшие более или менее существенную роль в средиземноморской торговле, и предопределило включение западных монархий в число активных участников крестоносных предприятий. Так, на призыв Бернара Клервоского наряду с оскудевшим рыцарством и представителями знатных домов откликнулись государи Франции и Германии. Они были непрочь извлечь для себя выгоды из «священной войны». В определенной мере и Людовик VII и Конрад III были непосредственно заинтересованы в том, чтобы сохранить и расширить господство «франков» в Сирии и Палестине. Благодаря браку Людовика VII с наследницей герцогства Аквитанского к домену французской короны была присоединена обширная область на юге страны; города же Аквитании все активнее торговали с Левантом. С восточной торговлей были связаны через Северную Италию и немецкие города во владениях Штауфенов. Средиземноморская торговля начинала приносить все более ощутительные выгоды королевской власти во Франции и Германии. Все это побуждало как Людовика VII, так и Конрада III примкнуть к делу, затеянному папством. В этом и состоял секрет «чуда», которое приписал себе Бернар Клервоский.

Окончательное решение о начале похода вынесло собрание французской знати, состоявшееся в феврале 1147 г. в Этампе. Этот съезд происходил в присутствии германских послов. Руководил им Бернар Клервоский.

К лету 1147 г. во Франции и Германии образовались крестоносные «армии». В каждой было примерно до

70 тысяч рыцарей, за которыми потянулись хотя и меньшие, чем в 1096 г., но все же многотысячные толпы крестьянской бедноты.

Французских крестоносцев возглавлял Людовик VII, к которому папа прикомандировал своего легата. Во главе германского воинства встал Конрад III. Оно двинулось в путь первым, а французское ополчение вступило на «стезю господню» месяц спустя.

Немецкие рыцари, проходя по территории Венгрии, а затем по греческим владениям, нещадно грабили население, несмотря на то, что в это время Германская империя находилась в союзных отношениях с Византией. Особенно пострадала от необузданности германских рыцарей Фракия, где императору Мануилу Комнину пришлось усмирять защитников христианской веры, бросив против них свои войска. Близ Адрианополя между немцами и греками произошла жестокая сеча. Мануил пытался было предложить своему союзнику¹ направить крестоносное воинство в сторону от Константинополя — через Геллеспонт (Дарданеллы), чтобы уберечь хотя бы столицу от бесчинств жадных рыцарей, но Конрад III отклонил эти предложения. Он повел свое войско по старой дороге Готфрида Бульонского.

Свой приход в Константинополь немецкие рыцари ознаменовали грабежами (они опустошили, в частности, богатый императорский дворец неподалеку от столицы), пьяными пирами и тому подобными подвигами. Константинополь оказался бы в опасном положении, соединись

---

¹ Союз Германии и Византии, известный в истории под названием «Союза двух империй», сложился на основе общности их политических интересов, главным образом по борьбе с Нормандско-Сицилийским королевством Рожера II (1130—1154). Объединив Сицилию и Южную Италию, Рожер II продолжал старую антивизантийскую политику итало-нормандских феодалов. В то же время он старался ставить всевозможные препятствия германским Гогенштауфенам, добивавшимся утверждения своего влияния в Италии. Противоречия с Сицилийским королевством в области средиземноморской политики и привели к сближению штауфенской Германии с Византией. В 1146 г. «Союз двух империй» был скреплен браком Мануила Комнина со свояченицей Конрада III немецкой графиней Бертой Зульцбахской. Подробную историю «Союза двух империй» читатель найдет в статье В. Г. Васильевского «Из истории Византии в XII в.» (см. В. Г. Васильевский. Труды. Т. IV. Л., 1930, стр. 18—76).

буйные немецкие рыцари с французскими, уже находившимися в пути. Пустив в ход лесть и силу, Мануил Комнин с большим трудом уговорил своего германского союзника переправиться на другой берег Босфора. В конце октября 1147 г. германские крестоносцы, лишённые дисциплины и организации, потерпели жестокое поражение в боях с сильными конными отрядами Иконийского султана близ Дорилея. Разгром «воинов христовых» довершили голод и болезни, уничтожившие большую часть германского ополчения. Остатки его бесславно повернули назад, утратив всякую охоту к «священной войне». И только сравнительно небольшая группа наиболее воинственно настроенных немецких крестоносцев, включая Конрада III и его племянника герцога Фридриха Швабского (будущего германского императора, предводителя третьего крестового похода), решила дожидаться французов и продолжать крестовый поход.

Между тем, международная обстановка, в условиях которой происходил крестовый поход, усложнилась.

Рожер II с самого начала существования сицилийского королевства повел широкую завоевательную политику в районе Средиземного моря. В частности, нормандско-сицилийские рыцари возобновили наступление на Византию, начатое еще во время Роберта Гвискара и Боэмунда.

Когда во Франции полным ходом развернулась подготовка к крестовому походу, ко двору Людовика VII прибыли послы из Сицилии, чтобы уговорить французского короля избрать путь в Сирию через владения Рожера II — Апулию и Сицилию. Рожер II, официально именовавший себя «защитником христианства», втайне хотел привлечь на свою сторону верхи французских феодалов во главе с их королем для завоевания... Константинополя. Но старания сицилийских послов остались безуспешными. Людовик VII и бароны предпочли направиться по той же дороге, по которой незадолго до того прошли немецкие ополчения: путь через владения византийского императора — союзника Конрада III — казался более безопасным.

Тогда Рожер II принялся действовать сам. Как раз в то время, когда германские крестоносцы продвигались по территории Византии, доставляя своими грабежами немало хлопот ее правителям, Рожер II открыл враждебные действия против Константинопольской империи. Летом

1147 г. сицилийский флот овладел островом Корфу, разорил Коринф и Фивы в Греции, опустошил Ионические острова. Мало того, чтобы обеспечить себе спокойный тыл, «защитник христианства» вступил в союз с египетским султаном. Получилась довольно оригинальная ситуация. Западные рыцари отправляются по зову католической церкви на «священную» войну против ислама, а в этот момент одно из значительных католических государств заключает союз с мусульманским Египтом, косвенно используя крестовый поход в своих политических интересах, — для того, чтобы елико возможно ущемить Византию.

Вот как еще в самом начале второго крестового похода проявилась на деле «общность» интересов «западных христиан»!

Разумеется, действия Рожера II поставили крестоносцев, прежде всего французов (которые тем временем направлялись к Константинополю, мародерствуя в Греции, подобно немецким рыцарям), в довольно двусмысленное положение по отношению к Византии. В Константинополе усилились подозрения по поводу действительных намерений крестоносцев. Кто знает, о чем договаривались послы главаря нормандско-сицилийских пиратов (Рожера II) с французским королем? Мануил Комнин старался сохранять хорошую мину при плохой игре. Он обращался с посланиями к Людовику VII, написанными в доброжелательном и дружеском тоне, но вместе с тем византийское правительство принимало свои меры.

В ответ на нападение Рожера II Византия мобилизовала свои силы против Сицилийского королевства. На западе империя вступила в союз с Венецией, предоставив ей новые торговые привилегии¹. А для того, чтобы развязать себе руки на Востоке, Мануил Комнин — такой же «верный» союзник крестоносцев, какими и они являлись по отношению к Византийской империи, заключил мир с Иконийским султанатом, в борьбу с которым уже вступило (неудачно) немецкое рыцарство и с которым еще предстояло померяться силами французским рыцарям креста. Крестоносцы оказались между двух огней. С одной стороны, им нанес удар в спину «единоверный» католический

¹ Н. Соколов. Восточная политика венецианской плутократии в XII в. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, сер. ист.-филол.», вып. XVIII, Горький, 1950, стр. 132—133.

государь: сицилийский король не только подписал соглашение с Египтом, но — это было особенно чувствительно для «защитников веры» — напал на Византию, усилив там недоверие к крестоносному рыцарству и его предводителем. Рожеру II удалось даже различными дипломатическими хитростями внушить византийскому правительству, что Людовик VII якобы сочувствует его, Рожера II, политике. С другой стороны, планы западных захватчиков были поставлены под угрозу тем, что сама Византия заключила мир с сельджуками. Это означало, что в войне крестоносцев с Иконийским султанатом «паломникам» нечего было рассчитывать на поддержку Византии.

При таких обстоятельствах религиозные знамена, под которыми шли в 1147 г. «воины христовы», начали все ниже клониться долу. Нужно было как-то выходить из затруднений и расчищать дорогу для продолжения грабительской войны на Востоке! «Воинам христовым» было не до щепетильности в религиозных вопросах! И вот в тот момент, когда французское войско в конце сентября 1147 г. подошло к Константинополю, в нем раздались голоса о необходимости взять силой столицу греческой империи (неважно, что она христианская) и таким образом покончить с этим препятствием на пути к достижению цели похода.

В окружении короля, сообщает летописец Одон Дейльский, высказывалась мысль о том, что нужно снестись с Рожером II, который уже ведет войну против Византии, дожидаясь прибытия сицилийского флота и, объединившись с королем Сицилии, сообща завоевать Константинополь. Особенно настойчиво такой план действий предлагал выученик и сподвижник Бернара Клервоского епископ Готфрид Лангрский. Он прямо обращал внимание рыцарей на то, что укрепления греческой столицы находятся в ветхом состоянии, а сил для защиты города у греков мало: если осадить Константинополь, он скоро окажется в руках крестоносцев. Благочестивого епископа несколько не останавливало, что Византия — христианское государство. Человек «святых нравов», по отзыву хрониста, епископ Лангрский изощрялся в доказательствах того, что захват Константинополя не нанесет ущерба делу креста. Завоевание Константинополя — так получалось по словам епископа — только по видимости явится актом, противоречащим

христианству, но никак не на деле: ведь византийский император неоднократно поддерживал мусульман и воевал с сирийскими крестоносцами! Такова была нехитрая логика этого «весьма мудрого», как утверждает Одон Дейльский, человека.

Истоков этой «мудрости» искать недалеко. Еще первые зачинщики крестовых походов — Григорий VII и Урбан II — думали о том, чтобы при помощи «священной войны» создать подходящую обстановку для подчинения византийской церкви папству. Предложение захватить Константинополь, впервые внесенное видным саповником католической церкви в таком ничем не прикрытом виде, было лишь одним из наиболее циничных проявлений старых антивизантийских замыслов папского престола. Готфрид Лангрыйский и прочие советчики Людовика VII, отстаивавшие это предложение, действовали как ставленники папства и проводники его политических планов, не имевших ничего общего с религиозными лозунгами, провозглашенными римской курией в качестве официальной программы крестовых походов. Верхи католической церкви не переставали помышлять о подчинении Византии папству. Тайный замысел Бернара Клервоского и состоял в том, чтобы сделать французского короля и его войнство непосредственными исполнителями политических устремлений римских первосвященников. Завоевание Константинопольской империи должно было явиться первым шагом на пути к реализации теократических планов курии.

В 1147 г. планы эти не удалось провести в жизнь. Французские бароны отвергли советы папских клеветов, хотя многие сеньеры одобрительно отнеслись к мнению Готфрида Лангрского¹. Небезынтересно, что впоследствии некоторые католические деятели утверждали даже, будто в 1147 г. «крестоносцы пришли в Константинополь захватить землю» (так писал в своем «Трактате о еретиках» известный инквизитор XII в. Ансельм Александрийский)².

Распустив слух о крупной победе немецких крестоносцев, будто бы захвативших даже столицу Иконийского султаната Мануил добился того, что обореваемые жадностью французские «защитники веры» поспешили вместе со

¹ E. Willems. Ук. соч., стр. 141.

² Cp. Th. Thouzellier. Hérésie et la croisade au XII siècle. «Revue d'histoire ecclésiastique», vol. XLIX, № 4, Louvain, 1954, p. 861.

своим королем переправиться через Босфор. В Никее они встретились с жалкими остатками германского ополчения с Фридрихом Швабским во главе, а затем и с немногими уцелевшими рыцарями Конрада III. Крестоносное воинство двинулось вперед, но не вглубь страны, а обходным путем — по западным и южным областям Малой Азии. Страх подвергнуться плачевной участи разбитых сельджуками немецких ополчений заставил крестоносцев избрать этот новый путь. Хотя он и шел через византийские города (Пергам, Смирну, Эфес и др.), но переход по высоким горам, через бурные потоки серьезно ослабил войско. Из Эфеса немцы отправились морем назад, в Константинополь, чтобы набраться сил после поражения, нанесенного им «невсерными». К тому же и «единства» с французскими рыцарями креста не получалось: французы явно глумились над своими собратьями по «высоким» целям.

В начале 1148 г. обессиленное трудным переходом французское ополчение от Лаодикие тронулось по скалистым дорогам дальше на юг. Сельджуки в бесперывных налетах основательно потрепали крестоносцев, потерявших много людей и лишившихся большей части съестных припасов и фуража: сельджуки отбивали обозы. Пришлось бросать выючных животных, которых нечем было кормить. В самом тяжелом положении оказалась конечно, крестьянская беднота, участвовавшая в походе. Ей пришлось пережить в пути наибольшие беды.

Феодальные сеньеры, отправившиеся на Восток для умножения своих богатств, и в походе, несмотря на все его трудности, не отказывались от удовлетворения своих прихотей. Они ни на минуту не собирались жертвовать своими княжескими забавами мнимо благочестивым целям похода. Людовик VII прихватил с собой свою легкомысленную супругу Алиенору Аквитанскую, предававшуюся в пути различным увеселениям. Примеру короля последовали другие сеньеры. Пышный кортеж короля и знатных баронов, окруженных блестящей свитой, яркие наряды их «благородных спутниц», пестрая и многочисленная челядь, обслуживавшая этих дам (тут была и прислуга, и музыканты), которые, не теряя времени, принимали ухаживания своих рыцарей,— все это представляло резкий контраст с измученными, полуодетыми толпами бедняков, потянувшимися в неведомые края за лучшей долей.

Во втором крестовом походе, как и в первом, феодалы не склонны были проявлять к нищим землепашцам особое внимание. Рыцари видели в них обузу. Они не замедлили воспользоваться случаем, который вскоре представился, чтобы избавиться от нее.

Когда в начале февраля 1148 г. крестоносное ополчение прибыло к византийскому городу Атталии (в Памфилии) и правитель его согласился предоставить воинам христовым флот для переезда в Сирию, выяснилось, что греческих кораблей едва достанет для того, чтобы на них могла погрузиться одна только знать. Благородные рыцари, верные христианскому завету любви к ближнему, не долго думая, бросили бедняков на произвол судьбы и, подняв паруса, покинули берега Малой Азии. Оставшиеся были большей частью либо уничтожены сельджуками, либо пали жертвой голода и лишений.

Сравнительно небольшая армия французских крестоносцев прибыла в Антиохию. Вскоре также небольшое ополчение немецких феодалов во главе с Конрадом III явилось из Константинополя в Акру. В то время Иерусалимское королевство воевало с Дамаском. Предводители крестоносцев, «позабыв» о том, что их ближайшая цель — «отомстить» язычникам за Эдессу, оставили мысль о войне с Мосулом и совместно с армией, набранной в Иерусалимском королевстве, осадили сильно укрепленный Дамаск.

Осада Дамаска была безуспешной. Между немецкими и французскими рыцарями не прекращались раздоры. Среди баронов Иерусалимского королевства нашлись «изменники» «христианскому делу», купленные золотом дамасского эмира. В конце июля 1148 г., ничего не добившись, доблестные рыцари креста оставили свою затею, тем более что эмир Дамаска призвал на помощь силы Мосула: войска преемника Зенги — Нур-эд-дина — приближались с севера к осажденному городу.

Убедившись в безнадежности положения, Конрад III со своими немногочисленными сподвижниками весной 1149 г. вернулся (через Константинополь) в Германию. Спустя несколько месяцев возвратился и Людовик VII: его воинственный пыл, между прочим, был сильно охлажден любовными приключениями, в которые пустилась в «святой земле» Алиенора, вступившая в «преступную» связь со своим дядей, князем Антиохии Раймундом.

Второй крестовый поход не дал никаких практических результатов ни его организаторам, ни участникам. Эта плохо организованная и еще хуже проведенная авантюра привела лишь к новым весьма значительным людским и материальным потерям, главным образом для французов. Огромные материальные средства, собранные ценой жесточайшего нажима на народные массы, оказались растраченными впустую. Поход причинил и прямой политический ущерб французскому королевству. Папство и его приверженцы во Франции, прежде всего — Бернар Клервоский, добивались ослабления королевской власти. Во время крестового похода Франция была охвачена новой волной феодальных усобиц. К тому же Людовик VII сильно задолжал, особенно тамплиерам и госпитальерам, у которых он взял на нужды крестоносной авантюры многие тысячи марок серебром.

Второй крестовый поход, подобно первому, продемонстрировал отсутствие единства между западными феодальными захватчиками. Религиозные соображения, как это с большой наглядностью показали проекты овладения Константинополем, по существу все более утрачивали свое значение. На ослабление религиозного пыла в период второго крестового похода жаловались уже монахи-летописцы XII в. Тот факт, что официальная программа походов с середины XII в. сделалась пустой формальностью, вынуждены признать и многие буржуазные ученые. Известный бельгийский историк Жак Пиренн считает даже, будто плачевный исход крестоносного предприятия 1147 г. был вызван исключительно тем, что Запад к тому времени пережил большую духовную эволюцию: в середине XII в. «умы были менее мистически настроены, чем за пятьдесят лет до этого»¹. Конечно, дело было не только и не столько в состоянии умов, сколько в другом.

Второй крестовый поход не принес лавров католической церкви, прежде всего, потому, что противоречия между государствами, нараставшие из-за экспансионистских устремлений Запада в Средиземноморье, все резче и резче противопоставляли их одно другому, а также и Византии.

---

¹ J. Pirenne. Les grands courants d'histoire universelle. T. II. Neuchâtel, 1944, p. 99.

Авантюристические проекты верхов католической церкви относительно установления всемирного владычества пап разбились во время второго крестового похода, натолкнувшись на возраставшую мощь «разъединяющих» тенденций. К тому же и несогласия среди предводителей крестовых ополчений, так же как и их раздоры с сирийскими франками, содействовали краху предприятия¹.

Второй крестовый поход потерпел полную неудачу. Он сильно подорвал авторитет папства и поколебал, между прочим, влияние цистерцианского ордена². В высших церковных кругах начали доискиваться виновника провала богоугодного предприятия. Евгений III сваливал всю ответственность на Бернара Клервоского; тот заявлял, что действовал по повелению папы³. Спасая «честь» римской церкви, ее верховные саповники начали ссору друг с другом; отовсюду сыпались взаимные попреки и оскорбления. Папа назвал Бернара Клервоского глупцом.

Но спасти «честь» Рима и его ставленников такого рода нападками было невозможно. В широких кругах на Западе поднялся ропот и против папы и против аббата Клервоского, погубивших множество людей. Бернара не стеснялись именовать «лжепророком» (ведь он предсказывал благополучный исход предприятия), а Евгения III, благословившего крестоносную авантюру, — «антихристом».

Когда в 1150 г. «святой» Бернар сделал было еще одну попытку организовать крестовый поход, он не встретил поддержки даже у папы, хотя некоторые французские бароны и церковники и выступили с предложением, чтобы Бернар возглавил новую «священную войну». По постановлению собора в Шартре (май 1150 г.), Евгений III бул-

---

¹ Эти обстоятельства правильно отмечает французский историк А. Сегэн в статье «Бернар и второй крестовый поход» (A. Séguin. Bernard et la seconde croisade. Сб. «Bernard de Clairvaux», Paris, 1953).

² E. Willems. Ук. соч., стр. 148.

³ Любопытно, что некоторые современные историки пытаются реабилитировать Бернара Клервоского, прибегая к его собственной аргументации: он-де лишь повиновался велению Евгения III.

Именно так поступает Э. Виллемс. В упоминавшейся выше статье (стр. 137) он берет под защиту аббата Клервоского. Этот историк считает возможным упрекнуть организатора второго крестового похода только в одном: вина Бернара, оказывается, в том, что он допустил к участию в походе... женщин и не сумел предвидеть скандальных результатов этого прискорбного факта (там же).

лой от 19 июня утвердил аббата Клервоского в звании вождя крестоносцев, но дальше разговоров дело не пошло.

Крестовый поход на Восток, о котором мы рассказали, был лишь частью грандиозной феодальной завоевательной авантюры, организованной по инициативе папства. В это же самое время католическая церковь одобрила и благословила еще одно направление феодальной экспансии, определившееся к 1147 г. Новым объектом захватов, преимущественно германских феодалов и, разумеется, католической церкви, стали славянские земли за Лабой (Эльбой).

Крестовый поход 1147 г. против славян

Немецкие феодалы давно уже зарились на земли славян, живших к востоку от Лабы и в Прибалтийском Поморье. В IX—XI вв. здесь выросло много больших городов, развернувших широкую торговлю. Купцы из многих стран, стекавшиеся в Вольту (в устье Одры), в Штетин — главный город Поморья, в Аркону (на острове Рюяна), вывозили отсюда меха, соль, мед, воск, искусно выполненные изделия из рога, золота, серебра. По мере того, как умножались богатства восточных соседей германских феодалов, разыгрывались и аппетиты последних. Немецкие колонизаторы утвердились было за Лабой в X в., но в конце столетия были изгнаны из большей части занятых ими областей в результате могучего восстания славянских племен. В середине XII в. германские князья предприняли новую попытку подчинить себе Полабье и Поморье. В 1147 г., когда Бернар Клервоский провозгласил крестовый поход в Палестину, часть владетельных князей и рыцарства Германии решила воспользоваться этим для осуществления своих планов: поискать добычи поближе.

Мысль о том, чтобы возобновление агрессии против славян облечь в форму священной войны, зародилась в феодальных кругах Саксонии. Эту идею не замедлили подхватить и распространить столпы католической церкви. Бернар Клервоский употребил все свое красноречие и мобилизовал всю черную рать подвластных ему цистерцианских монахов для организации крестового похода на славянский Восток. В марте 1147 г. святейший аббат при-

был на Франкфуртский сейм немецких князей и епископов. Он обратился с посланием ко всем католикам, призвав их вооружиться против язычников за Лабой, чтобы «совершенно их искоренить или обратить в христианство». Участникам столь богоугодного дела были обещаны такие же привилегии в отношении имущества, долгов, а равно и «спасения души», как и тем, которые направлялись в «святую землю».

Спустя три недели после этого Евгений III подтвердил «милости», дарованные аббатом Клервоским. В особой булле он предписал будущим крестоносцам действовать в землях славян решительно и беспощадно. Зная жадность воинов христовых, папа запретил им принимать от «поганых» «деньги и выкупы и разрешать им за это коснеть в своем неверии».

Папа и аббат из Клерво призвали германских феодалов к вторжению в славянские земли. Освятив захватническую экспедицию в Сирию и Палестину, римская церковь благословила и «Драг нах остен»: так называли впоследствии националистические германские историки агрессию немецкого рыцарства против славян и других народов Прибалтики.

Призыв к «священной войне» против заэльбских язычников поднял массу крупных и мелких феодальных хищников в Германии, к которым примкнули их собратья из Дании и Бургундии. Летом 1147 г. в Германии составились два крестоносных ополчения. Первое возглавляли жадный герцог Саксонии и Баварии Генрих, по прозвищу Лев, герцог Конрад Бургундский, архиепископ бременский Адальберт и др. Руководящую роль во втором ополчении играли маркграф Альбрехт, прозванный Медведем и ставший позже яростным соперником Генриха Льва, пфальцграф Фридрих Саксонский, архиепископ Фридрих Магдебургский и некоторые другие светские и церковные феодалы. В обеих крестоносных армиях было до 100 тысяч человек.

Ополчение Генриха Льва должно было двинуться с Нижней Лабы в землю ободритов. Главный удар второй армии, выступившей из Магдебурга, был направлен против лютичей.

Для германских феодалов христианизация славян была всего-навсего благовидным предлогом; истинной

целью были хищения в богатых славянских землях за Лабой¹, порабощение самих славян.

Генриха Льва летописец германских колонизаторов Гельмольд, написавший позднее «Славянскую хронику», характеризует как человека, никогда всерьез не помышлявшего об обращении славян в христианство: он думал «только о деньгах» и «весь был предан стяжанию». То же можно сказать и об остальных главарях и феодальных участниках этой «священной войны», включая и епископов, усердно помогавших светским феодальным хищникам: погоня за церковными десятинами была главным стимулом, определявшим их активность в крестовом походе за Лабу.

Славяне не уstraшилиcь невиданных сил, двинувшихся против них под знаменем креста. Они оказали могучий отпор непрощеным носителям «слова господня». Организатором обороны против крестоносного нашествия выступил ободритский князь Никлот. Он разработал остроумный план борьбы с германскими захватчиками, решив, прежде всего, уморить воинов христовых голодом. С целью лишить крестоносцев их опорных пунктов и средств снабжения Никлот принял соответствующие меры.

Неожиданно напав в конце июня 1147 г. на немецкий город Любек, славяне разгромили его и уничтожили стоявшие в гавани корабли. После этого посланные Никлотом конные отряды истребили или взяли в плен всех немецких поселенцев в окрестной славянской области Вагрии. Таким образом, крестоносцев здесь некому было кормить, да им и нечем было кормиться. То был смелый и удачный набег славян.

Тогда крестоносная рать вторглась в землю ободритов. Во исполнение задуманного плана Никлот предусмотрительно опустошил и территорию своего княжества, а сам с большим войском укрылся в крепости Добин, стоявшей посреди болот близ Зверинского озера. Крестоносцы, которым пришлось продвигаться по разоренной земле, осадили эту крепость. Однако немецкие воины сразу же попали в затруднительное положение. Они могли получать продовольствие только с помощью датского флота,

---

¹ Ср. Н. Г р а ц и а н с к и й. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 91.

который пристал к славянскому побережью неподалеку от Зверинского озера. Но союзники Никлота — воинственные славянские мореходы руяне — напали на датскую флотилию и нанесли ей серьезный урон. Осаждавшие Добин немецкие и датские войска оказались под угрозой голода. Тем временем славянские отряды, совершая неожиданные вылазки из Добины, уничтожали крестоносцев, «удобряли ими землю», как выражается Гельмольд.

Пыл немецких рыцарей начал быстро остывать. В войске стали поговаривать о бессмысленности предприятия. Ревность германских воинов к католической вере была, видимо, не настолько велика, чтобы стоило ради нее идти на «чрезмерные» лишения, а жестокий урок, преподанный им славянами, на время отбил у них охоту к наживе за чужой счет. Пришлось заключить мир с Никлотом. «Так, — пишет Гельмольд, — большой поход этот разрешился малой пользой».

Не лучше сложились дела и у распространителей истинной веры из Магдебурга, намеревавшихся покорить не только полабских лютичей, но и поморских славян. Часть крестоносцев подошла к славянскому городу Дымину на р. Пене; там они получили достойный отпор, после которого многие поспешили распротиться с мечтами о завоеваниях и вернулись домой. Другая армия обложила Шетин. Рядовые крестоносцы — среди них было немало и простого люда — ничего не знали о том, что здесь еще за несколько десятков лет до описываемых событий было распространено христианство. Князья и прелаты умышленно утаивали от них это обстоятельство, изображая дело так, что воинство христово идет воевать за торжество истинной веры против языческих заблуждений. Когда же крестоносная рать осадила Шетин, осажденные выставляли на городских укреплениях кресты в знак того, что они христиане. Массе крестоносцев, состоявшей в основном из темных крестьян, стало очевидно, что она одурочена князьями. В армии осаждавших возникли беспорядки. Рыцари, начавшие было делить еще не захваченную добычу, встретились с решительной оппозицией крестоносцев из крестьян: простой народ, в глазах которого религиозные лозунги похода имели определенное значение, не хотел продолжать военные действия против христиан и, невзирая на увещания предводителей, покинул лагерь. В за-

мешательстве и смятении отступила и вся «христова рать», которой уже до этого пришлось столкнуться с сильными славянскими крепостями.

Чешский хронист Винцент Пражский рассказывает, как еще во время осады Щетина к вождям крестоносцев явились из города послы во главе с епископом Поморья. Зачем немецкие князья пришли с оружием в руках? — задали они резонный вопрос главарям «христова воинства». Если уже они хотят где-либо утверждать христианскую веру, «то это нужно делать не оружием, а епископской проповедью».

Рассказ Винцента Пражского отлично разоблачает подлинные цели организаторов и участников похода: «Саксы, — прямо пишет он, — пришли с таким войском больше для захвата земли, чем для утверждения веры христианской». Они ратовали, говорит он, не за «божье дело». В этом религиозно настроенный летописец видел, кстати сказать, и главную причину неудачи похода. На самом деле крестовый поход против славян полностью провалился по другой причине. Он был сорван героическим сопротивлением славян, отстаивших свою землю от крестоносных хищников-феодалов. Только позднее, в конце 50-х годов, воспользовавшись распрями среди славянских князей, немецкие феодалы утвердились в Полабье и Поморье. Но история этих событий уже выходит за рамки нашего рассказа.

Третий крестовый поход

Итак, крестовый поход 1147 г. на Восток потерпел неудачу. Между тем силы мусульманского мира неуклонно нарастали. Развитие объединительных тенденций на Востоке привело к тому, что в 70-х годах XII в. здесь образовалось крупное государство, сплотившее значительную часть Передней Азии. В создании этого государства видная роль принадлежала египетскому везиру Юсуфу Салах-ад-дину, который в 1171 г. захватил верховную власть в Египте, а несколько лет спустя объединил в одно целое Египет, часть Сирии и Месопотамии. Все ресурсы своего обширного государства султан Салах-ад-дин (называемый чаще Саладином) направил на борьбу с крестоносцами-

франками, задавшись целью, прежде всего, уничтожить Иерусалимское королевство.

Отсутствие единства среди алчных крестоносцев, всецело поглощенных сугубо «мирскими» делами — погоней за наживой и взаимными распрями, дало Саладину возможность в 1187 г. вторгнуться со своими войсками во внутренние области Иерусалимского королевства. Ближайшим поводом для нападения была очередная разбойничья выходка одного из франкских сеньеров — Райнальда Шатильонского. Этот необузданный рыцарь по возвращении из многолетнего мусульманского плена засел в замке Крак и сделал своим излюбленным занятием грабежи проходивших мимо купеческих караванов. Как-то весной 1187 г., завидев добычу из окна высокой башни своего замка, Райнальд Шатильонский напал на караван, направлявшийся с большими ценностями из Египта в Сирию. Караван был дочиста ограблен. Султан потребовал от иерусалимского короля Гвидо Лузиньяна возмещения ущерба и наказания грабителя, но король не рискнул затронуть своего чересчур сильного вассала. Саладин воспользовался его отказом для того, чтобы объявить «священную войну» франкам.

Один за другим стали обрушиваться на Иерусалимское королевство чувствительные удары. В начале июля 1187 г. объединенное 60-тысячное войско Египта и Сирии, продвигавшееся из Алеппо и Мосула, взяло Тивериаду, а затем, окружив крупные силы крестоносцев на возвышенности близ Гаттина (между Назаретом и Тивериадским озером), разбило их в кровавой сече 5 июля 1187 г. Сотни рыцарей и тысячи пехотинцев были убиты в сражении. Гвидо Лузиньян, а также великий магистр тамплиеров и многие знатные бароны попали в плен к Саладину.

После победы при Гаттине Саладин быстро завладел приморскими городами (Акрой, Бейрутом, Сидоном, Яффой, Хайфой, Кесарией, Аскалоном) и отрезал Иерусалим от сообщения с Европой. Во второй половине сентября 1187 г. войска султана осадили столицу главного государства крестоносцев. Малочисленный гарнизон был не в состоянии отстоять город от натиска огромной мусульманской армии. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, население Иерусалима решило сдаться на милость

победителя. 2 октября 1187 г. ворота Иерусалима были открыты, и саладиновы войска заняли город. За свою «милость» султан назначил довольно высокую цену. Он разрешил жителям-христианам покинуть город, но лишь после уплаты выкупа весьма внушительных размеров. Около 16 тысяч франков, оказавшихся не в состоянии внести выкупную сумму, были обращены в рабство¹.

Овладев Иерусалимом и прекратив сопротивление последних крестоносных рыцарей во внутренней Палестине, Саладин, однако, безуспешно пытался захватить Тир, защитой которого руководил итальянский маркиз, прибывший в середине июля 1187 г. из Константинополя, — Конрад Монферратский. Не удалось Саладину подчинить и главные центры крестоносцев на севере — Триполи и Антиохию.

Тем временем известие о падении Иерусалимского королевства произвело впечатление громового удара на Западе. Папа Урбан III, узнав о свершившемся, умер от потрясения. Его преемник Григорий VIII тотчас призвал к новому крестовому походу. Этот папа в своих крестоносных посланиях предписал католикам еженедельный полный (по пятницам) пост сроком на пять лет; помимо того всем вменялось в обязанность два дня в неделю (по средам и субботам), также в течение пяти лет, воздерживаться от мясной пищи. Проповедь священной войны подхватил Климент III, через два месяца сменивший Григория VIII. Надо было поддержать падавший авторитет католицизма. Для возбуждения в массах религиозного энтузиазма наиболее ретивые из папских кардиналов дали даже обет пройти пешком всю Францию, Англию и Германию.

Католической церкви удалось организовать новый, третий крестовый поход. В некоторых отношениях он сильно отличался от предшествующих. К концу XII столетия характер крестовых походов в определенной степени

---

¹ Стоит отметить, что тамплиеры и госпитальеры вначале не пожелали предоставить средства для выкупа бедняков. Они мотивировали свой отказ тем, что якобы не могут распоряжаться чужими деньгами, которые переданы им на хранение. Только угроза возмущения франкской бедноты заставила орденских рыцарей раскошиться (ср. J. Richagd. Ук. соч., стр. 143).

изменяется по сравнению с первыми крестоносными предприятиями.

Крестьянская беднота, являвшаяся огромной силой в первом и в довольно значительной мере участвовавшая также во втором походе, теперь все более отходит от крестоносного движения. Неудачи, постигшие крепостных крестьян в их попытках обрести на Востоке землю и свободу от феодального гнета, сильно подорвали иллюзии, которые деревня питала на этот счет. В XII в. крепостные на Западе стали явно предпочитать другие, более верные пути для облегчения своего положения, прежде всего бегство в быстро расширявшиеся города: оно давало реальную надежду на освобождение, и не в призрачной «святой земле», а почти у себя дома. Городской воздух делал свободным — гласила народная поговорка того времени.

Тяга крестьян на Восток почти прекратилась. С конца XII в. главной, хотя и не единственной силой крестовых походов стали поэтому рыцарство и крупные феодалы западноевропейских стран. Все более активными участниками новых «священных войн» становились и молодые феодальные государства Запада. Кроме того, вскоре после начала крестовых походов в это движение, хотя и с осторожностью¹, включились также итальянские республики, которые, как мы увидим, постарались извлечь из своего участия в нем максимальные выгоды. Заинтересованность торговых городов, главным образом Северной Италии, в крестовых походах с конца XII в.² сделалась одним из важных стимулов крестоносных предприятий.

Столетие, истекшее со времени первой крестоносной экспедиции, отмечено большим ростом левантийской торговли. В это время наладились постоянные коммерческие сношения стран Западной Европы, с одной стороны, и Ви-

---

¹ Это обстоятельство особенно подчеркивает К. Каэн в своих последних работах, в том числе в докладе «Крестовые походы и ислам», прочитанном на конгрессе историков в Риме («Relazioni», vol. III, p. 626).

² Характерно, что Венеция, например, не приняла никакого участия во втором крестовом походе: этой авантюре венецианские купцы предпочли более верное дело — предоставление Византии «помощи» против Рожера II Сицилийского в обмен на расширение торговых привилегий в Константинополе.

зантии, Кипра, Египта, Сирии, Палестины, Армении, а через них и глубинных областей Азии и Африки — с другой.

Ведущую роль в левантийской торговле играли итальянские города. Из Венеции, Генуи, Пизы, а также из французских городов — Марселя, Монпелье и других, с берегов Англии, позже — из испанской Барселоны систематически снаряжались на Восток флотилии купеческих кораблей, груженных всевозможными товарами. Они везли муку (хлеба не доставало в государствах крестоносцев), строительный лес, металлы (Англия, к примеру, посылала в Левант медь и олово), кожи, сукно (выделкой его славилась город Южная Франция), лошадей, «живой товар» — рабов; их поставляли в страны Востока главным образом венецианцы, давно уже занимавшиеся этим гнусным промыслом — охотой за людьми, особенно на побережье Далмации. В Константинополе, Александрии, Тире, Акре, Антиохии, Яффе, распродав привезенное, западные торговые люди наполняли свои всельно-парусные галеры и барки новым грузом — восточными товарами, закупленными в портовых городах Леванта. Караваны судов венецианцев, генуэзцев, марсельцев увозили в Европу шелковые и хлопчатобумажные ткани, изготовлявшиеся искусными сирийскими ремесленниками, корзины с фруктами, мускатным орехом, мешки с тростниковым сахаром, бочки с винами. Они доставляли на Запад шелк-сырец и кипы хлопка, привозившегося в сирийские порты из внутренней Азии, мускус, добывавшийся в Тибете, египетское стекло и красящие вещества, пряности Индии (перец, гвоздику, корицу), приобретенные по дорогой цене в Александрии, древесную смолу, аравийский ладан и амбру, жемчуг и драгоценные камни из далеких азиатских стран, слоновую кость из Африки. Все это и многое другое с выгодой продавалось на рынках Европы.

Восточные товары все прочнее входили в обиход не только «высших» классов Западной Европы: как полагают некоторые исследователи, ввоз шелка-сырца и хлопка из Азии дал толчок развитию шелкоткацкой и хлопчатобумажной промышленности в городах Запада.

Таким образом, в течение XII в. Средиземноморский бассейн приобрел серьезное значение в экономике Западной Европы.

Часто думают, что развитие левантийской торговли в XII в. было прямым результатом первого крестового похода; в нем видят чуть ли не главную причину расцвета средиземноморской торговли в этот период.

Такая точка зрения широко распространена в исторической литературе, однако она ошибочна.

Разумеется, было бы неправильным полагать, что завоевание Сирии и Палестины крестоносцами прошло совершенно бесследно для экономических сношений Западной Европы с Востоком. Итальянские торговые города оказывали услуги завоевателям, подвозили им оружие, провиант, осадные машины, подкрепления людьми, поддерживали связь крестоносных рыцарей с Европой вовсе не из любви к христианскому богу и не из ненависти к богу мусульман. У купцов и судовладельцев был свой, золотой божок. За эту помощь денежные люди североитальянских республик выговаривали у главарей крестоносцев различные льготы в завоеванных городах Сирии и Палестины.

Главной наградой для венецианских, пизанских, генуэзских купцов служило предоставление им в портовых городах отдельных участков в виде особых кварталов, в которых, по условиям договоров с крестоносными предводителями, должны были быть не только жилые дома, но также «рынок, церковь, баня и пекарня». Кварталы эти достигали порой значительных размеров. Генуэзцы захватили третью часть Яффы, Акры, Кесарии, прибрали к рукам гавань в Триполи с соседним островом; в 1123 г. венецианские купцы получили в Иерусалиме квартал, равный по территории остальной части королевской резиденции. В каждом городе Иерусалимского королевства Венеция имела если не собственную улицу, то, по крайней мере, базар.

Кварталы итальянских торговых людей образовывали как бы автономные поселения в государствах крестоносцев. Они управлялись консулами, которых назначали власти итальянских городов, и жители этих кварталов даже не были подсудны местным феодальным правителям-франкам.

Таким образом, итальянские купцы и предприниматели оказались в определенном выигрыше от первого крестового похода. По меткому выражению одного историка,

«дело благочестия» они делали по-купчески. Они не только добились широких торговых и политических привилегий в Иерусалиме, Яффе, Тире, Антиохии и других городах Восточного Средиземноморья, но и заняли руководящее положение во всей крупной торговле и промышленности Сирии.

Конечно, эти привилегированные поселения (колонии) европейских, главным образом итальянских, купцов на сиро-палестинском Востоке служили, в известной мере, опорными точками торговли Запада с Левантом (по стопам итальянцев пошли купцы и других стран, основавшие здесь свои колонии). Однако нет оснований чрезмерно преувеличивать значение этих сирийских колоний европейского купечества в левантийской торговле XII в. Читатель уже знает, что различные итальянские и южнофранцузские города и до начала крестовых походов были связаны с Сирией и Палестиной. В конечном счете развитие товарообмена по Средиземному морю зависело не от привилегий, добывавшихся купечеством Венеции и Генуи, какую бы роль они ни играли для их обладателей, а от уровня развития производства и обмена в самой Европе и на Востоке. Основной и решающей предпосылкой для расцвета левантийской торговли в XII в., который лишь совпал по времени с созданием латинских государств в Сирии и Палестине, был общий экономический прогресс, достигнутый в то время ¹.

---

¹ Крестовые походы и их последствия сами по себе только вредили нормальным торговым связям с Левантом. В этом отношении прав К. Каэн, показавший в своих работах, что значение торговых привилегий итальянцев серьезно умалялось различными противодействующими факторами, прежде всего тем, что бесконечные войны между осевшими в «святой земле» крестоносцами и сельджуками препятствовали регулярным торговым сношениям с внутренними областями Сирии. Изучив архивные документы, Каэн подсчитал, например, что по количеству торговых сделок, заключенных за 70 лет (1100—1170 гг.) между венецианскими и восточными купцами, Александрия стояла впереди Акры, а Константинополь занимал почти такое же положение, как Акра. Эти и некоторые другие данные свидетельствуют о том, что в XII в. Александрия и Константинополь, т. е. города, не подвергшиеся «благодарному» воздействию крестовых захватов, являлись более важными центрами левантийской торговли, чем сиро-палестинские порты, целиком находившиеся в руках крестоносцев (Cl. Cahen. Notes sur l'histoire des croisades et de l'Orient latin. «Bulletin de la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg», 1951, № 8, p. 332—333).

Утверждение франков в Сирии и Палестине, последовавшее за первым крестовым походом, не оказало в какой-либо степени определяющего влияния на средиземноморскую торговлю. Своим развитием она была обязана внутренним сдвигам в хозяйственной жизни феодального общества, наметившимся еще в XI в.: росту производительных сил, дальнейшему отделению ремесла от земледелия, подъему экономики Западной Европы, который продолжался в XII в. Он увеличил общую массу товаров, принадлежавших купцам, прежде всего итальянских городов, и увеличил спрос на восточные товары¹.

Как бы там ни было, но Средиземное море стало в XII в. великой торговой дорогой, связывающей Запад с Востоком. Именно по этой причине сюда и протягивали руки — и чем дальше, тем настойчивее — коронованные правители феодальных монархий Запада. Перспектива овладеть торговым движением по Средиземному морю сулила феодальным государствам громадные возможности расширения материальных ресурсов. А наиболее надежным способом взять под контроль и обратить к собственной выгоде это торговое движение было непосредственное подчинение областей и городов, через которые оно проходило.

Превращение рыцарства и крупных сеньеров в основную силу крестовых походов, включение в эти предприятия феодальных государств, важное место, которое в политике Запада заняла средиземноморская торговля, — все это наложило резкий отпечаток на внутреннее содержание, да и на внешний характер крестоносного движения с конца XII в. Показные религиозные цели его все более отступали на задний план, тогда как захватнические, чисто «светские» интересы участников все с большей силой пробивались сквозь религиозную оболочку, которой католическая церковь все еще старалась прикрыть это движение.

Стремление западноевропейских государств к господству на Средиземном море стало важнейшим внутренним стимулом крестовых походов. Это стремление в известной степени объединяло — во всяком случае внешне — запад-

---

¹ Ср. Н. Соколов. Восточная политика венецианской плутократии в XII в., стр. 103.

ные государства, противопоставляло их Востоку. Но с гораздо большей силой оно порождало вражду между самими этими государствами. Фиктивное, по существу, уже в первых крестonosных предприятиях, пресловутое «единство западного мира» во второй половине XII в. рушится совершенно явно: на первое место в крестовых походах выдвигается ожесточенная борьба между западноевропейскими государствами за экономическое, военное, политическое преобладание на Средиземном море¹. Эти перемены отчетливо проявились уже во время третьего крестового похода.

Призывы римских пап к крестовому походу были встречены народными массами далеко не так сочувственно, как это бывало раньше. Когда в начале 1188 г., по требованию римского престола, сперва в Англии, а затем во Франции была введена всеобщая подать в размере $\frac{1}{10}$ части движимого имущества (она предназначалась для снаряжения ополчения против «турок» и называлась «Саладиновой десятиной»), это постановление вызвало взрыв возмущения в народе. Крестьянство и без того изнемогало под тяжестью феодальных повинностей. «Саладинова десятина» была для него лишь новым дополнительным бременем. Во Франции разразилось крестьянское восстание против сборщиков «Саладиновой десятины», и ее пришлось отменить. Возмущение охватило не только народные низы, — даже среди духовенства, которое, по велению папства, должно было поступиться частью своих доходов на нужды крестonosной экспедиции, поднялся ропот против этого налога: католические пастыри явно предпочитали сами наживаться на десятине с крестьян и ремесленников, чем делиться долей своих доходов, хотя бы она и шла на «святое дело». Такой расход был слишком непривычным для церкви! Видный церковный деятель и писатель архидьякон Петр Блуаский считал, что если «князья под предлогом нового паломничества... налагают клеймо рабства на церковь христову, требуя с нее налогов, то верный сын церкви должен скорее умереть, чем повиноваться». В массах же народа враждебные

---

¹ См. В. В. Стоклицкая - Терешкович. Борьба западноевропейских государств за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов. «Изв. АН СССР, сер. ист. и философии», 1944, № 5.

настроения по отношению к планам нового крестового похода высказывались еще более резко. Один французский поэт того времени (Конон Бетюнский) прямо обвинял сильных мира сего в том, что они «приняли крест за деньги и облагают десятиной духовенство, горожан и крепостных. Их крестное знамение — не вера, а корыстолюбие». В этих словах явственно слышится отзвук открытой ненависти и отвращения к самому почину крестового похода. В массах исчезла былая вера в спасительность «священной войны».

Крестоносный клич Рима получил поддержку, главным образом, среди феодалов, феодалных государств, а также у патрициата североитальянских городов. Уже в 1188 г. в Сирию двинулась небольшая флотилия из Нормандско-Сицилийского королевства (ею командовал адмирал Маргаритон) и несколько десятков галер из Пизы и Генуи. Но главные силы крестоносцев формировались в Англии, Германии и Франции.

Одним из первых заявил о своей решимости взять крест английский король Генрих II Плантагенет (1154—1189). Много сделавший для укрепления королевской власти в Англии, он в то же время на протяжении всего своего правления стремился к тому, чтобы Англия заняла прочные позиции в Средиземноморье. Ведь она была связана с левантской торговлей, а кроме того, Плантагенетам принадлежала французская Аквитания¹, игравшая значительную роль в этой торговле².

---

¹ Генрих II Плантагенет был не только королем Англии, но и крупнейшим феодалом Франции — графом Анжу и Мэна. Вскоре после второго крестового похода он женился на известной уже читателю Алиеноре Аквитанской (Людовик VII развелся со своей супругой) и таким путем присоединил к своим старым владениям еще и герцогство Аквитанское.

² Английские корабли шли в Средиземное море либо вдоль берегов Франции и Испании — к Гибралтару, либо же они следовали морем только до Бордо; там их груз переносили на речные барки, которые направлялись вверх по Гаронне к Тулузе. В Тулузе английские товары перегружали на вьючных животных, доставлявших их в Нарбонну, а уже отсюда торговый груз англичан принимали корабли, державшие путь в Александрию и другие города Востока. Это — второй путь (он был выявлен на основании сообщений арабского географа Ибн-Саида известным немецким историком-экономистом прошлого века В. Гейдом) и лежал через Аквитанию (В. В. Столицкая-Терешкович. Ук. соч., стр. 217).

Во всех странах, прилегающих к Средиземному морю, Генрих II старался обеспечить влияние Плантагенетов. В те времена не последнее место в дипломатии занимало заключение брачных союзов между представителями и представительницами правящих домов. Английский король широко пользовался этой «брачной дипломатией», втянув в нее чуть ли не всех своих детей. Одну из дочерей он выдал за кастильского короля Альфонса, другую — за короля Сицилии Вильгельма II (этот брак, впрочем, был бездетным, и английского наследника на итало-нормандский престол не оказалось); сына своего Ричарда Генрих II сосватал с наваррской принцессой Беренгарией. Наконец, Генрих II был очень не чужд и расчетов на овладение.. Иерусалимским королевством, — сюда тоже тянулись нити родства анжуйского дома Плантагенетов: ведь король иерусалимский Фулько (1131—1143) был дедом Генриха III! Последний с самого начала своего водворения в Англии не выпускал из виду заморских владений своих родичей. Он не раз передавал крупные денежные суммы для защиты «святой земли» от мусульман и еще задолго до падения Иерусалима договаривался то с Людовиком VII, то — позднее — со своим зятем Вильгельмом II Сицилийским об организации крестового похода.

Понятно, что папе не стоило большого труда уговорить этого крупнейшего из тогдашних государей, носившихся с идеей «мирового владычества»¹, принять участие в крестовом походе: Генрих II возлагал самые серьезные надежды на этот поход, который должен был значительно расширить владения Анжуйской державы на Средиземном море.

Усилия папской дипломатии оказали воздействие и на другого тогдашнего претендента на «мировое господство», однажды уже вкусившего горькие плоды крестового похода. Читатель, конечно, догадывается, что мы имеем в виду германского императора Фридриха Барбароссу

---

¹ Планы превращения Англии в мировую державу, которые вынашивал Генрих II, очень обстоятельно раскрыл в своих исследованиях А. Cartellieri, особенно в работе «Die Machtstellung Heinrich II von England» («Neue Heidelberger Jahrbücher», Bd. VIII, 1898). Ср. также Ш. П т и - Д ю т а й и. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. М., 1938, стр. 138, 156—157.

(Рыжебородого) (1152—1190), в качестве герцога Швабского участвовавшего в провалившейся экспедиции 1147—1148 гг. Печальный опыт не пошел впрок этому необычайно воинственному и агрессивно настроенному германскому правителю (не случайно сотни лет спустя гитлеровцы назвали его именем свой злодейский план нападения на СССР).

Участие Фридриха I в третьей «священной войне» на Востоке вытекало из всей прежней захватнической политики Штауфенов на юге Европы. Почти половину своего царствования Барбаросса провел в войнах за установление господства над городами Ломбардии и в конце концов потерпел поражение в этой борьбе. Разгромленный союзом ломбардских городов в битве при Леньяно в 1176 г., он вынужден был капитулировать затем и перед папским престолом, подписав унижительный Венецианский мир (1177 г.). Оправившись от поражения, Фридрих стал стремиться к овладению Южной Италией с Сицилией. Он так же хорошо, как и Генрих II, понимал значение Сицилии в средиземноморской торговле, выгоды, которые сулило обладание этим островом. Через него шел кратчайший путь из Европы в Северную Африку. В удобных сицилийских гаванях — Мессине, Палермо, Катании — останавливались все корабли западных стран, шедшие с грузом в Левант и обратно. Господство над Сицилией давало ее властителям крупные источники пополнения казны, ставило в зависимость от них многие заинтересованные государства. Чтобы прибрать Сицилию и Южную Италию к рукам Штауфенов, Фридрих I, подобно Генриху II Английскому, но с большей удачей, применил «брачную дипломатию»: в 1186 г. в Милане была торжественно отпразднована женитьба его сына и преемника, будущего императора Генриха VI, на наследнице сицилийского престола Констанции. Этим браком Фридрих Барбаросса обеспечивал переход Сицилии к династии Штауфенов.

Наконец, в авантюристических планах германского императора, мечтавшего, подобно Генриху II, о всемирном владычестве, важное место занимала Византия — «маленькая Греция», как пренебрежительно отзывался Фридрих I об уцелевших обломках Византийской империи. Сохранилась биография Барбароссы, написанная его дядей и придворным историографом Оттоном Фрейзингенским. Оттон,

между прочим, рассказывает, что его племянник неоднократно называл себя «владыкой мира» и открыто заявлял о своем твердом намерении в качестве наследника Карла Великого раздвинуть границы Германской империи до пределов старой Римской империи.

Крестовый поход,—неважно, что инициатива его исходила от недавнего врага германского императора — римской курии, — давал, как могло казаться, благоприятный случай для реализации бредовых фантазий Барбароссы. Фридрих I довольно быстро определил свое положительное отношение к папской затее, ибо феодальные круги, главным образом Южной Германии (а политика Штауфенов велась в соответствии с их требованиями), были непосредственно заинтересованы в завоеваниях на Востоке. Невзирая на свой возраст (ему было под шестьдесят), Фридрих I «принял крест» (в конце марта 1188 г.).

Третьим государем, который также согласился отправиться в крестовый поход, был французский король Филипп II (1180—1223). Непосредственной заинтересованности в этом предприятии у Франции было гораздо меньше, чем у Англии и Германии. В те времена Франция была третьестепенным государством в Европе. Это впоследствии Филипп II станет «Августом», положит начало собиранию французских земель под властью короны Капетингов. В начале же своего правления Филипп II был только номинальным сюзереном своего гораздо более могущественного вассала и непримиримого врага — Генриха II Плантагенета. Государственная территория Франции ограничивалась, собственно, королевским доменом, так что на деле Филипп II тогда не был еще и наполовину государем во Франции. Западными, приатлантическими областями владела Англия, южные также частью зависели от нее (графство Тулузское)¹, частью были подчинены Германской империи (королевство Арелат, или Бургундия). Поступления из королевского домена, отрезанного от моря, были более чем скромными.

Но именно все эти обстоятельства и толкнули Филиппа II, изворотливого и ловкого политика, с молодых лет

---

¹ Генрих II, будучи герцогом Аквитанским, сумел поставить графов Тулузских в вассальную зависимость; в их владениях находился, между прочим, Марсель — один из важных центров левантской торговли.

умевшего беззастенчиво пользоваться обстоятельствами, к участию в крестовом походе. «Священная война» представлялась ему подходящим способом поправить дела королевской власти во Франции, поднять ее престиж внутри страны и на международной арене, накопить силы и средства, нужные для того, чтобы нанести затем сокрушительный удар по главному врагу — Англии.

К тому же и понятия о феодальной «чести» не позволяли Филиппу II оставаться безразличным к папскому начинанию, коль скоро с первого же момента в нем довольно отчетливо выявилась ведущая роль вассала французской короны — английского короля. Таким образом, соглашаясь на поход, Филипп II руководствовался мотивами политического характера.

Зимой 1188 г. недавние соперники поспешили, — впрочем, ненадолго, — примириться друг с другом, дабы обеспечить «спокойствие» в своих покидаемых на время похода государствах, и условились об одновременном и совместном отправлении в поход «за дело креста». Примеру королей последовали их французские и английские вассалы. Было принято решение о том, что французы нашьют себе на одежду красные, англичане — белые, фламандцы — зеленые кресты. Вскоре, уже во время сборов к крестовому походу, между королями снова вспыхнула война. Филипп II поднял против Генриха II его сына Ричарда, графа Пуату и герцога Аквитании. Все это задержало начало похода. По окончании войны, в июле 1189 г., английский король умер. Место Генриха II и на королевском троне и в крестовом походе занял его сын Ричард, получивший впоследствии прозвище Львиное Сердце. Он-то и станет главным «героем» третьего крестового похода.

Как видно из нашего рассказа, для всех главных действующих лиц новой «священной войны» религиозные мотивы более или менее серьезной роли не играли. Крестовый поход этот носил характер открыто завоевательного, феодального, исходящего от государственной власти предприятия¹. Заинтересованность в нем западноевропейских

---

¹ Нет никаких оснований считать третий крестовый поход «народной в своей основе экспедицией», как утверждал Ст. Рэнсимен в своем докладе («Упадок идеи крестового похода») на X Международном конгрессе историков в Риме («Relazioni», vol. III, p. 637).

государств ничего общего не имела с заботой о судьбах христианства. Она объяснялась экономическими и политическими причинами.

Предводители крестового похода не имели общего плана военной кампании и с самого начала действовали обособленно друг от друга.

В мае 1189 г. первым из Регенсбурга пустилось в путь германское войско во главе с Фридрихом Барбароссой. В нем было, примерно, 30 тысяч рыцарей и пехотинцев.

Еще до начала похода Фридрих I вступил в дипломатические переговоры с Венгрией и Византией, чтобы обеспечить своей армии безопасный переход через их территорию. Результаты переговоров, казалось, были благоприятны. Венгерский король Бэла III согласился пропустить крестоносцев через свою страну и снабдить их за деньги продовольствием, и действительно — Венгрию они прошли благополучно. С византийскими послами, прибывшими в декабре 1188 г. на Нюрнбергский рейхстаг, также удалось договориться о том, что германская армия сможет свободно пройти византийские владения и что ей будет за соответствующую плату, не очень высокую, предоставлены продовольствие и фураж. В свою очередь, Фридрих заверил греческих послов, что Византии нечего опасаться враждебных действий со стороны его армии.

Но крестоносцы на то и были крестоносцами, чтобы не соблюдать принятых на себя обязательств: не в нравах рыцарей было церемониться, да еще в чужих странах. Правящие же круги Византии хотя и пошли, по крайней мере, по видимости, на соглашение с Фридрихом I, но на деле Константинополь с самого начала стал воздвигать на пути крестоносцев всевозможные рогатки. Почему?

В Византии знали об агрессивных намерениях Барбароссы и не очень полагались на его дружественные обещания. Правительство Исаака II Ангела имело основания для беспокойства. Во-первых, не могли не вызывать подозрений странные для «защитника христианской веры» отношения Фридриха I с ближайшим восточным врагом Византии — иконийским султаном Килидж-Арсланом. Фридрих I обменивался с ним посольствами и даже заручился со стороны Килидж-Арслана, враждовавшего с Саладином, обещаниями, позволявшими рассчитывать на то, что немецкие рыцари смогут без особых затруднений

пересечь Малую Азию¹. Во-вторых, еще бóльшая опасность исходила из Европы. За несколько лет до начала крестового похода против Византии восстал болгарский народ. В результате этого восстания (1185—1187 гг.) было создано самостоятельное Болгарское государство. На пути к достижению независимости от Византии стояла и Сербия. Византии пришлось бы очень тяжело, если бы правители Болгарии и Сербии объединились с Барбароссой. Нетрудно было предположить, что это может случиться. Еще во время заседаний Нюрнбергского рейхстага велись переговоры с послами великого сербского жупана Стефана Немани. В последних числах июля 1189 г., когда немецкие крестоносцы прибыли в сербский город Ниш, император встретился с самим великим жупаном; здесь же происходили переговоры и с представителями болгарских бояр. Конечно, предметом их могло быть только одно — союз против Византии. В Константинополе все это только усиливало неприязнь к воинству Фридриха I.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что, в отличие от своих правителей, народные массы Болгарии и Сербии никогда не согласились бы на совместные действия с крестоносцами против Византии: трудовое население славянских стран немало терпело от германских рыцарей, продвижение которых сопровождалось разнузданными насилиями и опустошениями. Для болгарских и сербских крестьян и горожан крестовый поход был равносителен неприятельскому вторжению. Позднее германский священник Эбергард, посланный в Венгрию с дипломатической миссией, в своем донесении императору сообщал, что когда он проезжал через Болгарию, то нашел разрытыми все могилы крестоносцев, умерших в дороге: трупы их были выброшены из гробов и валялись на земле. Западные хронисты пишут о том, что на крестоносцев постоянно нападали «разбойники» — сербы и болгары, убивая рыцарей и отнимая у них лошадей и обозы. Но, разумеется, в Константинополе при-

---

¹ Английский хронист Бенедикт Питерборокский и некоторые другие упоминают, между прочим, и о переписке Фридриха Барбароссы с Саладином, от которого германский император будто бы потребовал возвращения христианам Иерусалимского королевства; в ответ на это египетский султан якобы пригрозил завоеванием Германской империи. Достоверность этих известий сомнительна и оспаривается многими учеными (ср. St. Runciman. A history of the crusades. Vol. III. Cambridge, 1954, p. 11).

нимали в расчет не эти стихийные проявления народного гнева против крестоносных грабителей, а прежде всего — политику болгарских и сербских правителей, которых Фридрих Барбаросса действительно натравливал против Византии, хотя и уклонялся от прямого союза с ними.

Наконец, несмотря на весьма тяжелое к концу XII в. внутреннее и внешнее положение ослабевшей империи, правящие круги Византии не намерены были выпускать из своего поля зрения Восточное Средиземноморье. Хотя позиции Византии здесь к концу XII в. были сильно ущемлены и североитальянскими городами и сицилийскими нормандцами (в 1185 г. они ненадолго захватили крупнейший после Константинополя греческий город — Фессалонику), хотя Византийская империя сталкивалась со все возрастающей конкуренцией Запада, однако и в это время Константинополь все же был активнейшим участником и крупным центром левантйской торговли. Византия не могла оставаться равнодушной к борьбе, которую вели западные государства за перевес на Средиземном море (прикрывалась ли она флагом «священной войны» с исламом или происходила без религиозного прикрытия), и рассматривала крестоносцев как нарушителей освященных стариной прав империи на сиро-палестинские области.

Как это было в течение первых двух крестовых походов, византийское правительство и во время третьего похода, по существу, заняло позицию, враждебную крестоносцам. Оно чинило всевозможные препятствия крестоносному войску на пути его продвижения по греческим землям. Припасы, обещанные Исааком II Ангелом, не подвозились; дороги, по которым шли крестоносцы, оказывались вдруг полуразрушенными, — кони рыцарей, закованных в броню, спотыкались, падали, ломали себе ноги; горные проходы запирали греческие вооруженные отряды. Посольства Фридриха I, направленные с дороги в Константинополь, задерживались греческим императором; состав первого посольства был даже заключен в темницу.

В свою очередь, германские рыцари возбуждали ненависть местного населения своим мародерством и насилиями. Вступив в Македонию, крестоносцы сожгли окрестности Филиппополя, а затем, в конце августа 1189 г., фактически оккупировали его. Они открыто нападали на греческие города и села, истребляли жителей, стирали с лица

земли жилища, предавали огню церкви. Не удивительно, что константинопольский патриарх, как о том докладывали Барбароссе его послы, вернувшиеся в конце октября 1189 г. в Филиппополь, в проповедях своих называл «христовых воинов» псами и заявлял своим слушателям, что самый закоренелый преступник, обвиненный даже в десяти убийствах, получит разрешение от всех грехов, если убьет сотню крестоносцев.

В довершение всего летом 1189 г., еще до вступления крестоносцев в Болгарию, Исаак II Ангел пошел на союз с врагом крестоносцев — Саладином, обещав ему поддержку против Килидж-Арслана. Таким образом, в 1189 г. оба христианских императора—германский и византийский — находились в союзе с мусульманскими султанами!

Дело явно шло к войне германских крестоносцев с Византией: по сути дела, она уже велась во Фракии. Поздней осенью 1189 г. Фридрих Барбаросса обратился к своему сыну Генриху (будущему императору Генриху VI) с письмом, которое содержало нечто вроде проекта нападения на Византию. Фридрих I просил сына войти в соглашение с Генуей, Венецией, Пизой, Анконой, набрать и снарядить в этих итальянских городах флот, с тем, чтобы к весне следующего года приступить к осаде Константинополя как с суши, так и с моря. Одновременно Генрих должен был добиться того, чтобы и папа римский начал проповедь крестового похода против греков, мешавших его борьбе с «нехристями».

Таким образом, планы подчинения Византии штауфенской империи ставились на практическую почву. Однако папство не хотело добиваться господства над греческой церковью руками своего недавнего врага — Фридриха Барбароссы. В Риме ему не доверяли. Крестовый поход против Византии в 1189 г., как и в 1147 г., не был осуществлен: Византия и на этот раз избежала удара крестоносных орд; правда, отсрочка оказалась кратковременной.

Ограбив византийские владения (в конце концов Фридрих Барбаросса добился некоторых уступок от Исаака II Ангела), в конце марта 1190 г. немецкое ополчение, выступившее из Адрианополя, через Дарданеллы было переправлено в Малую Азию.

Войско немецких феодалов шло по западным областям Малой Азии, ранее разоренным сельджуками. Ви-

зантийцы не доставляли ни съестных припасов, ни корма для лошадей и мулов. Сельджукские отряды непрерывно нападали на панцырных рыцарей. К тому же преемник отказавшегося от власти Килидж-Арслана вступил в союз с Саладином против крестоносцев. Войско одолевало жара, жажду и голод; питаться приходилось мясом павших лошадей и всем, что попадалось под руку. В мае 1190 г. крестоносцы, правда, взяли Иконий, где в их руки попала богатая добыча, и двинулись по крутым тропинкам гор Тавра в Киликию, но здесь произошло непредвиденное происшествие, нарушившее весь ход предприятия: 10 июня 1190 г. при переправе через бурную горную речку Салеф, неподалеку от Селевкий, утонул Фридрих Барбаросса. Смерть его дезорганизовала немецкое войско. Часть рыцарей тотчас же поспешила морем (из Селевкий и Тарса) вернуться на родину, другая, пройдя армянские области (и попутно ограбив их), отправилась в Антиохию, где летом 1190 г. многие рыцари, князья и епископы погибли от чумы. Оставшиеся осенью подошли к Акре, которая вскоре после взятия ее Саладином была осаждена силами уцелевших крестоносных государств и рыцарей из различных стран, прибывших сюда самостоятельно. Несколько времени спустя сюда, под Акру, прибыл еще один небольшой немецкий отряд под командованием герцога Леопольда Австрийского.

А в это время знать и рыцари Франции и Англии еще только начинали свой крестовый поход. В этих странах подготовка к походу была закончена лишь к лету 1190 г. Стоит отметить исключительную неразборчивость, с которой английский король Ричард изыскивал средства для «священной войны». Он не ограничился тем, что выколлотил «Саладинову десятину» из всех, кто должен был ее платить. Необычайно жадный, этот король пустился в торговлю всем, что только можно было сбыть: продавались должности (в том числе епископские), права, замки, села. Папа Климент III разрешил ему освобождать от участия в крестовом походе лиц, необходимых для внутренних военных целей. Ричард тотчас использовал это разрешение для того, чтобы предоставлять такого рода освобождения за солидную мзду. Богачам удавалось откупаться от похода; бедняков, не страдавших от избытка крестоносного энтузиазма, но разоренных дотла вы-

могательствами королевских чиновников, Ричард нанимал за деньги. Этот предводитель крестоносцев, воспетый современными хронистами и поэтами за благородство, великодушие, мудрость и прочие качества, которыми на деле он не обладал, не постеснялся даже заявить, что продал бы самый Лондон, найдись на него подходящий покупатель!

В начале июля 1190 г., после того как Ричард со свитой и большей частью рыцарей переправился через Ламанш, английские и французские войска, соединившиеся в бургундском Везеле, выступили в поход. Оба короля не позабыли заранее условиться о том, что всю добычу будут делить поровну. Сперва крестоносцы шли вместе, но, из-за трудностей снабжения, армиям французов и англичан пришлось разделиться. Филипп II повел своих рыцарей в Геную, которая обязалась предоставить три корабля для переправы французских крестоносцев в Сирию. Англичане отправились в Марсель; здесь Ричарда ждал его флот, более 200 судов — галер, барок, яликов, обогнувших тем временем Испанию и Францию.

В сентябре 1190 г. оба войска одно за другим прибыли в Сицилию и остановились невдалеке от Мессины. Решено было перезимовать в Сицилии, с тем чтобы избежать опасностей, подстерегающих мореплавателей в это время года.

Ричард Английский употребил остановку в Сицилии на то, чтобы привести в исполнение планы овладения островом, вынашивавшиеся еще его отцом. С этой целью английский король вмешался в борьбу баронских партий в Сицилии, вспыхнувшую после смерти Вильгельма II в 1189 г., и выступил против нормандского правителя острова — Танкреда Лечче; последний был возведен на престол баронами не без участия Климента III, противившегося утверждению здесь германского владычества. Ричард объявил себя защитником «законных прав» вдовы покойного короля и своей сестры Иоанны. Эта «рыцарская драпировка» не могла, однако, ни от кого скрыть подлинные завоевательные цели Плантагенета в Сицилии. Английские крестоносцы сразу восстановили против себя население своими грубыми насилиями. Однажды вспыхнул спор одного английского наемника с мессинской торговкой хлебом; спор перешел в драку «христовых вои-

нов» с единоверными мессинцами. Ричард тотчас использовал это «событие» как повод для войны: он штурмовал Мессину с моря и с суши и взял город. Жители Мессины первыми испытали «благородство» Ричарда и его крестоносцев, в течение нескольких часов грабивших, убивавших и насилуовавших в городе. Затем этот кровавый авантюрист, которому как раз мессинцы присвоили прозвище Львиное Сердце, повел подготовку к тому, чтобы распространить военные действия на весь остров.

Филипп II Французский с самого начала конфликта англичан с сицилийцами оказывал противодействие своему «союзнику». Внешне он держался нейтралитета (некоторые историки, как, например, Ф. И. Успенский, рисуют его даже неким примирителем между англичанами и нормандцами), но на деле вступил в тайные переговоры с ближайшим противником английского завоевателя — Танкредом Лечче. Филипп II пытался сорвать штурм Мессины английским флотом и даже самолично стрелял из лука в английских гребцов; не в интересах Франции было какое бы то ни было усиление державы Плантагенетов!

Отношения вождей двух крестоносных армий и в дальнейшем продолжали портиться. Немалую роль в этом сыграла политическая близорукость Ричарда; отсутствием политического чутья этот слишком горячий воитель был наделен более чем в достаточной степени: в искусстве наживать себе врагов он поистине не знал соперников. Ричарду пришлось уладить свой конфликт с Танкредом. В Сицилию пришло известие о гибели Барбароссы и о том, что Генрих VI с армией двинулся в Рим для коронации. Было ясно, что оттуда он отправится в Южную Италию и в Сицилию: ведь Генрих VI был «законным» наследником Вильгельма III! Этот представитель германской экспансии на Средиземном море был для Ричарда гораздо более опасным врагом. Общая угроза со стороны Германии сблизила Ричарда и сицилийскую знать во главе с Танкредом Лечче. Последний в знак примирения уплатил Ричарду колоссальную сумму в 20 тысяч золотых унций. Но когда французский король потребовал от своего крестоносного «союзника» половину этой суммы (ведь они договорились делить добычу на равных началах), Плантагенет отдал Филиппу II лишь треть

часть полученных от Танкреда денег. Жадность английского венценосного авантюриста в данном случае оказалась политическим просчетом: она вызвала у Филиппа II сильное раздражение. Но, конечно, основной причиной раздоров явилось то, что захватническая политика Англии в Сицилии шла вразрез с политическими интересами Франции.

Промешкав в Сицилии более полугода, крестоносные армии только весной 1191 г. двинулись в дальнейший путь. Филипп II поднял в Мессине паруса 30 марта, не дожидаясь своего «союзника», который снялся с якоря лишь через 10 дней. События в Сицилии показали, что им явно не по пути.

Французы поплыли в Сирию — к Тиру. По дороге туда Ричард, дабы вознаградить себя за неудачу в Сицилии, завоевал отложившийся от Византии остров Кипр, где взял несметную добычу. Там же он женился на Беренгарии Наваррской, которая прибыла к Ричарду еще в Сицилии.

С новой силой «единение» англо-французских крестоносцев проявилось, когда они высадились в Сирии и присоединились к сирийским франкам и немецким, датским, фламандским, итальянским рыцарям, осаждавшим Акру.

Осада этой сильной крепости продолжалась довольно долго. В ход были пущены осадные башни, камнеметательные орудия, машины для метания стрел, тараны (лес для постройки осадных механизмов доставляли — не всегда во-время — итальянцы).

Осада затянулась, между прочим, из-за того, что главари воинства, осаждавшего город, — местные феодалы и пришлые «защитники гроба господня», — затеяли распрю друг с другом. Причиной ее послужили взаимные притязания на иерусалимский трон двух видных феодалов: Гвидо Лузиньяна и его соперника — Конрада Монферратского. Спор шел по существу из-за пустого титула: ведь Иерусалимское королевство находилось в руках Саладина, но, тем не менее, крестоносные предводители вели спор со всем рыцарским пылом¹. Это парализовало

---

¹ Распря эта началась вскоре после освобождения Гвидо Лузиньяна из мусульманского плена. Конрад Монферратский, фактически захвативший к этому времени Тир в свои руки, отказался вступить в город его «законного» сеньера.

силы «христового воинства», тем более что распря двух претендентов из-за престола дала новый повод к углублению англо-французской вражды. Ричард Львиное Сердце поддержал притязания своего родственника Гвидо Лузиньяна; Филипп II, разумеется, взял сторону маркиза Монферратского. Когда один король предложил в военном совете штурм Акры, другой воспротивился этому: победа, достигнутая по инициативе Ричарда и усиливавшая его позиции, не устраивала Францию. Мнение Ричарда все же одержало верх: 11 июля 1191 г. был предпринят штурм, и на следующий день город, обессиленный долгой осадой, сдался крестоносцам. Но не прошло и месяца после захвата Акры, как Филипп II, под предлогом болезни, отбыл в Тир, а оттуда, в начале августа 1191 г., направился через Италию во Францию. Пока английский король воевал с «неверными» и совершал далеко не «рыцарские» подвиги в «святой земле» (чего стоит хотя бы резня свыше 2000 заложников, учиненная крестоносцами по приказу Ричарда после взятия Акры), его французский «союзник» спешил укрепить позиции у себя дома: Филипп II обрушился на французские владения Плантагенетов, заключив предварительно союз против Ричарда с его младшим братом, графом Иоанном (Безземельным), правившим Англией в отсутствие короля. Мало того, еще по пути во Францию Филипп II договорился с Генрихом VI (встреча состоялась в Милане в декабре 1191 г.) о совместных действиях против Ричарда. По словам английского хрониста Рожера де Говдена, «французский король добился от римского императора обещания, что тот возьмет в плен английского короля, если он будет возвращаться из Палестины через подвластные императору земли».

Еще откровеннее повел себя защитник Тира — Конрад Монферратский. Он счел за благо просто изменить крестоносцам и, перейдя к Саладину, получить от него права на палестинские города. Конрад собирался вместе со своим будущим мусульманским союзником повести борьбу против вчерашних сподвижников-единоверцев; это было, во всяком случае, выгоднее, чем ожидать успехов от крестоносцев, которыми командовал такой совершенно бездарный военный предводитель, любитель сам ломать копыя, как Ричард. Смерть Конрада Монферратского,

убитого в Тире в конце апреля 1192 г., помешала осуществлению его тайных замыслов.

Несмотря на отъезд французов (в Палестине осталась лишь часть французских рыцарей под начальством герцога Бургундского и графа Шампанского) и риск лишиться короны, английский король продолжал сражаться с мусульманами еще целый год.

Трижды он пытался (безрезультатно) подойти к Иерусалиму; главное же внимание крестоносцев было сосредоточено на отвоевании у египтян прибрежных пунктов. Однако и из попыток взять Яффу и Аскалон ничего не вышло. Когда создалась угроза этим городам, Саладин просто разрушил их, так что крестоносцам достались груды развалин.

За время своего пребывания на Востоке Ричард прославил свое имя не полководческими талантами, которых у него не было, а грабежами и невероятными жестокостями. В представлении мусульман Ричард Львиное Сердце сделался олицетворением кровожадности крестоносцев. Именем английского короля мать заставляла умолкнуть расплакавшегося ребенка: «Не плачь, не плачь,— вот король Ричард идет!» Это же имя с проклятиями припоминал всадник, если его конь, папуганый чем-либо, неожиданно шарахался в сторону: «Разве ты увидел короля Ричарда?»,— раздраженно восклицал он.

В конце концов, когда военные силы крестоносцев, среди которых постоянно происходили раздоры, были основательно истощены в борьбе с Саладином, Ричард, начавший всерьез тревожиться за свои дела в Англии и Франции, после переговоров с противником, 2 сентября 1192 г. подписал с ним мир. По условиям договора, за франками сохранялась узкая прибрежная полоса от Тира до Яффы. Иерусалим оставался под властью Египта. Впрочем, Саладин согласился на то, чтобы паломники и купцы в течение трех лет посещали «священный город». Конечно, для западных стран прибрежная территория, Тир, Сидон, Тортоза и другие гавани имели гораздо более важное значение, чем Иерусалим или Назарет, расположенные вдали от берега: обладание береговой полосой, в первую очередь, служило интересам левантийской торговли. В этом смысле Ричард Львиное Сердце добился некоторого успеха. Но успех этот, устраивая в какой-то мере торговых

людей Северной Италии, не мог считаться достаточным с точки зрения папства: в глазах главы римской церкви потеря Иерусалима представляла утрату, с которой нельзя было примириться.

Таковы были результаты третьего крестового похода 1189—1192 гг. Что касается самого Ричарда Львиное Сердце, то, когда к нему пришли угрожающие вести из Европы, он в октябре 1192 г. поспешил домой. В Англию ему удалось попасть не скоро. Ричард нажил себе врага не только в лице Филиппа II, но и в лице предводителя немецких крестоносцев под Акрой — герцога Леопольда Австрийского: еще когда крестоносцы заняли Акру, герцог поторопился поднять в городе немецкое знамя; Ричард приказал сорвать его и бросить в грязь. Леопольд не забыл этого оскорбления. Близ Вены английский король, переодетый в купеческое платье, был опознан и взят в плен Леопольдом Австрийским, который передал его императору Генриху VI. Преемник Барбароссы, видя в английском завоевателе соперника на Средиземном море, продержал его в заключении целых два года.

Как видим, третий крестовый поход во многом отличался от предшествовавших. Среди его участников не было прежнего религиозного пыла, он не являлся стихийным, массовым предприятием. Это был поход военных наемников и жадных до богатства рыцарства и князей трех феодальных государств, организованный королями. Во время этого похода достаточно отчетливо выявилось стремление западных феодальных государств к завоеванию Средиземноморского побережья: на этой основе по ходу событий развернулась серия международных конфликтов (штауфенской Германии и Византии, Англии и Германии в Сицилии, Франции и Англии в Сицилии и в Палестине и т. д.). Они-то и предопределили плачевный исход предприятия. Отныне пределы Иерусалимского королевства были еще более ограниченными, чем раньше, и самая столица его была перенесена в Акру¹.

Третий крестовый поход послужил исходным пунктом для дальнейшего углубления межгосударственных противоречий, возникших вследствие феодальной экспансии западных государств в Средиземноморье.

---

¹ В новейшей литературе оно часто называется «вторым Иерусалимским королевством».

Неосуществленные планы Фридриха Барбароссы попытался претворить в жизнь Генрих VI. В 1194 г., вступив в обладание Сицилией, он расправился с ее населением. Так Германия была соединена с Сицилией, к чему давно стремились Гогенштауфены. Закрепив Сицилию за династией Гогенштауфенов, Генрих VI, этот «каналья чистой воды»¹, который еще в меньшей степени, чем его отец — Фридрих Барбаросса, был способен соразмерять свои захватнические аппетиты с реальными политическими возможностями, начал в самом деле подумывать о создании мировой монархии. Он выпустил Ричарда из плена, получив от него вассальную присягу и огромный выкуп. Генрих VI хотел этим положить конец английским притязаниям на Средиземном море. Он собирался затем с помощью Ричарда поставить на колени Францию.

Но главной целью его являлось завоевание Малой Азии, Палестины, Сирии, Северной Африки и прежде всего Византии, Генрих VI провоцировал войну с Византией. Исааку II он предъявил требование уступить Германии половину византийской территории (земли на Балканах) и возместить убытки, понесенные немецкими крестоносцами Фридриха Барбароссы. Позже, в 1195 г., когда Исаак II Ангел был низвергнут в результате дворцового переворота и в Константинополе утвердился его брат — узурпатор Алексей III, Генрих VI задумал новый крестовый поход, первой жертвой которого намечался Константинополь. Стремясь получить формальный предлог для притязаний на византийский престол, Генрих VI женил своего брата, герцога Филиппа Швабского, на попавшей в его руки в Палермо византийской царевне Ирине, дочери Исаака II Ангела.

Итальянские города готовили флот. В Германии формировались новые ополчения. В конце сентября 1197 г., во время подготовки к походу, Генрих VI умер в Мессине. Прошло немного времени, и на Западе опять раздался папский призыв к новому крестовому походу. Результаты третьей «священной войны» не удовлетворили папство: они не отвечали самым скромным ожиданиям римской курии.

---

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 177.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Четвертый крестовый поход в исторической науке

Четвертый крестовый поход занимает особое место в истории крестоносного движения. Он примечателен в ряду остальных — предшествовавших ему и последовавших за ним — тем, что его история с исключительной ясностью обнаружила настоящие цели организаторов и рядовых участников (рыцарства) крестовых походов вообще. Некоторые ученые считают четвертый крестовый поход каким-то «недоразумением» в истории предприятий этого рода. С такой точкой зрения невозможно согласиться. Наоборот: именно в четвертом крестовом походе, завершившемся разгромом Византии и образованием Латинской империи, чрезвычайно ярко проявились грабительские устремления феодалов и католической церкви, т. е. как раз те устремления, которые и составляли главную пружину всего крестоносного движения — от начала до конца.

Если ко времени третьего крестового похода для огромного большинства участников религиозные мотивы стали лишь чем-то вроде механического привеска к их подлинным, захватническим намерениям, то в четвертом крестовом походе хрупкая религиозная скорлупа, в которую папство все еще считало необходимым — ради поддержания авторитета церкви — облекать крестоносные предприятия, оказалась полностью разбитой. Крестоносцы, отправившиеся в 1202 г. в поход против мусульманского Египта для освобождения главной христианской святыни — Иерусалима, вместо этого, спустя два

года, захватили столицу Византийской империи — Константинополь, представ перед всем миром в своем истинном разбойничьем облике.

Каким же образом случилось, что, двинувшись за море под религиозными знаменами «спасителей христианской веры» от «поруганий мусульман», французские, немецкие, итальянские и другие феодалы завоевали и разграбили христианское государство, открыто растоптав тем самым свои религиозные знамена и показав себя отнюдь не благочестивыми «ревнителями веры», а алчными и беспринципными авантюристами?

Этот вопрос занимал и современников событий и историков более позднего времени. Как те, так и другие давали на него разноречивые ответы. Картина, которую рисуют хронисты и историки — современники событий, не отличается полнотой, ясностью и единством.

Одни представляют историю этого крестоносного предприятия в виде сплошного нагромождения случайностей. В их изображении крестоносцы оказываются совершенно неповинными в том, что крестовый поход против Египта обернулся в завоевательную экспедицию против Византии. Так, внешне «бесхитростно» и даже «наивно» описывает ход событий французский историк Жоффруа Виллардуэн в своем сочинении «Завоевание Константинополя». Он умышленно изображает события так, будто крестоносцы подчинялись воле случая, и делает это для того, чтобы оправдать их и их вождей в глазах потомства: Виллардуэн был крупным феодалом, маршалом Шампанским, и принадлежал к руководящей феодальной верхушке ополчения.

Другие из современных событиям повествователей не склонны видеть в исходе крестоносного предприятия результат случайного сцепления обстоятельств. Они стараются отыскать «виновников» отклонения крестоносцев от первоначально намечавшейся цели. Французский рыцарь Робер де Клари, который участвовал в походе как рядовой крестоносец и, подобно остальной массе крестоносцев, ничего не знал о закулисной стороне событий, в своих мемуарах «О завоевании Константинополя» определенную долю ответственности за исход предприятия возлагает на его предводителя — итальянского маркиза Бонифация Монферратского, который, по словам этого историка, особенно рьяно стремился к походу на Константинополь.

Многие считают «виновниками» перемены направления похода «коварных» и «нечестивых» венецианцев, всячески выпячивая их активную роль в захвате Константинополя. Так, например, рисует дело папский историограф, автор «Деяний Иннокентия III», старающийся в то же время тщательно скрыть причастность римского папы к захвату Константинополя. Венецианцев винит и сирийский хронист Эрнуль, а также знаменитый византийский историк, переживший константинопольскую трагедию 1204 г., Никита Хониат. В их глазах все происшедшее — следствие ненависти к Византии венецианцев, осуществивших с помощью крестоносцев свой первоначальный план. Впрочем, в отличие от анонимного составителя «Деяний Иннокентия III», византийский историк считает и папу прямым соучастником светских вождей «христового воинства» в деле завоевания «православной» столицы.

Некоторые хронисты, в том числе известный русский летописец, рассказ которого о событиях похода, содержащийся в Новгородской летописи, является очень ценным историческим источником¹, определенное место в «уклонении крестоносцев с пути» отводят проискам германского короля Филиппа Швабского.

Беспристрастность была в достаточной степени чужда писателям средневековья. Далеки от нее и позднейшие историки.

Захвату Византии крестоносцами посвящено огромное количество исследований. В книгах, статьях, комментариях к документам выдвинуты самые разнообразные версии относительно причин изменения направления четвертого крестового похода. История этой крестоносной экспедиции в целом и ее отдельные эпизоды не раз служили предметом жаркой полемики среди историков. Трудно даже представить себе, сколько труда вложено исследователями, начиная с 60-х годов прошлого века, в разрешение запутанного вопроса об обстоятельствах перемены «курса» крестоносцами в 1202—1204 гг. — от Египта на Константинополь, сколько усилий затрачено

---

¹ Значение этой русской повести «О взятии Царьграда от фряг», автор которой был очевидцем событий, хорошо оттенил Н. А. Мещерский в своей работе «Русская повесть «О взятии Царьграда от фряг» как источник по истории IV крестового похода», «Византийский временник», т. IX, 1955.

на то, чтобы разъяснить перипетии четвертого крестового похода. Ученые собрали и изучили огромный фактический материал источников на латинском, греческом, старофранцузском, армянском, русском и других языках. Им удалось заполнить много белых пятен в истории четвертого похода. Крупная заслуга в этом отношении, наряду с западноевропейскими историками (П. Риан, Н. де Вайи, Г. Ганото, К. Климке, Л. Штрейт, Ж. Тессье, В. Норден, Э. Герланд и др.), принадлежит некоторым старым русским историкам, особенно византинистам В. Г. Васильевскому и Ф. И. Успенскому, которые наметили правильный путь для уяснения многих важных моментов в развитии событий 1202—1204 гг.

Мы не будем пересказывать читателю все теории, предлагавшиеся по этому вопросу¹. Следует, однако, иметь в виду, что хотя каждая новая теория и содержала в себе какое-то «рациональное» зерно и, во всяком случае, будила мысль ученых для дальнейших разысканий, но на всех без исключения работах буржуазных историков лежит отпечаток большей или меньшей тенденциозности в освещении событий. Эта тенденциозность так или иначе отражала политические и религиозные взгляды самих исследователей. За кулисами их, казалось бы, чисто научных, «академических» споров скрывались определенные идеологические и политические (осознанные либо неосознанные) интересы тех или иных общественных групп той или иной страны. Не вдаваясь в длинную историю полемики о четвертом крестовом походе, в которой порой высказывались и крайне скептические взгляды², ограничимся в качестве иллюстрации несколькими примерами: они довольно показательны.

В середине 70-х годов прошлого века французский ученый П. Риан в книге «Иннокентий III, Филипп Шваб-

---

¹ Для подробного ознакомления с историей споров, вызывавшихся среди ученых различными «зигзагами» четвертого крестового похода, рекомендуем старую, но сохраняющую значение работу П. Митрофанова «Изменение в направлении четвертого крестового похода» («Византийский временник», т. IV, СПб., 1897).

² Так, французский ученый А. Люшер утверждал, что проблема четвертого крестового похода никогда не сможет быть разрешена (A. Luchaire. Innocent III. La question d'Orient. Paris, 1911, p. 97).

ский и Бонифаций Монферратский»¹ в объяснение истории захвата Византии крестоносцами выдвинул теорию «германской интриги». Сущность ее заключалась в том, что все решающие события четвертого крестового похода, отклонившие его участников от «настоящей» цели, были объявлены плодом германского вмешательства. Опираясь на свидетельства некоторых летописцев и на другие документы, основным «виновником» поворота крестоносцев на Константинополь Риан признавал германского короля Филиппа Швабского (сына Барбароссы); по мысли ученого, этот представитель Гогенштауфенов намеревался добиться отклонения крестового похода от его прямой цели для того, чтобы нанести удар престижу папства — врага Германской империи — и тем самым укрепить положение последней.

Это была довольно односторонняя, хотя и не лишенная отдельных верных доводов теория. Риан упускал из виду многие другие важные факторы международных отношений, которые оказали влияние на судьбу похода. Его теория была одним из частных выражений волны национализма, захлестнувшей после франко-прусской войны 1870—1871 гг. французскую (равно как и немецкую) историческую литературу; отсюда вытекало стремление Риана «обвинить» Германию в перемене направления четвертого крестового похода и в «нечестивом» захвате Константинополя. Ярко националистическая окраска теории «германской интриги» сочеталась у Риана еще с одной тенденцией. Он всячески старался обелить римского папу Иннокентия III, подчеркнуть якобы отрицательное отношение главы католической церкви к походу крестоносцев на Константинополь. Эту сторону взглядов Риана также нетрудно понять, если учесть, что он был усердным католиком, к тому же еще аристократом, а, как известно, в дворянско-аристократических кругах Франции после разгрома версальцами Парижской коммуны усилились реакционные политические настроения и, в частности, религиозное мракобесие.

В конце XIX — начале XX в. вышли в свет исследования немецкого историка В. Нордена, посвященные

---

¹ P. Ri an t. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat. Paris, 1875.

четвертому крестовому походу и отношениям папства с Византией¹. Идеолог германского империализма, Норден решительно отверг обвинения, предъявленные штауфенской Германии Рианом и примкнувшими к нему позднее учеными (Э. Пирсом и Э. Бушэ). В отличие от этих исследователей, Норден утверждал, что если штауфенская Германия и участвовала в событиях 1202—1204 гг., то лишь наряду с другими силами Запада — Венецией, вождями крестоносцев и пр. Четвертый крестовый поход, доказывал он, был исторической попыткой разрешить вековой спор Запада с Византией. Германия при этом отстаивала только «свои» интересы, и потому в повороте крестоносцев на Константинополь нельзя видеть реализацию одних лишь германских планов. По мнению Нордена, этот поворот произошел в результате совпадения издавна укоренившихся традиций вражды Запада к Византии с отдельными случайными обстоятельствами, например с тем, что во время похода к крестоносцам обратился за помощью византийский царевич Алексей. Таким образом, в захвате Константинополя Германия повинна ничуть не больше, чем любой другой участник похода, — таков, в сущности, вывод Нордена.

Политическая подоплека построения немецкого историка (при несомненной правильности некоторых его соображений) довольно прозрачна: ее суть — в своеобразном «историческом» оправдании колонизаторской политики кайзеровской, империалистической Германии в Малой Азии. Концепция Нордена в целом была продиктована желанием ослабить впечатление, созданное в свое время Рианом, об исключительной и чуть ли не определяющей роли средневековой Германии в захвате Константинополя в 1204 г. Германия, как бы говорил Норден, была только одним из партнеров по захвату Византии, она выступала лишь в числе других западноевропейских государств.

Возьмем еще один пример. В 60—70-х годах в исторической литературе имела хождение «теория венецианской измены». Ее сторонники (сперва Л. Мас-Латри в своей «Истории Кипра» (1861), а после него К. Гопф, Л. Штрейт и некоторые другие) доказывали, что отклонение кресто-

---

¹ W. Norden. Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zum Byzanz. Berlin, 1898; Papsttum und Byzanz».

носцев от Египта было целиком делом коварных венецианцев. В 1202 г. Венеция якобы вступила в соглашение с «неверными»: за деньги и торговые льготы, полученные от египетского султана, она продала ему «святое дело», — взялась задержать крестоносцев и направить их в сторону от Египта. Эта теория, — надо заметить, что ее приверженцы, наряду с ошибочными, высказали немало и справедливых положений, — вызвала решительный отпор у некоторых, главным образом французских, ученых. Резкую отповедь первому защитнику теории «венецианской измены» — Мас-Латри — дал еще в 1873 г. Н. де Вайи, издатель и комментатор записок Жоффруа Виллардуэна. Он категорически отклонил мнение Мас-Латри о «венецианской измене» и даже обвинил своего ученого коллегу в научном легкомыслии (в результате позднейших исследований, особенно француза Г. Ганото, действительно было установлено, что никакого договора с Египтом в 1202 г. Венеция не заключала, и в этом смысле теория «венецианской измены» не имела под собой фактических оснований). Н. де Вайи встал на защиту той схемы событий, которую за 600 лет до этого нарисовал Виллардуэн, — «теории случайностей», как назвал ее Риан. И опять-таки в данном случае позиция исследователя — Н. де Вайи — определялась отнюдь не одними лишь чисто научными соображениями, не только материалом документов. Дело в том, что как ни расценивать степень достоверности сочинения маршала Шампанского «Завоевание Константинополя»¹, но объективно картина, нарисованная в его записках, является завуалированным оправданием захвата

¹ Этот вопрос до сих пор остается спорным. Некоторые ученые настроены весьма скептически в отношении Виллардуэна и считают его едва ли не сознательным фальсификатором событий; другие, наоборот, не сомневаются в правдивости каждого слова его мемуаров.

В конце 30-х годов в защиту Виллардуэна решительно выступил Э. Фараль в специальном исследовании, подзаголовок которого гласит: «Вопрос о его (Виллардуэна) искренности». Компромиссную точку зрения высказал болгарский историк Б. Примов в исследовании «Жоффруа дьо Виллардуэн, четвертый крестоносец поход и България» (София, 1949). Правильно считая, что вопрос об искренности Виллардуэна не имеет особого значения для оценки его труда (ук. соч., стр. 16), и указывая, что Виллардуэн замалчивает некоторые события похода, смягчает в своем изложении то, что могло бы бросить тень на руководителей крестоносцев (стр. 34), Примов вслед за Фаралем отвергает предъявлявшиеся Виллардуэну обвинения в умышленном искажении событий.

Константинополя крестоносцами, главную массу которых составляли французские сеньеры и рыцари. Вот почему Н. де Вайи, а позднее Ж. Тессье и другие ученые защитники колониальной экспансии Франции уже в капиталистическую эпоху так отстаивали схему Виллардуэна. Один из них — Ж. Бедье — открыто заявил, что упреки Виллардуэну в недостоверности и преднамеренном извращении событий он рассматривает как обвинение в... империализме, направленное против внешней политики Франции в XX в.¹

И недаром в новейшее время Э. Фараль, Ш. Диль, Л. Брейе вновь возродили взгляды Виллардуэна и вслед за ним стали объяснять «зигзаги» в истории крестоносного предприятия начала XIII в. серией случайностей. Все они, всерьез или невольно, изучали далское прошлое с точки зрения настоящего, с точки зрения интересов своего класса.

В этой связи мы хотели бы обратить внимание читателя на ложную тенденцию, красной нитью проходящую через сочинения подавляющего большинства западных исследователей истории крестовых походов и папства — от сравнительно старых до новейших (Дж. Л. Ла Монт, Дж. Клэйтон, Э. Смит и др.)²: почти все они, подобно Риану, стараются доказать невинность папы Иннокентия III в захвате крестоносцами Константинополя и других «христианских» городов³.

---

¹ J. Bédier. En relisant Villehardouin. «La Rev. de France», t. II, 1923, p. 711—721. Ср. Б. Примов. Ук. соч., стр. 15.

² Мы имеем в виду следующие работы названных американских историков: J. L. La Monte. La papauté et les croisades. «Renaissance» vol. I—II, New York, 1944—1945; J. Clayton. Pope Innocent III and his times. Milwaukee, 1941; Ch. E. Smith. Innocent III, church defender. Louisiana, 1951.

³ Более реалистическую, однако все же далеко не последовательную позицию в этом вопросе занимает Б. Примов, автор названного выше ценного исследования «Жофроя дьо Виллардуэн, четвертый крестоносен поход и България». Б. Примов указывает на политические интересы Иннокентия III в крестовом походе — стремление папы установить власть над Константинополем (стр. 46); он отчасти отмечает двусмысленность поведения римского первосвященника в канун захвата крестоносцами Константинополя и даже в одном месте прямо говорит о том, что «папа Иннокентий III был весьма заинтересован в отклонении похода» (стр. 57). Но вместе с тем, отдавая дань установившейся традиции, Примов утверждает, что папа был решительно против взятия «христианского» города Задара (стр. 25 и сл.), что он запрещал по-

Вообще некоторые зарубежные историки наших дней, изучающие крестовые походы, часто безудержно восхваляют западное воинство, участвовавшее в захвате Константинополя. И, к сожалению, даже те из них, которые находят в себе достаточно добросовестности, чтобы квалифицировать взятие византийской столицы в 1204 г. как «факт международного разбоя», — даже и они, подобно французскому исследователю Р. Груссе¹, считают возможным изображать захват Византии в эпических тонах и чуть ли не в виде некоего героического подвига «западных народов». Конечно, такой необъективный подход к вопросу только препятствует его всестороннему разрешению. А между тем, историки, собственно, и до настоящего времени не пришли к полному и окончательному согласию в отношении четвертого крестового похода: они снова и снова подвергают обсуждению показания современников, привлекают ранее не использовавшиеся (или использовавшиеся недостаточно) источники, самым пристальным образом рассматривают свидетельства документов, касающиеся мельчайших фактов. Только за последние 15 лет вышли в свет специальные исследования и общие труды ряда зарубежных ученых (А. Грегуара², Ш. Диля³, Ж. Лоньо-на⁴, П. Топпинга⁵, В. Николаева⁶, Б. Примова⁷, А. Фролова⁸). Проблема четвертого крестового похода изучается и советскими историками¹.

ход на Константинополь, хотя «обстоятельства реальной политики» вынуждали его примиряться с отклонением крестоносцев от цели (стр. 46)

¹ R. Grousset. *L'empire du Levant*. Paris, 1946, p. 486.

² H. Grégoire. *The question of the diversion of the fourth crusade*. «Byzantion», vol. XVI, 1940—1941.

³ Ch. Diehl. *La quatrième croisade*. «Histoire du moyen âge», ser. «Histoire générale» par M. Glotz, t. IX, 1-e partie, Paris, 1945.

⁴ J. Longnon. *L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, 1949.

⁵ P. W. Topping. *Feudal institutions as revealed in the Assizes of Romania the law code of Frankish Greece*. Philadelphia, 1949.

⁶ В. Николаев. *Хрониката на Жофруа дьо Вилардуэн. Завладяването на Цариград*. София, 1947.

⁷ Б. Примов. *Ук. соч.*

⁸ A. Frolov. *La déviation de la 4-e croisade vers Constantinople*. «Revue de l'histoire des religions», t. CXIV, № 2; t. CXVI, № 1—2, 1954. Хотя автор этой последней из известных нам работ по истории четвертого крестового похода и учитывает в некоторой степени выводы советских историков, касающиеся событий

Все же можно считать, что к настоящему времени основные события этого наиболее «выдающегося» крестоносного предприятия выяснены с достаточной полнотой.

Подготовка похода

Подготовка к четвертому крестовому походу началась в конце XII в. Инициативу его взял на себя римский папа Иннокентий III (1198—1216). Имя этого папы знаменует собой целый период в истории папства. В его понтификат оно достигло наивысшего могущества. Отпрыск влиятельной графской фамилии Сеньи, Иннокентий III, избранный на папский престол в возрасте 37 лет (он был самым молодым в кардинальской коллегии), — очень яркая фигура среди многочисленных «наместников божьих», сидевших в Риме. Это был разносторонний, неутомимый политик и по-своему одаренный дипломат. Иннокентий III полностью усвоил теократические теории Григория VII. Он не только

1202—1204 гг., однако и в его исследовании отчетливо заметна «оправдательная» тенденция в отношении крестоносцев четвертого похода, характерная для некоторых сочинений новейшего времени. А. Фролов дает довольно неожиданное объяснение изменению направления крестового похода на Константинополь, а именно — связывает его с почитанием реликвий («священных» религиозных памятников) западными крестоносцами. А. Фролов утверждает, что четвертый крестовый поход, подобно остальным, был подчинен руководящей религиозной идее «священной войны»: хотя участники его и испытывали влияние внешних обстоятельств, «политической конъюнктуры» и «честолюбия вождей», тем не менее, захват Константинополя не выходил из рамок «перманентной программы» крестовых походов. Штурмуя византийскую столицу, рыцари якобы проливали кровь за «священные реликвии», хранившиеся в ней, т. е. совершали религиозный подвиг, «благочестивое завоевание». Опровержением этой концепции является обширный материал, приведенный в самом исследовании А. Фролова и рисующий далеко не религиозный характер побуждений крестоносцев.

¹ М. В. Левченко. История Византии. М., 1940; В. В. Стокличка-Герешкович. Борьба западноевропейских государств за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов. «Изв. АН СССР, сер. ист. и философии», 1944, № 5; А. Д. Эпштейн. Четвертый крестовый поход и Венецианская республика. «Книга для чтения по истории средних веков». Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1948; Н. П. Соколов. Венецианская доля в византийском «наследстве». «Византийский временник», т. VI, М., 1953; Н. А. Мещерский. Ук. соч.; М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. «Византийский временник», т. V, М., 1952.

ввел в каноническое (церковное) право учение о превосходстве духовной власти над светской, о том, что папы имеют право распоряжаться коронами королей, но и со всей энергией своей властной натуры проводил эту доктрину в жизнь. Деятельность этого феодального политика на папском престоле была целиком направлена на то, чтобы реализовать планы создания «всемирного» государства под главенством римского первосвященника, с которыми уже более столетия носились его предшественники.

Следует заметить, что в конце XII — начале XIII в. в политике тогдашних государств получили широкое распространение всякого рода «универсалистские» тенденции, т. е. стремления к образованию некоего «мирового» (в средневековом, конечно, понимании) государства. Эти стремления выросли на почве территориальной экспансии западных государств того времени, о причинах которой уже было рассказано. Такие «универсалистские» тенденции были свойственны, прежде всего, Германской империи Штауфенов, а также — в большой мере — англо-французской державе Плантагенетов и в некоторой степени даже Франции, где королевская власть лишь начинала возвышаться. Характерно, что анонимный французский хронист, автор «Деяний франкских королей», приписал Филиппу II Августу такое заявление: «Одного человека довольно, чтобы управлять всем миром».

В политике римской курии эти «универсалистские» тенденции получили особенно всеобъемлющий характер, поскольку, как мы уже знаем, католическая церковь представляла собой «интернациональный» центр феодальной системы. Ее экспансионистские проекты отличались наибольшим размахом. В лице Иннокентия III они нашли своего необычайно рьяного сторонника.

Иннокентий III поставил своей главной целью установление политического верховенства римской курии над всем феодальным миром Запада и Востока. Важнейшим средством для осуществления этих космополитических предначертаний римского владыки, снedaемого жаждой всевластия, должен быть стать крестовый поход. По словам одного исследователя, крестовый поход был первой и последней мыслью папы. Едва заняв папский престол, Иннокентий III уже бросил призыв к Западу подняться на новую «священную войну» против язычников-мусульман во имя

якобы освобождения Иерусалима. В посланиях, направленных во Францию, Германию, Англию, Италию, Венгрию и в другие страны (сентябрь 1198 г.), он призывал «всех верных» выступить на защиту «святой земли» и потребовал, чтобы графы, бароны и города к марту 1199 г. снарядили военные отряды для похода. Как писал Б. Куглер, призывные трубы к священной войне зазвучали при Иннокентии III сильнее и настойчивее, чем при ком бы то ни было из его предшественников¹.

Одновременно были приняты практические меры по организации крестового похода. На монастыри и церкви была возложена обязанность доставить средства на проведение «священной войны» в размере $\frac{1}{40}$ их имущества и доходов.

Чтобы заставить раскошелиться каноников и монахов, Иннокентий III не поскупился на сильные выражения по их адресу. Он довольно ядовито вменял в вину служителям божьим, что они лишь проповедуют мирянам о необходимости принести себя в жертву ради «святого гроба», но сами жертвуют на святое дело «одни лишь слова». «Где же ваши дела?— Миряне и без того упрекают вас в том, что вы растрачиваете достояние Христа в обществе скомоухов и тратите больше денег на содержание охотничьих собак и соколов». Папа приказал клирикам уплатить назначенный им сбор, угрожая всеми карами страшного суда.

Помимо того, все «добрые католики» должны были внести посильную лепту в фонд крестового похода; для сбора этих добровольных даяний в церквях были поставлены соответствующие сосуды (кружки и пр.). Такие пожертвования — фактически они являлись принудительным налогом — собирались и раньше. Полученные этим путем суммы (обычно их собирали монахи, рассылавшиеся во все страны) текли в папскую казну якобы на расходы по содержанию крестоносных ополчений; на самом деле огромные средства, попадавшие в Рим, зачастую использовались совсем для иных целей.

Крестовые походы и в этом отношении были для католической церкви источником солидных доходов. Недаром германский поэт Вальтер фон дер Фогельвейде, выражая

---

¹ Б. Куглер. История крестовых походов, стр. 279.

отрицательное отношение к поборам Иннокентия III в связи с организацией крестового похода, с сарказмом писал, что если «немецкое серебро попадет в итальянские шкатулки», то «святая земля» извлечет из этого не много пользы: «поповская рука неохотно раздает большое добро».

Чтобы рассеять недоверие к целям курии, Иннокентий III обязался пожертвовать $\frac{1}{10}$ своих доходов на «священную войну» и даже снарядил на свои средства одну галерею в помощь восточным «братьям-христианам».

Дело не ограничилось фискальными мерами. Иннокентий III развернул бурную деятельность и на дипломатическом поприще.

Во Францию, где происходила война между Филиппом II Августом и Ричардом Львиное Сердце, препятствовавшая участию французов и англичан в затевавшемся папой предприятии, был направлен легат — кардинал Пегр Капуанский для примирения враждующих сторон. Другой папский уполномоченный (кардинал Стефан) был снаряжен в Венецию: помимо нее на Западе не существовало государства, которое было бы в состоянии обеспечить морскую переправу будущему «христову воинству».

Среди этой кипучей деятельности главы римской церкви по подготовке крестового похода выделяется обращение папы к византийскому императору Алексею III с требованием собрать войско для освобождения «святой земли». В планы распространения владычества римской церкви на Востоке, которые лелеял Иннокентий III, разумеется, входила и Византия, которую, как читатель помнит, римские понтифики давно имели намерение включить в орбиту непосредственного влияния римской курии. Иннокентий III добивался от Византии не только согласия на участие в крестовом походе (хотя он, безусловно, стремился использовать материальные и военные ресурсы Византии в целях установления верховенства курии на Востоке): папа поднял перед византийским императором вопрос о церковной унии, конечно, на условиях полного подчинения греческой церкви римской. Воссоединение церквей! — это была старая «формула» римских первосвященников, за которой скрывались корыстные намерения жадных заместников св. Петра: присвоение богатств и доходов греческой церкви.

Особого внимания заслуживает следующее обстоятельство: в своем послании к Алексею III Иннокентий III не ограничился «отеческими» увещаниями и ссылками на евангелие. В его обращении содержалась скрытая угроза: папа намекнул на то, что в случае отклонения Константинополем требований апостольского престола против Византии, возможно, выступят определенные силы Запада. Что именно папа имел в виду — это выяснится в дальнейшем. Но ясно, что угроза такого рода, сделанная в тот самый момент, когда Иннокентий III приступил к проведению в жизнь своих крестоносных замыслов, указывает на прямую связь этих последних с антивизантийской политикой папства. Имеются все основания думать, что уже при начале организации крестового похода Иннокентий III тайно вынашивал (вероятно, еще лишь в самой общей форме) план направить против Византии силы феодального Запада. Крестовый поход, затеваемый Иннокентием III, открывал большие возможности для реализации папских планов утверждения католицизма на Востоке, и прежде всего в Византии. Папа поспешил воспользоваться благоприятной ситуацией для того, чтобы активизировать в связи с крестовым походом свою антивизантийскую политику.

Однако дипломатическая игра Иннокентия III — его увещания и угрозы — не возымела действия: как в 1198, так и в 1199 г. Константинополь отклонил требования и домогательства «апостольского престола». Такая позиция Византии еще более разжигала аппетиты курии. По мере дальнейшего развития событий Иннокентий III постарается привести в исполнение угрозы по адресу Византии, в 1198—1199 г. еще, может быть, неясные в смысле путей их практического осуществления, но уже вполне отчетливые по своей захватнической сути.

Так уже в 1198 г. начал завязываться узел, к весне 1204 г. стянувшийся тугой петлей вокруг Константинополя. Антагонизм папства и Византии, основой которого служила экспансионистская политика римских пап, был первой (по времени возникновения) причиной перемены направления четвертого крестового похода. Вскоре к ней присоединились и другие.

Призыв Иннокентия III к крестовому походу был поддержан церковниками. Как это уже бывало и раньше,

агенты римской курии начали повсюду произносить зажигательные речи в пользу «священной войны», стараясь привлечь к делу папы одних — обещаниями небесных благ, других — надеждой на земные.

В роли нового Петра Пустынника теперь подвизался некий французский священник Фулько из Нейи, ловко использовавший народную темноту, чтобы завоевать себе репутацию «божьего человека», наделенного даром творить чудеса и исцелять больных. «Он хорошо знал,— пишет о нем современнейший хронист, не лишенный, видимо, границательности,— кого и в какое время он мог и должен был исцелять». Несмотря на то, что проповеди Фулько и подобных ему фанатиков пользовались известным успехом среди крестьян, успех этот был мимолетным: люди из народа могли еще поддаваться на какой-то миг пылким увещаниям папских проповедников и даже формально принести обет — выступить на освобождение «гроба господня», но теперь этот приступ крестоносного благочестия очнь скоро проходил: уже третий крестовый поход показал, что крестьянская масса более чем равнодушна к лозунгам спасения «святой земли».

На этот раз, как и десять лет назад, призыв католической церкви нашел отклик преимущественно в феодальной среде, прежде всего во Франции. Непосредственные приготовления к крестовому походу здесь развернулись с 1199 г., когда часть сеньеров и рыцарства вняла папскому обращению. Началом сборов явился рыцарский турнир, происходивший в конце ноября 1199 г. в замке Экри в Шампани. Во время турнира выступил с фанатичной проповедью Фулько, после чего многими и был принят обет встать на «стезю господню».

Из наиболее крупных феодальных магнатов Франции крестоносный обет приняли графы Тибо Шампанский и его зять Балдуин Фландрский, Луи Блуаский, Гуго де Сен-Пель, Симон де Монфор и некоторые другие. Почти все эти бароны во время войны Франции и Англии¹ держали сторону последней, т. е. воевали в одном лагере с врагами Филиппа II Августа. Хронисты отмечают, что важным

---

¹ В январе 1199 г. папскому легату удалось добиться перемирия между Францией и Англией; через четыре месяца после этого Ричард Львиное Сердце погиб при осаде замка одного из своих французских вассалов.

мотивом, толкнувшим названных сеньеров отправиться в крестовый поход, послужил страх мести и репрессий со стороны французского короля за их недавний союз с Ричардом Львиное Сердце. Иначе говоря, эти сеньеры боялись за судьбу своих земель во Франции. Чтобы оградить их от захвата Филиппом II Августом, графы Фландрский, Блуаский и прочие и решили стать крестоносцами, — ведь имущество крестоносцев считалось под охраной церкви! «Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, печалась о смерти короля Ричарда и опасаясь козней французского короля, принял крест со многими баронами для того, чтобы уйти из-под его власти и избежать войны с ним», — в таких словах определяет геннегауский хронист причины, заставившие крупнейших французских феодалов отправиться в поход. Их влекли на Восток не «святые места» и не «восточный мираж», как уверяют некоторые новейшие историки, но весьма реалистические заботы и помыслы: стремление сохранить свои владения от покушений короны и, разумеется, умножить их за счет захватов на Востоке. Исключительно захватнические помыслы руководили и массой рыцарства, вассалами и субвассалами, которые постепенно присоединились к знати. Впоследствии Роберт де Клари откровенно заявлял, что крестоносцы явились (в Византию), «чтобы завладеть землей».

Первые практические шаги предводителей французских крестоносцев подробно описаны Жоффруа Виллардуэном. В 1200 г. баронская верхушка избрала главой ополчения молодого графа Тибо Шампанского, племянника Филиппа II Августа. Тогда же из Компьня были направлены послы в Венецию для ведения переговоров относительно морской переправы крестоносного воинства. В числе шести послов находился и сам Виллардуэн. В результате двухмесячных переговоров с венецианским дожем Энрико Дандоло в начале апреля 1201 г. был подписан договор об условиях, на которых Венеция соглашалась представить крестоносцам корабли.

Вот здесь-то, в Венеции, и была, собственно, изготовлена еще одна пружина, которая затем, распрямившись, толкнула крестоносцев далеко в сторону от «святой земли». Впрочем, как мы увидим, сами они не слишком сопротивлялись этому толчку. Можно сказать, что вторая причина, обусловившая поворот событий четвертого крестового

похода, коренилась в глубоких экономических противоречиях между Венецией и другими североитальянскими городами — Пизой и Генуей, а также Византией. Эти противоречия порождались и определялись главным образом столкновением их торговых интересов в Восточном Средиземноморье. С конца XI в. Венеция играла первенствующую роль в левантйской торговле. Венецианская феодально-купеческая олигархия, опиравшаяся на экономическое и военно-морское могущество республики св. Марка, давно уже пользовалась широкими привилегиями в Византийской империи.

Все более слабевшему Византийскому государству поневоле приходилось идти на уступки Венеции. Ее морской флот был серьезной силой, которая не раз выручала Константинополь из беды, но могла и обернуться против него. С этим нельзя было не считаться. В XII в. венецианцы завели в портах Византии свои фактории, конторы, беспошлинно перевозили товары и торговали ими; они добились также полного изъятия от таможенного надзора и права постоянно проживать в Константинополе. Однако это привилегированное положение не было достаточно прочным. Хозяйничанье венецианских купцов, судовладельцев, ростовщиков на территории империи, и особенно в столице, довольно часто наталкивалось на решительное противодействие константинопольского правительства, которое принимало порой против «морских разбойников с Адриатики» (так называет венецианцев византийский писатель Евстафий Солунский) суровые меры, серьезно ущемлявшие интересы венецианской торговли.

Правящие круги Византии в разных случаях руководствовались различными соображениями. Большую роль играло, в частности, то, что византийское купечество требовало противодействия венецианскому засилью, так как венецианцы были прямыми и очень опасными конкурентами для византийской торговли. Так, в марте 1171 г., по распоряжению императора Мануила Комнина, были внезапно арестованы венецианские купцы и резиденты на всей территории империи: их имущество, включая деньги, товары, недвижимость, подверглось конфискации. После этого торговля Венеции с Византией, по существу, была прервана почти на полтора десятка лет. Только в начале 80-х годов венецианцы вернулись в греческие города, и

были восстановлены «деловые» отношения, а в 1185 г. Венеции удалось достигнуть с правительством Андроника Комнина соглашения, по которому убытки, понесенные венецианцами, подлежали возмещению¹. Последующие императоры подтверждали снова и снова (в 1187 и 1198 гг.) обязательства о покрытии убытков, но дальше этого дело не подвигалось. В результате долг Византии венецианцам возрос до колоссальной цифры.

Между тем, византийские императоры, противодействуя время от времени засилью венецианцев, не ограничивались прямыми репрессиями и отменой привилегий. Не раз делались попытки столкнуть Венецию с ее торговыми соперниками — Пизой и Генуей, открыв им византийские рынки. Плодом этой типично «византийской» уловки (римский принцип «разделяй и властвуй!» издавна применялся дипломатией Византии) являлось обострение борьбы между итальянскими городами на торговых путях и рынках Византии. Подчас соперники вступали даже в настоящую рукопашную: «Нередко можно было видеть, — писал Никита Хониат, — как среди самого Константинополя или в открытом море граждане обеих республик (т. е. Венеции и Пизы. — М. З.) схватывались между собой в отчаянной битве, попеременно побеждали или терпели, поражения и вследствие того грабили своих соперников или подвергались их грабежу».

Однако результаты внедрения пизанцев и генуэзцев в экономику Византии оказывались для греческого купечества, мелких торговцев, ремесленников не менее тяжкими, чем хозяйничанье венецианских купцов и ростовщиков. Об этом свидетельствуют майские события 1182 г., вошедшие в историю под названием «Константинопольской бани». Царьградская знать и купечество задумали тогда сразу достичь двух целей — избавиться от иноземных конкурентов и отвести от себя назревшее к этому времени возмущение константинопольских низов, направив их против «иноверцев»-латинян². Для этого они спровоцировали в столице ужасную резню иностранцев,

---

¹ Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции. «Византийский временник», т. V, 1952; М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. «Уч. зап. Великолукского гос. пед. ин-та», Великие Луки, 1954.

² М. М. Фрейденберг. Ук. соч., стр. 36—37.

и именно генуэзцы и пизанцы подверглись жестокому погрому во время этого возмущения столичного плебса¹.

Но, естественно, византийское покровительство — пусть временное — конкурентам Венеции вызывало озлобление у правящей верхушки республики на лагунах. Вместе с тем оно порождало у Венеции стремление найти средства для того, чтобы обеспечить себе монопольное положение в левантийской торговле, проходившей через порты Византии в Средиземном и Черном морях, полностью вытеснив отсюда Пизу, Геную и других своих соперников. Как раз в то время, когда началась подготовка к крестовому походу, отношения Венеции с Византией вновь резко ухудшились в связи с тем, что Алексей III нарушил им же заключенный договор с Венецией (1198 г.): он стал взимать пошлины с венецианских купцов, приостановил выплату возмещения за убытки 1171 г., оказывал покровительство пизанцам, а затем (с 1201 г.) — генуэзцам.

Крестовый поход представлял для венецианцев необычайно удобный случай, чтобы покончить со своим неустойчивым положением в Византии и, нанеся ей сокрушительный удар с помощью крестоносцев, раз и навсегда оградить свои барыши и привилегии как от покушений со стороны самой Византии, так и от конкуренции итальянских соперников.

Планы такого рода у венецианских политиков созревали постепенно, по мере развертывания событий. Полностью они сложились только к весне 1204 г. Но зарождение их относится, возможно, уже к 1201 г. Трудно сказать с полной определенностью, замыслил ли уже тогда девяностолетний, умудренный опытом дож Энрико Дандоло сделать, говоря словами Ф. И. Успенского², накопальню для крестоносного мслота именно из Византии. Это можно только предполагать. Однако не подлежит

---

¹ Как показал Н. П. Соколов, венецианцы не пострадали во время погрома латинян в мае 1182 г., так как их не было в то время в Константинополе («К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции», стр. 145 и сл.). Следует отвергнуть, как ошибочную, распространенную точку зрения, согласно которой дож Дандоло в 1202 г. направил крестоносцев на Константинополь якобы в отместку за «Константинопольскую баню» 1182 г.

² Ф. И. Успенский, История Византийской империи. Т. III. М.—Л., 1948, стр. 367.

сомнению, что решение использовать крестоносное войско к выгоде Венеции было принято именно в то время.

Вожди предприятия намеревались двинуть крестоносное ополчение в Египет. Между тем, со времени упомянутого ранее изгнания венецианских купцов из Византии Венеция развернула оживленную торговлю с Египтом. Эти торговые связи продолжали развиваться и после восстановления отношений Венеции с Константинополем. Венецианские купцы, изрядно наживавшиеся на перевозке паломников в Сирию, на доставке восточным франкам подкреплений и хлеба с Запада, в то же время с выгодой сбывали оружие египетскому султану. Они не прочь были получать барыши и с крестоносцев и с мусульман. В конце 1198 г. Иннокентий III вынужден был даже особой грамотой запретить венецианцам продавать оружие сарацинам. При таких обстоятельствах завоевание Египта шло вразрез с интересами Венеции, и содействовать этому правители города на лагунах не имели никакого желания. Вот почему, взявшись перевезти крестоносцев на своих кораблях, республика св. Марка обставила свои обязательства такими уловками, которые оставляли венецианским политикам полную свободу в смысле определения направления похода. Венеция обязалась предоставить суда для переправы 4500 рыцарей и стольких же коней, 9 тысяч оруженосцев и 20 тысяч пехотинцев. Сверх того, «из любви к богу» венецианцы соглашались снарядить от себя 50 галер в подкрепление крестоносцам. Крестоносцы же, со своей стороны, брались уплатить Венеции в рассрочку, четырьмя взносами, 85 тысяч марок серебром; крайний срок уплаты приходился на конец апреля 1202 г. Венеция выговорила для себя также половинную долю всего, что будет завоевано крестоносцами.

Условия этого договора были для Венеции весьма выгодны. Сумма 85 тысяч марок, которую венецианский дож потребовал от крестоносцев, была довольно значительной, хотя не настолько, чтобы только на этом основании можно было предположить, что Дандоло заранее рассчитывал на неизбежную несостоятельность крестоносцев. Ловушка, подстроенная хитроумным дожем для крестоносцев, заключалась, прежде всего, в другом.

Во-первых, в договоре Венеции с вождями крестоносцев отсутствовало прямое указание на место, куда именно

должен был доставить венецианский флот крестоносцев. Те, против кого предпринимался поход, в тексте договора фигурировали под ничего не говорящим названием «враги». Эти «враги» нигде не назывались хотя бы «неверными»; составители договора словно избегали упоминать этих «врагов» под их настоящим именем. Нечеткие формулировки договора 1201 г. явно сохраняли лазейку для Венеции, предоставившей крестоносцам корабли. Да и самим участникам похода, после того как договор был подписан, объявили только, что они «отправятся за море» — об этом рассказывает Виллардуэн.

Во-вторых,— и это главное — согласно договору, участники крестового похода обязывались выплатить 85 тысяч марок независимо от их численности. В договоре назывались цифры подлежащего перевозке контингента конного и пешего войска, однако отсутствовало условие, ставившее размер платы за провоз в зависимости от фактического количества крестоносцев, которые соберутся к назначенному сроку в Венеции. В этом-то и заключался подвох, здесь-то Венеция и раскинула сети для уловления «крестоносных болванов» (выражение К. Маркса)! Последующие события показывают, что в 1201 г. Дандоло скорее всего имел в виду возможность неявки всего предполагавшегося договором количества крестоносцев. Коварный умысел венецианского правительства состоял в том, чтобы воспользоваться им же подготовленными затруднениями крестоносцев и побудить рыцарское воинство устремиться к иной цели, отвечавшей интересам Венеции.

Иннокентий III, безусловно, догадывался о тайных намерениях венецианцев: по словам Маркса, папа видел план Дандоло насквозь; он понимал, что дож хотел использовать крестоносцев «в интересах Венеции для завоеваний»¹. Тем не менее, 8 мая 1201 г. римский первосвященник утвердил — и даже «весьма охотно», по приказанию Виллардуэна,— договор крестоносцев с Венецией².

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 194.

² Некоторые историки четвертого крестового похода полагают, что апрельский договор 1201 г. не был утвержден Иннокентием III, что папа потребовал от сторон обязательства не нападать на христиан. Однако факт утверждения этого договора в Риме доказывается сообщением не только Виллардуэна, но и такого достоверного

Тем самым папа дал санкцию и венецианцам и самим крестоносцам на осуществление завоевания, объект которого должен был определиться, в первую очередь, в соответствии с экономическими и политическими интересами Венеции. Таким наиболее вероятным объектом, конечно, была Византия, к подчинению которой стремился и Иннокентий III.

Так весной 1201 г. политические цели папства в крестовом походе и завоевательные намерения венецианцев совпали: они пришли не только в соприкосновение, но и во взаимодействие друг с другом. Почва для превращения «крестового похода» против мусульманского Египта в «просто» грабительский поход против «христианской» Византии была в значительной мере подготовлена.

А в это время вступила в действие еще одна, третья и самая сложная группа причин в ряду тех, которые отклонили крестоносцев от первоначальной цели и обусловили в конечном счете новое направление похода — на Константинополь.

В свое время еще Ф. И. Успенский заметил, что четвертый крестовый поход был результатом совокупности политических отношений того времени. Это соображение во многом справедливо.

Одним из узловых противоречий между государствами на Средиземноморье в конце XII — начале XIII в. являлось противоречие интересов Германской империи Гогенштауфенов и Византии. Этот германско-византийский антагонизм развился в XII в. как результат экспансионистских устремлений в Средиземноморье феодальных элементов, главным образом Южной Германии, объединившихся вокруг Гогенштауфенов.

Для Византии германская угроза особенно возросла с 90-х годов XII в., когда Генрих VI, став сицилийским королем, возобновил притязания своих предшественни-

---

источника, как хроника, известная под названием «Константинопольское опустошение». Что касается требования «не поднимать оружие против христиан», то мы знаем о нем только из письма Иннокентия III к крестоносцам, составленного гораздо позднее, и из сообщения папского историографа, основанного на тексте того же письма. Ясно, что не следует принимать это известие за чистую монету. Требование «не нападать на христиан» было обычной для папы лицемерной оговоркой, к которой он мог прибегнуть при утверждении договора в целях самосправдания, — и только.

ков — нормандско-сицилийских правителей — на балканские земли Византии и, как читателю известно, практически подготовил настоящий завоевательный поход против нее под видом крестового похода. Преемник Генриха VI — Филипп Швабский — был продолжателем антивизантийской политики своего старшего брата. Мысль о водворении на византийском престоле прочно овладела новым германским королем. События, происходившие тогда в Византийской империи, дали Филиппу Гогенштауфену удобный повод к практическому претворению этой идеи. События эти были лишь одним из эпизодов неустойчивой политической жизни Византии, отражавшей ее внутреннюю слабость в эпоху, когда уже завершилось становление феодальных порядков.

Выше упоминалось о том, что еще в 1195 г. в результате дворцового переворота в Константинополе был низвергнут и ослеплен Исаак II Ангел, на дочери которого был женат Филипп Швабский. Германский король установил секретную связь (письменную и через доверенных лиц) со своим тестем, лишенным власти и томившимся в заключении. Никита Хониат рассказывает о тайных совещаниях Исаака II Ангела с «латинянами». Во время этих совещаний обсуждался вопрос о том, «как бы отплатить за обиды и низвергнуть Алексея» (III). Бывший император «посылал письма к дочери своей Ирине» (т. е. в Германию) и, в свою очередь, «получал оттуда ответы с наставлениями, как ему поступать».

Таким образом, в последние годы XII в. гогенштауфенский двор становится центром политических интриг, официальной целью которых было восстановление «законного» правительства Исаака II Ангела, действительной же — захват власти в Византии отпрыском Фридриха Барбароссы.

Начавшиеся на Западе приготовления к крестовому походу пришлось как нельзя более кстати для Филиппа Швабского: подобно венецианцам, он был непрочь использовать крестоносцев в своих интересах. Случай пришел ему на помощь.

24 мая 1201 г., в разгар подготовки крестового похода, неожиданно скончался первоначально избранный вождем французских крестоносцев граф Тибо Шампанский. Тотчас встал вопрос о его преемнике. И вот тут-то

гогенштауфенская Германия, до сих пор стоявшая в стороне от дел крестового похода, приняла в них живейшее участие. Действуя тайными дипломатическими средствами, Филипп Швабский стал добиваться того, чтобы новым предводителем ополчения был избран его ставленник. Выбор германского короля пал на крупного североитальянского феодала — маркиза Бонифация Монферратского. Родственник Филиппа Швабского, Бонифаций Монферратский был не лишен военных и дипломатических талантов — обстоятельство, которое германский король должен был принять в соображение, поскольку он строил на крестоносном предприятии определенные политические расчеты. Но главной причиной, по которой именно маркиз Монферратский привлек к себе внимание Филиппа Швабского, было не это. Род маркизов Монферратских находился в старинной дружбе с Гогенштауфенами: отец Бонифация, Вильгельм III, в свое время был союзником Фридриха Барбароссы в Северной Италии, и германский император щедро оплатил там его услуги, наградив поместьями. Затем, в силу своих родственных связей, Бонифаций был заинтересован в завоевательной политике крестоносцев на Востоке¹ и в Византии, где в свое время братья Бонифация энергично и не без успеха пробивали себе дорогу к высоким постам и владениям². И что особенно важно: сам Бонифаций был их верным последователем. Алчный и корыстолюбивый маркиз питал агрессивные намерения в отношении некоторых византийских территорий на Балканском полуострове; в частности, он давно стремился к захвату Фессалоник³ — одного из крупных торговых центров Византийской империи, второго города после Константинополя. Таким образом, этот хищ-

---

¹ Старший брат Бонифация, Вильгельм Длинный Меч, женатый на сестре иерусалимского короля Балдуина IV, был графом Яффы и Аскалона. Другой его брат — Конрад Монферратский, как читатель знает, принимал активное участие в третьем крестовом походе, владел Тиром и в 1192 г. был близок к получению короны Иерусалимского королевства.

² Конрад Монферратский одно время занимал видное положение при дворе Исаака II Ангела, на сестре которого, Феодоре, был женат.

³ Еще в 1179 г., когда брат Бонифация, Райнер, женился на Марии Комнин, дочери византийского императора Мануила, она получила в приданое Фессалоники. Бонифаций считал себя «по праву» наследником своей невестки.

ный феодальный магнат, за которым стояли другие ломбардские сеньеры, поменьше рангом, был непосредственно заинтересован в осуществлении антивизантийских замыслов, которые вынашивались при дворе Гогенштауфенов: захват Византии сулил и ему немалую добычу. Будучи избран вождем крестоносного ополчения, он мог бы оказать значительное содействие в использовании крестоносцев для реализации германских антивизантийских планов.

Для того чтобы поставить Бонифация Монферратского во главе крестоносцев и таким образом сделать предводителем ополчения своего приверженца, Филипп Швабский пустил в ход оружие дипломатии: были использованы союзные отношения его в то время с французским королем Филиппом II Августом¹.

Филипп II Август пошел навстречу своему германскому союзнику. Когда после кончины Тибо Шампанского на совете крупнейших французских сеньеров-крестоносцев в Суассоне обсуждались кандидатуры его возможных преемников, французский король, который до этого времени никак не выказывал своего отношения к новому крестовому походу, вдруг активно вмешался в ход событий. Известия летописцев, хотя и не слишком ясные, позволяют все же думать, что он оказал определенное давление на главарей ополчения и, как выражаются хронисты, «посоветовал» им избрать своим верховным предводителем Бонифация Монферратского; непосредственно его имя назвал не кто иной, как Виллардуэн, о чем он сам рассказывает в своих мемуарах, но маршал Шампанский в данном случае был лишь глашатаем короля Франции.

Его «совет» был принят к исполнению, несмотря на то, что французским сеньерам «довольно неожиданная», по выражению Ф. И. Успенского, кандидатура итальянца, маркиза Монферратского, была не по вкусу. Ведь большей частью эти феодалы являлись политическими противниками французской короны, Бонифаций же был родственником и креатурой Филиппа II Августа. Кроме того, крестоносные князья (Балдуин Фландрский и др.),

---

¹ Этот союз штауфенской Германии и капетингской Франции — союз двух Филиппов — сложился в 1193 г. и был направлен, с одной стороны, против Плантагенетов, а с другой — против Вельфов, немецких феодалов, после смерти Генриха VI поддержавших избранного ими же антикороля Оттона IV, племянника Ричарда Львиное Сердце.

выступавшие недавно против Филиппа II Августа во Франции в союзе с Ричардом Львиное Сердце, в Германии, во время развернувшейся там с конца 90-х годов феодальной распри Вельфов и Гогенштауфенов, поддерживали союзников Англии — Вельфов, противившихся утверждению династии Гогенштауфенов. Кандидатура Бонифация Монферратского, известного своей проштауфенской ориентацией, и с этой стороны не устраивала приверженцев англо-вельфской партии.

Но, как бы там ни было, «совет» Филиппа II Августа возымел свое действие, и в сентябре 1201 г. маркиз Монферратский прибыл во Францию для того, чтобы принять звание вождя крестоносцев.

Филипп II Август помог своему германскому союзнику сделать предводителем крестоносцев лицо, которое, прежде всего, должно было явиться орудием германских планов подчинения Византии.

Вместе с тем Бонифаций Монферратский был связан узами родства и политическими интересами с капетингской Францией. Имеются основания полагать, что и Филипп II Август был не чужд захватнических намерений в отношении Византии. В свое время еще Людовик VII задумал обеспечить Капетингам права на константинопольский престол; с этой целью в 1180 г. сестра Филиппа II Августа была выдана замуж за сына Мануила Комнина (Алексея II). Возможно, что Филипп II Август тайне намеревался возродить эти планы своего отца. Английский хронист Рожер де Говден передает следующий небезынтересный эпизод, проливающий свет на этот вопрос. Как-то после смерти Ричарда Львиное Сердце в Париж к Филиппу II явился предводитель сицилийско-нормандских пиратов «адмирал» Маргаритон; он предложил королю сделать его «константинопольским императором». По сообщению хрониста, Филипп II согласился воспользоваться услугами Маргаритона и уже обещал принять меры к тому, чтобы снабдить пиратов необходимыми припасами, оружием, лошадьми для похода против Константинополя, который должен был начаться из Бриндизи. Неожиданное убийство Маргаритона помешало осуществлению этого похода.

Если даже отказать этому рассказу хрониста в достоверности, все же он является свидетельством того, как

расценивали современники позицию французского королевства в отношении Византии. Этот рассказ подтверждает предположение, что Филипп II был непрочь протянуть и свою руку к ослабевшей Византии. Его содействие избранию Бонифация Монферратского было политическим ходом, в какой-то мере, видимо, рассчитанным на получение непосредственных выгод от крестового похода для королевской власти во Франции.

Таким образом, на этом этапе развития событий четвертого крестового похода главными закулисными вершителями его судеб были — наряду с папством и Венецией — штауфенская Германия и капетингская Франция. В цепи событий, ведших к «уклонению крестоносцев с пути» (выражение Иннокентия III), к осени 1201 г. образовалось еще одно немаловажное звено: Франция и Германия приняли участие в подготовке захватнического похода против Византии.

В начале 1202 г. Иннокентий III, не добившийся к этому времени никаких уступок от Алексея III в вопросе об «унии», вошел в совершенно секретную сделку с прибывшим в Рим Бонифацием Монферратским, успевшим уже побывать в Германии и условиться о дальнейшем с Филиппом Швабским. Имеются основания думать, что предметом этой сделки было использование крестоносцев против Константинопольской империи. Вслед затем в Риме же была заключена вторая сделка — с сыном Исаака II Ангела, византийским царевичем Алексеем. Греческий шурин Филиппа Швабского, дождавшись удобного времени, бежал из константинопольской тюрьмы с помощью одного пизанского судовладельца, который предоставил ему место на корабле и дал возможность, говоря словами Никиты Хониата, «закрыть свой след водою». Правда, бегство царевича, как рассказывает этот историк, «было скоро замечено, и император приказал немедленно отыскать корабль, но посланные не могли узнать Алексея: он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой и таким образом укрылся от сыщиков». Весной 1202 г. царевич Алексей явился в Рим.

Действуя в соответствии с указаниями, полученными от германского короля, он принял перед папой смиренную позу просящего о помощи против «узурпатора» Алексея III. В вознаграждение за эту помощь — оказать ее

должны были, разумеется, «освободители святой земли» — царевич назначил папе вполне подходящую для него цену: подчинение греческой церкви римской и участие Византии в крестовом походе.

Римский первосвященник получил теперь полную возможность (он давно искал ее) прикрыть свои истинные намерения относительно Византии фиговым листком защиты «справедливости», т. е. восстановления в Константинополе власти «законного» правительства. И папа не упустил этой возможности.

Новгородская летопись, византийские писатели, а также и некоторые западные хронисты свидетельствуют о том, что по вопросу о восстановлении на престоле «отрока» Алексея с помощью крестоносцев в Риме была достигнута полная договоренность между Иннокентием III и уполномоченными Филиппа Швабского. Последний и сам вскоре в специальной грамоте подтвердил обещание своих представителей подчинить православную церковь католической в случае, если, как он писал в этом документе, «всемогущий бог отдаст мне или моему шурину греческую империю».

Можно считать, что весной 1202 г., к тому времени, когда отряды крестоносцев из Франции, Германии, Италии стали собираться в Венеции, цепь, которую ковали действительные демиурги четвертого крестового похода, замкнулась.

Связующим элементом всех звеньев этой цепи явился римский престол. Иннокентий III, прежде всего, одобрил «христолюбивые» замыслы венецианцев. Он же затем, получив обещание «унии», дал свое тайное благословение Бонифацию Монферратскому и царевичу Алексею: за их спиной на Западе действовали определенные феодальные круги во Франции, Германии и Италии — те, кто стремился использовать возможность основательно пограбить Византию, а может быть, и пробраться там к власти под предлогом восстановления на престоле Исаака II Ангела.

Само собой разумеется, что все те, чьими усилиями ткалась, хотя и с разных сторон, единая канва событий, до поры до времени действовали в глубокой тайне. Лишь много столетий спустя ученые, собирая по крохам показания современных той эпохе документов, постепенно нащупывали и развязывали узелки «секретной дипломатии» начала XIII столетия.

Захват Задара

С осени 1202 г. тайные намерения скрытых и открытых организаторов и вождей похода начали приводиться в исполнение.

Решающую роль в ближайших событиях сыграла Венеция. К лету 1202 г. здесь собрались значительные отряды немецких, французских, итальянских крестоносцев. Они были размещены близ Венеции, на мало заселенном острове Лидо, причем «отцы города» постарались сразу же поставить «воинов христовых» в стесненное положение, дабы дать им почувствовать свою зависимость от «венецианского народа» и тем самым сделать их сговорчивее в дальнейшем. Рыцарям креста пришлось переносить голод на своем острове из-за нехватки — вследствие нерегулярного подвоза — съестных припасов; на почве голода начались заболевания; смерть стала косить наиболее нуждающихся крестоносцев.

По словам безымянного автора хроники «Константинопольское опустошение», живых не хватало, чтобы хоронить мертвых. Конечно, хронист сгущает краски, чтобы очернить венецианцев, но положение крестоносной рати действительно оказалось незавидным. Часть крестоносцев, не желая мириться с положением «узников» Венеции (так характеризует положение крестоносцев на Лидо автор «Константинопольского опустошения») и во избежание худших неприятностей впереди, поспешили заблаговременно сбежать с острова и вернуться домой. Тем временем миновал срок окончательной расплаты с республикой св. Марка, обусловленный апрельским договором 1201 г. Выяснилось, что произвести ее наличными рыцари не могут. Почему? — Случилось то, что предвидел за год до этого Энрико Дандоло. В город на лагунах прибыла, примерно, лишь половина того количества крестоносцев, которое должно было явиться по первоначальному предположениям знатных французских послов, заключивших в апреле 1201 г. договор с Венецией. Очень многие бароны и рыцари предпочли обойтись без ее чересчур дорогих «услуг»: одни погрузились на фламандские корабли в Брюгге, другие (бургундцы и провансальцы) собрались в Марселе, третьи (рыцари из Блуа и Шампани), направившись было через Ломбардию, уже из Пьяченцы

повернули на юг Италии. В результате того, что в Венеции собралась только часть крестоносцев¹, они были не в состоянии собрать нужную сумму: к лету 1202 г. из 85 тысяч марок Венеции была выплачена лишь 51 тысяча; оставалось внести еще 34 тысячи марок.

Венецианцы под этим предлогом совсем перестали доставлять продовольствие на остров, где фактически были заперты крестоносцы, и даже пригрозили не дать суда для рыцарей, если они не рассчитаются сполна — согласно уговору. Как рассказывает Робер де Клари, сам Дандоло явился на Лидо и заявил, что «если не заплатят долга, то не уйдут с острова и не получат ни еды, ни питья». Рыцарям креста было над чем призадуматься. Положение было тем более мучительным, что обдумывать его приходилось под жаркими лучами летнего солнца. Между тем, в августе 1202 г. в Венецию прибыл главный предводитель крестоносцев, которого иногда называют Бозмундом четвертого крестового похода, — Бонифаций Монферратский. Сговориться с ним для Дандоло было очень просто: все, что сулило выгоду, было близко маркизу Монферратскому не меньше, чем правителям купеческой республики. Еще немецкий ученый Д. Брадер, биограф Бонифация, подметил, что к участию в крестовом походе маркиза «побуждали отнюдь не идеальные мотивы»². Конечно, поход на Византию — о планах такого рода Бонифаций, надо думать, поведал дожу — вполне устраивал Дандоло. Вот когда венецианские купцы, судовладельцы и прочие денежные люди могли, наконец, свести счета с Константинопольской империей! Но все это требовало дополнительного времени и подготовки. Пока же нужно было и поддержать видимость, что крестовый поход остается крестовым походом, и в то же время позаботиться о том, чтобы с помощью должников-рыцарей удовлетворить ближайшие интересы Венецианской республики. Вместе с тем Дандоло понимал, что если войско разойдется (а дезертирство с острова Лидо приняло угрожающие размеры), то это приведет к осложнениям с Иннокентием III: вене-

¹ Если верить цифрам Робера де Клари, рыцарей была всего тысяча человек, а не четыре с половиной тысячи; что касается количества пехотинцев, то Робер де Клари называет явно преувеличенную цифру: 50 тысяч вместо намечавшихся якобы 100 тысяч.

² D. Brader. Bonifaz von Monferrat bis zum Antritt der Kreuzfahrt (1202). Berlin, 1907, S. 170.

цианцы-де сорвали крестовый поход! Приняв во внимание все эти обстоятельства и, конечно, в первую очередь имея в виду выгоды Венеции, Дандоло предложил через Бонифация рыцарям креста «достойный» выход из положения. Крестоносцы должны, если хотят погасить задолженность (или добиться отсрочки платежа), помочь Венеции завоевать город Задар на восточном побережье Адриатического моря, в Далмации. Задар принадлежал в то время Венгрии, с которой Венеция десятки лет боролась за контроль над далматинским побережьем. Задар давно был помехой венецианцам: корсары, укрывавшиеся там, сильно мешали венецианской торговле в Адриатике. Разгромить это «пиратское гнездо» было для патрицианской олигархии делом весьма заманчивым, тем паче, что, по договору с крестоносцами, республика св. Марка получила бы в свою пользу половину добычи. Какое значение могло иметь, что Задар был владением венгерского короля Эмериха, который и сам «принял крест»? Свои бесцеремонные предложения Дандоло предварительно провел через высшие органы республики, а затем согласовал их с Бонифацием Монферратским. По выражению Рэнсимена, маркиз «не был особенно совестливым христианином»¹. Он нашел вполне приемлемым и совместимым с делом «освобождения святой земли» (о которой думал меньше всего) по пути к своей настоящей цели, т. е. Византии, заключить еще одну сделку, временно как бы превращавшую его войско в «наемников» Венеции. Во всяком случае фактически Бонифаций на время уступил предводительство дожу Венеции, который «принял крест» и взялся самостоятельно командовать флотом во время экспедиции против Задара. Несмотря на свои 90 лет, Энрико Дандоло сохранял удивительную энергию и расчетливость.

Предложение венецианцев захватить Задар вызвало поначалу замешательство и даже известную оппозицию в крестоносном ополчении. Некоторые, особенно, по сообщениям хроник, из числа бедняков, «оставив войско, повернули паруса и возвратились во-свояси». Неправильно думать, однако, что эта оппозиция была инспирирована папством, что это была, как иногда считают, «папская

¹ St. Runciman. A history of the crusades. Vol. III. Cambridge, 1954, p. 114.

оппозиция». Повидимому, уход крестоносцев из Венеции был выражением стихийного протеста бедняков (из тех, которые все же примкнули к крестовому походу) как против лишений, которым венецианское правительство умышленно подвергло их на острове Лидо, так и против превращения крестового похода в орудие венецианской политики: далеко не все крестоносцы испытывали желание служить интересам Венеции.

Что касается Иннокентия III, то хотя он, узнав о «злом намерении» венецианцев, на словах и запретил крестоносцам, под угрозой отлучения, «нападать на христианские земли», на деле, однако, папа потворствовал осуществлению предложений Венеции: ведь он связал себя с ее планами еще весной 1201 г.

В конце концов папа располагал более действенными средствами помешать завоеванию Задара, чем словесные запреты. Если бы Иннокентий III искренне хотел избавиться «христианские земли», в том числе Задар, от того, что вскоре с ними произошло, — ему ничего не стоило бы из средств курии расквитаться с Венецией за долги своего обанкротившегося воинства. Сумма в 34 тысячи марок была не слишком велика! Но Иннокентий III, конечно, и не подумал об этом. Когда же из крестоносного войска в Рим пришли беспокойные запросы: как быть, не разойтись ли для того, чтобы пресечь «злое намерение» Дандоло? — папа через своего легата выразил волю «апостольского престола» в таких словах: «простительнее, — заявил он, — искупить малое зло великим добрым делом, нежели, оставив крестоносный обет невыполненным, бесславными грешниками вернуться на родину». Ответ этот ясно показывал, что, с точки зрения папы, крестовый поход должен быть завершен любой ценой. «Не будет соответствовать намерениям папы, если войско рассеется, не дойдя до цели паломничества», — говорил легат Петр Капуанский крестоносцам. Могли ли означать такие советы что-либо иное, нежели намек на то, что крестоносцы должны принять предложение дожа относительно похода на Задар? Сделать это было тем легче, что в большинстве своем «пилигримы» 1202 г. были отпетыми головорезами, совершенно равнодушными к тому, где и кого грабить. Основную массу крестоносного воинства составляло именно такое рыцарство, внутренне совершенно безразличное

к официальным лозунгам предприятия. Рыцари креста с готовностью могли обнажить мечи ради любого дела, обещавшего наживу. Полнейшая беспринципность в сочетании с безграничной жадностью особенно ярко характеризуют участников четвертого крестового похода. Именно это обстоятельство позволило феодалам, непосредственно или из-за кулис руководившим событиями, направить их против «христианских» городов. Первым из них был Задар.

Крестоносцы, за небольшим исключением, сочли выгодным для себя выполнить требование республики св. Марка. В октябре 1202 г. флот крестоносцев — свыше 70 галер и около 150 грузовых судов (с провиантом, стенобитными и другими орудиями) — отплыл из Венеции. 11 ноября он с боем вошел в запертую Задарскую гавань, а 24 ноября крестоносцы после пятидневного штурма приступом взяли Задар, сломив упорное сопротивление венгерского гарнизона. Население стойко защищалось от рыцарей креста: «Почти не было улицы,— писал позднее Виллардуэн,— где бы не происходило большой сечи мечами, луками и копьями».

Рыцари и венецианцы устроили в городе жестокий погром, разрушили многие здания, захватили богатую добычу. Были ограблены и церкви. Задар попал под власть Венеции — впрочем, только после того, как едва не произошло опасной для обеих сторон стычки между крестоносными рыцарями и венецианцами; ее еле удалось предотвратить.

Таков был первый «успех», достигнутый в четвертом крестовом походе: завоевание и разгром христианского города в Далмации.

Как и следовало ожидать, «апостольский престол» разразился по этому случаю негодующим посланием в адрес крестоносцев. Иннокентий III выразил «безмерную скорбь» по поводу того, что они пролили «братскую кровь» и нарушили его запрет «нападать на христианские земли». Но этим и ограничился папский гнев. Иннокентий III простил «прегрешения» крестоносцев, когда депутация, посланная, приличия ради, в Рим, изложив обстоятельства дела, представила папе различные оправдательные соображения и «уверила» его в том, что отныне крестоносцы готовы, несмотря ни на что, следовать в «святую землю».

Уполномоченные крестоносцев, возглавлявшиеся епископом Нивелоном Суассонским, видимо, ничего не подозревали о подлинной роли в событиях 1202 г. самого римского первосвященника, фактически способствовавшего гибели Задара.

Признав извиняющим обстоятельством то, что разрушители Задара поступали не по своей воле, а лишь «подчиняясь необходимости», Иннокентий III все же произнес церковное отлучение над венецианцами: было бы как-то неудобно оставить совсем без последствий эту неприятную историю! Впрочем, во избежание недоразумений, папа тут же оговорился: да, венецианцы преданы анафеме, но это не должно помешать крестоносцам пользоваться флотом отлученных и поддерживать общение с ними. Ради достижения «высших целей» приходится, — писал папа крестоносцам, — «переносить многое»!

Вскоре и эти «высшие цели» стали вырисовываться достаточно отчетливо. Через некоторое время после взятия Задара был сделан последний шаг к подготовке и осуществлению замыслов явных и тайных руководителей похода, направленных против Византии.

Крестоносцы направляются в Константинополь. Падение Византии

Разгромив Задар, ревнители христовой веры зазимовали в Далмации. В начале 1203 г. в их лагерь прибыли послы Филиппа Швабского и с ними — уполномоченные царевича Алексея. Им было поручено поддержать перед вождами просьбу молодого Ангела. Дожд Дандоло, как и вожди крестоносцев, — о Бонифации и говорить не приходится, — высказались, разумеется, в пользу предложенного Филиппом проекта. Вожди ополчения дали согласие на поход против — Константинополя — «ради восстановления справедливости», т. е. якобы для того, чтобы заменить на константинопольском престоле узурпатора Алексея III его «законной» родней из дома Ангелов. Согласие это было скреплено подписями предводителей на соответствующих документах, оформленных в феврале 1203 г.

За помощь, которую окажут ему и его отцу крестоносцы, царевич Алексей обязался выплатить им 200 тысяч марок серебра. Бонифаций Монферратский первый поста-

вил свою подпись под соглашением о походе на византийскую столицу. Щедрая плата, обещанная крестоносцам византийским наследником, привлекла на сторону антивизантийского плана и других вождей, светских и духовных. Равнодушное ко всему, кроме удовлетворения своей алчности, рыцарство последовало за предводителями. Характерно, что под договором о походе на «христианский» Константинополь поставили свои подписи и епископы (Труа, Суассона, Гальберштадта и др.). Не «уважение к законности» и не «сострадание к несчастному царевичу и его отцу», как уверяют иные из современных нам историков четвертого крестового похода, заставили крестоносцев изменить свой маршрут: жажда обогащения была единственным стимулом, определявшим их позицию.

Уже более 100 лет Византия привлекала к себе взоры крестоносцев. Ее грабили и паломники времен Готфрида Бульонского, и те, кто шел в «святую землю» по зову католических аббатов и епископов в 1147 г., и рыцари Фридриха Барбароссы в 1189 г. Не раз Константинополь оказывался перед угрозой завоевания благочестивыми разбойниками. Конфликты с Византией, которые сопутствовали первым трем крестовым походам, а также и враждебные, в основном, отношения, складывавшиеся у западных государств и Византии в результате столкновения интересов в Средиземноморье в промежутках между «священными войнами», привели к тому, что в Европе укоренился предрассудок, будто во всех неудачах крестовых ратей виноваты вероломные византийцы. Они-де соединяются с «неверными» и сообща строят козни крестоносцам и франкским государствам в Сирии и Палестине! Укреплению этого предрассудка, или, как говорит один современный нам автор, «традиции недоверия», в немалой степени содействовала католическая церковь. Римская курия в течение всего XII в. раздувала на Западе религиозное ожесточение против «схизматиков»-греков, стремясь таким путем подкрепить притязания папства на гладычество над Византией. В высших католических кругах была даже разработана специальная теория, по которой следует в одинаковой степени вести войну как с еретиками, так и со «схизматиками». Иннокентий III целиком разделял эту точку зрения. По словам английского хрониста Рожера Уэндоуэрского, христиане,

отказывавшиеся повиноваться власти святого Петра и препятствовавшие освобождению «святой земли», были для папы «хуже сарацин»¹.

К началу XIII в., когда вследствие усиления средиземноморской экспансии западных государств с особой остротой встал вопрос об отношениях Запада и Византии, когда последняя неизбежно попадала в число завоевательных объектов западных феодальных агрессоров, эта церковно-католическая пропаганда принесла свои плоды. Она идейно подготовила, заранее оправдав его, удар, который рыцарство, по сути с одобрения папства, нанесло Константинополю.

Мы говорим — с одобрения папства, хотя, конечно, со стороны Иннокентия III и после того, как в лагере под Задаром были подписаны соглашения о походе на Константинополь, не было недостатка в предостережениях крестоносцам. Папа шлет многочисленные послания, направляет своих нунциев к крестоносцам, угрожает им анафемой, если они причинят вред Византийской империи. Но между строк всех своих «грозных» посланий о ненападении на христианские земли двуличный Иннокентий III всегда оставлял предводителям лазейку, достаточную для того, чтобы дать им понять, что они могут рассчитывать на фактическую поддержку «апостольского престола» в случае нарушения его «суровых» предписаний.

Позиция Иннокентия III легко объяснима. Сын Исаака II Ангела, договариваясь с вождем «воинства христова» зимой 1203 г., брал на себя обязательства, вполне соответствовавшие интересам папства. В случае своего водворения в Константинополе он обещал снарядить десяти-тысячный отряд для отвоевания «святой земли» у наследников Саладина и — главное — подчинить греческую церковь римской. Это было именно то, чего папы давно добивались от Византии! Все лицемерные запреты Иннокентия III чинить обиды грекам не стоили ни гроша. Последний ход событий это блестяще подтвердил.

При таких-то обстоятельствах в апреле 1203 г. крестоносцы направились на остров Корфу, куда вскоре явился и сам царевич. Он был представлен верхушке крестоносцев и собственноручно подписал договор, заключенный

---

¹ P. Troop. Criticism of the crusade. (A study of public opinion and crusade propaganda). Amsterdam, 1940, p. 48.

ранее от его имени немецкими послами. После этого Алексей усердно занялся ...«подкупательными» операциями. Наличных денег при беглом наследнике не было. Поэтому он старался — и не без успеха — привлекать к себе предводителей «воинства христово» и рядовых рыцарей, одаривая их... в кредит. Щедрость царевича не могла не тронуть «сострадательных к его несчастью» баронов: графу Фландрскому он обещал, согласно известиям Эрнуля, 900 марок, граф Сен-Поль должен был получить 600 марок и т. д. Таких «обязательств» Алексей выдал на изрядные суммы.

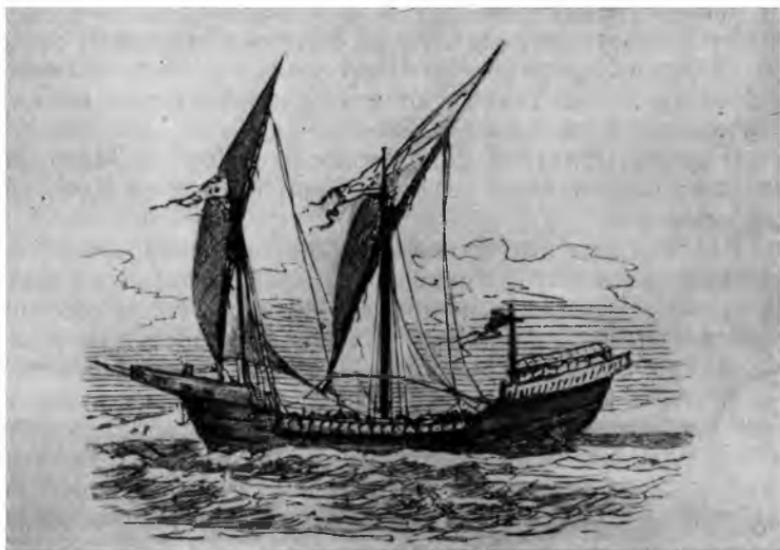
В конце мая 1203 г. крестоносцы обогнули Пелопоннес и от острова Андрос взяли направление на Константинополь.

Крестоносцы имели перед собой теперь сравнительно слабого противника. Трудовое население Византии было разорено возраставшими податями, лихоимством сборщиков, бесконечными войнами. Доходы государства неуклонно падали. Засилье итальянских колонистов с их привилегиями вело к оскудению собственно греческой торговли (это было особенно заметно в Константинополе), являвшейся важным источником пополнения казны. Высшие сановники без стеснения запускали руки в государственный карман, опустошая и без того скудевшую сокровищницу царей. Все это неизбежно влекло за собой и ослабление военной мощи Византии. Византийцы привыкли прибегать к услугам венецианского флота, а своего к началу XIII в. почти не имели. Никита Хониат рассказывает, что бывший в то время начальником флота Михаил Стрифна, родственник Алексея III, «имел обычай превращать в золото не только рули и якоря, но даже паруса и весла и лишил греческий флот больших кораблей». Сухопутные силы Византии также были малочисленны. Когда до бездеятельного Алексея III дошли известия о том, что латиняне взяли Задар, он ограничился лишь приказанием «поправить 20 сгнивших судов, проточенных червями».

Государственная машина империи с конца XII в. находилась в полнейшем расстройстве — и это в обстановке напряженной социальной борьбы внутри страны, в центре и на периферии, непрекращавшихся раздоров между различными группами чиновной и землевладельческой знати, новых и новых территориальных потерь в Европе и на

Востоке. Империя фактически распалась на полунезависимые феодальные владения.

Овладение этими развалинами некогда могущественного государства не представляло особенно больших трудностей для крестоносцев. Правда, их было немного — ка-

Корабль XIII в.

ких-нибудь 30 тысяч воинов, но, по сути дела, Константинополь мог рассчитывать лишь на свои довольно ветхие укрепления.

В конце июня 1203 г. венецианский флот, снабженный стрелометательными и камнеметательными механизмами и другими осадными орудиями, показался перед Константинополем. Корабли крестоносцев прорвали железную цепь, которой Алексей III приказал преградить вход в бухту Золотого Рога¹, и, уничтожив византийские корабли, в начале июля вошли в залив — главный стратегиче-

---

¹ Золотой Рог — глубоко вдающийся в сушу залив, почти разделяющий Константинополь надвое.

ский центр обороны города. Сухопутные отряды крестоносцев высадились с кораблей в Галате и атаковали укрепления византийской столицы, оборонявшиеся наспех собранным войском. Осада длилась две недели. Наряду с греческими войсками и наемниками из англичан, датчан и др. в защите Константинополя приняли энергичное участие пизанские колонисты — соперники венецианцев. Отразить натиск крестоносцев не удалось, и Алексей III, захватив коронные ценности, скрылся из столицы. На следующий день, 18 июля 1203 г., слепой Исаак II Ангел был освобожден из заключения и вновь провозглашен императором. В Константинополе рассчитывали таким образом избежать нашествия варваров-франков. Действительно, крестоносцам теперь, казалось, не к чему было продолжать осаду: ведь они же как будто только и добивались возведения на престол «законного» правителя! Но дело осложнилось тем, что этот «законный» правитель должен был заплатить рыцарям за оказанные ему услуги; казна же Исаака II Ангела была пуста, и поэтому он не сразу пошел навстречу своим «защитникам» в денежных вопросах.

Через несколько дней после провозглашения Исаака II императором царевич Алексей в сопровождении крестоносных князей въехал в город. 1 августа он был избран соправителем отца под именем Алексея IV и только тогда уговорил Исаака подтвердить обязательства, принятые в феврале 1203 г. под Задаром. После этого крестоносцы прекратили военные действия.

Но... Ангелам нечем было расплачиваться с «восстановителями справедливости». Половину обещанного вознаграждения — 100 тысяч марок — цари сумели собрать путем конфискаций, вымогательств, введения новых налогов и других экстраординарных мер. Однако эти меры вызвали все большее возмущение в столице, раздувавшееся духовенством. Между тем, рыцарям, равно как и венецианцам, не терпелось получить и остальные «причитавшиеся» им деньги. Не видя прока от обоих Ангелов, латиняне стали сами изыскивать способы удовлетворения своей алчности. Христолюбивые воины, при молчаливом согласии бессильных византийских государей, начали обирать богатейшие церкви Константинополя. В конце августа банда крестоносцев подожгла одну мусульманскую

мечеть; огонь распространился, и пожар уничтожил чуть ли не половину города. Греки, уже раньше раздраженные политикой отца и сына Ангелов, «продавшихся» латинянам, заволновались, по выражению Никиты Хониата, «как безграничное и вольное море при сильном ветре, угрожая бунтом». В городе участились столкновения между местным населением и иностранцами-латинянами. Трон восстановленных рыцарями самодержцев зашатался. В конце концов Алексей IV вынужден был открыто заявить вождям крестоносцев, что отказывается выполнить условия Задарского соглашения. Более того: было прекращено снабжение крестоносцев продовольствием. По рассказу Робера де Клари, разгневанный Дандоло заявил Алексею IV, что, подобно тому, как крестоносцы «выташили его из грязи», они и «снова втолкнут его в грязь». Таким образом, князья фактически объявили войну своим вчерашним царственным «союзникам», которые не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Было заявлено, что «воинам христовым» не остается ничего другого, кроме как самим добиваться своих «прав».

Вожди крестоносцев торопились с развязкой. Но ремесленники и беднота столицы не остались безучастными свидетелями событий. В последних числах января 1204 г. в Константинополе вспыхнуло мощное народное восстание против Алексея IV — «про зажжение градное и пограбление монастырское», как говорит о причинах восстания русский очевидец событий в своей повести «О взятии Царьграда от фряг»¹. «Чернь» выдвинула своего ставленника на престол — простого воина Николу Канаву, который без патриарха, по воле народа, был коронован в Софийском храме. Императоры, отсиживавшиеся за стенами Влахернского дворца, попробовали в последний момент спасти свой престол с помощью испытанных «друзей», т. е. крестоносцев. Они обратились к «сиятельным» князьям с просьбой ввести свои отряды в город для наведения порядка. Об этом стало известно грекам. Возмущение вспыхнуло с новой силой. Знать, еще недавно поддерживавшая Ангелов, убоялась «введения фряг»: Исаак и Алексей IV были свергнуты (первый вскоре умер). Бразды правления захватил честолюбивый сановник Алексей

---

¹ Фрягами на Руси называли венецианцев.

Дука, по прозвищу Мурзуфл («насупленный» — у него всегда были нахмурены брови, объясняет Никита Хониат). Аристократия посадила его на престол, надеясь, что этот энергичный царедворец сумеет организовать вооруженное сопротивление латинянам.

Мурзуфл на первых порах попробовал войти в доверие к константинопольской бедноте. Он объявил себя ее приверженцем и предложил Николе Канаве разделить с ним власть. Но народ не поддался на демагогию Мурзуфла. В этот момент зажиточные горожане, которым принадлежала руководящая роль в константинопольском восстании, изменили «черни». Воспользовавшись растерянностью среди восставшей бедноты, Мурзуфл арестовал Николу Канаву. Еще раньше был схвачен Алексей IV. Оба, по приказу новоиспеченного императора Алексея V (так стал именоваться Мурзуфл), были задушены в тюрьме. Алексей принял меры к восстановлению укреплений Константинополя, а латинянам было предписано в недельный срок покинуть греческую землю.

Но показная решительность Мурзуфла не могла скрыть действительного бессилия государственной власти. В верхах не прекращались раздоры. Денег не было. Наемники, давно не получавшие платы, не выказывали большой охоты к сражениям. Крестоносцы, еще в 1203 г. имевшие случай убедиться в малой боеспособности константинопольского гарнизона, повели приготовления к новой осаде греческой столицы. Они спешили «взять свое».

Вид огромного богатого города, раскинувшегося перед ними, с новой силой возбудил хищнические инстинкты западных рыцарей. «Они,— пишет Виллардуэн,— никогда не представляли себе, что на свете может существовать такой город». За несколько недель до последнего штурма Константинополя, в марте 1204 г., Энрико Дандоло, Бонифаций Монферратский и другие предводители крестоносцев подписали договор о разделе византийского «наследства», которое они уже видели в своих руках. В этом документе были чрезвычайно детально разработаны условия дележа будущей добычи — движимого имущества, земель и власти — в том новом государстве, которое западные сеньеры решили основать на месте Византии. Венецианцы позаботились прежде всего о том, чтобы приумножить свои старые торговые привилегии и обеспечить себе

львиную долю — три четверти всей добычи; остальные крестоносцы должны были, по договору, довольствоваться одной четвертью. Мартовский договор 1204 г. предусматривал также, каким образом, кто и в какой степени будет участвовать в организации управления, кто какую долю получит во власти, как будет поделена территория Византии. Было постановлено после завоевания Константинополя дать новому государству выборного императора. Право выбора получала комиссия из 12 человек: по шести от венецианцев и крестоносцев. Венецианцы не хотели принимать на себя обременительную честь занятия императорского трона. Их вполне устраивало руководство достаточно прибыльным церковным управлением; поэтому, по требованию Дандоло, в договор было внесено условие, что та сторона, из среды которой не будет избран император, получит пост римско-католического патриарха. Все сеньеры должны принести новому императору присягу, за исключением ...дожа. Что касается раздела территориальных прав, то, согласно договору, император получал одну четверть территории империи, остальные три четверти должны были разделить между собой пополам венецианцы и крестоносцы (по три восьмых тем и другим)¹. Таким образом, венецианцы, по словам Маркса, предоставили крестоносным остолопам пустой императорский титул и бремя власти, которую невозможно было реализовать, для себя же удержали «действительные выгоды предприятия»².

Мартовский договор был ярким выражением завоевательных планов западных феодальных захватчиков: планы эти полностью оформились лишь теперь, в процессе развертывания событий. Заключая этот договор, вожди крестоносного предприятия открыто продемонстрировали циничное пренебрежение к официальной программе крестового похода. Они более не скрывали своих намерений силой завладеть Константинополем.

Вскоре после завершения «дипломатической подготовки» к созданию еще одного государства крестоносцев были закончены и военные приготовления к решительной

---

¹ Н. П. Соколов. Венецианская доля в византийском «наследстве», стр. 162 и сл.

² К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 199.

схватке с греками, приведены в готовность осадные машины, штурмовые лестницы и прочие приспособления.

Первая попытка штурмовать Константинополь, предпринятая 9 апреля 1204 г., была отбита византийцами.

Крестоносцы врываются в горящий Константинополь.

С гравюры по рис. Доре.

Град стрел и камней обрушился на крестоносцев со стен города. Виллардуэн хвастливо заявлял в своем «Завоевании Константинополя», что крестоносные рыцари за все время осады потеряли будто бы лишь одного воина. На

самом деле они несли серьезные потери. 9 апреля только при попытке захватить одну из башен было убито, как свидетельствует русский очевидец, около «100 мужей». Вторичный штурм, произведенный через три дня, принес победу рыцарям. 12 апреля при помощи перекидного моста один отряд взобрался на укрепления; другие воины взломали городские ворота. Крестоносцы ворвались в город, заставив отступить войска Мурзуфла (сам он бежал). «Восстановители справедливости» снова подожгли город. На следующий день, т. е. 13 апреля 1204 г., Константинополь полностью перешел в руки крестоносцев.

Этот захват получил санкцию католической церкви. Накануне решительного штурма Константинополя епископы и прочие представители католического духовенства в крестоносной армии усердно отпускали «грехи» участникам предстоящего сражения, укрепляли веру в то, что свладение православной столицей — это «правое» и «богоугодное» дело. Об этом говорят и Робер де Клари и сам Виллардуэн. Маршал Шампанский подробно рассказывает, какие речи держали представители духовенства на последнем совете вождей, созванном незадолго до решительного приступа. «Епископы и все духовенство, — пишет французский историк, обычно очень сдержанный во всем, что касается позиции римской курии, — все, кто подчинялся распоряжениям папы, были согласны в том, — и сказали это баронам и пилигримам, — что совершившие подобное убийство (Алексея IV. — М. З.) не имеют права владеть землей». «Поэтому мы говорим вам, — заявили, по словам Виллардуэна, священнослужителя, — что битва является справедливой и оправданной. И если у вас есть доброе намерение овладеть землей и подчинить ее Риму, вы получите прощение, обещанное папой». «И знайте, — добавляет историк, обращаясь к читателям, — что эти увещания явились большой поддержкой как баронам, так и рыцарям».

Озлобленные долгим ожиданием добычи и ободренные своими духовными пастырями, рыцари, захватив Константинополь, набросились на дворцы, храмы, купеческие склады, грабя дома, разрушая бесценные памятники искусства, предавая огню все, что попадалось на пути. Буйное неистовство «воинов христовых», грабежи, убийства, изнасилование женщин, пьяные вакханалии победителей, пожары

продолжались три дня. «Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди»,— писал впоследствии византийский сенатор Никита Хониат, приступая к рассказу о грабительских «подвигах» рыцарей креста. Алчность их поистине не знала границ. Знатные бароны и венецианские купцы, рыцари и оруженосцы словно состязались друг с другом в разгроме византийской столицы и грабеже ее богатств. Они не давали пощады никому, говорит Никита Хониат, и ничего не оставляли тем, у кого что-нибудь было. Даже сарацины, по его словам, были более милосердны. «И это правда»,— комментирует слова Никиты Хониата английский историк Рэнсимен¹. Жадных рук освободителей «гроба господня» не избежали ни церкви, ни предметы религиозного почитания, которые в них находились. Дочиста был ограблен, в частности, «главный храм» — Софии: отсюда, по свидетельству Никиты Хониата, были вывезены «священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото». В азарте крестоносные ревнители веры вводили в церкви мулов и лошадей, чтобы увезти награбленное добро.

От погромщиков, закованных в рыцарские латы, не отставали богобоязненные грабители в сутанах. Католические попы, подоткнув рясы для быстроты передвижения, в общей сумятице рыскали по городу,— они были заняты поисками «священных» константинопольских реликвий. Сохранились имена некоторых из этих наиболее усердных слуг господних, без зазрения совести и словно в какой-то лихорадке предававшихся «благочестивому воровству»; назовем хотя бы аббата Мартина Линцкого, который, присоединившись к банде рыцарей, совместно с ними разграбил знаменитый константинопольский монастырь Пандократора². По словам эльзасского хрониста Гунтера Перисского, который подробно повествует о его достолавных деяниях в своей «Константинопольской истории», этот аббат действовал с величайшей жадностью: хватал «обеими руками». Впрочем, он был далеко не единственной духовной персоной из тех, которые целиком посвящали себя стяжательским подвигам в Константинополе.

---

¹ St. Runciman. Ук. соч., т. III, стр. 123.

² Cp. A. Frolov. Ук. соч. «*Revue de l'histoire des religions*», т. CXLVI, № 2, 1954, стр. 202—203.

Хронисты передают, что когда немецкий епископ Конрад Гальберштадтский в 1205 г. вернулся в свою Тюрингию, перед ним везли телегу, доверху нагруженную константинопольскими реликвиями¹. Позже католические прелаты сами подробнейшим образом описали, что именно из «священных предметов» они взяли в Константинополе. Описание эти в 70-х годах прошлого столетия были собраны П. Рианом и составили целую книгу, названную французским ученым «Священная константинопольская добыча»².

Страшные грабежи, учиненные в полыхавшем Константинополе, засвидетельствованы не только греком Никитой Хониатом, который сам пострадал от латинского разгрома. Если даже согласиться с мнением историков, полагающих, что византийский писатель неизбежно стучал краски, рассказывая о буйстве и «непотребстве» западных рыцарей, то сохранилось множество известий других, не-греческих авторов, рисующих в самом неприглядном виде дела, которые творили «воины христовы» в восточной столице.

О грабежах доблестных воинов креста красноречиво пишет француз Виллардуэн. В отличие от Никиты Хониата, горько и гневно изобличавшего насилия латинян, маршал Шампанский явно замалчивает или смягчает бесчинства своих соратников³. При этом, однако, он не может не выразить своего восхищения огромной добычей, взятой в Константинополе: она была настолько велика, что ее «не могли сосчитать»; добыча эта заключала в себе «зо-

---

¹ K. Burdach. Walter von der Vogelweide und der vierte Kreuzzug. «Hist. Zeitschr.», Bd. 145, München — Berlin, 1931, S. 40.

² P. Ri ant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae. Genevae, 1877.

³ Из всех дошедших до нас описаний разгрома Константинополя крестоносцами относительно наиболее беспристрастным является то, которое сохранилось в русской летописной повести «О взятии Царьграда от фряг». Автор ее, сам проживавший в то время в Константинополе, излагает виденное им самим и слышанное от очевидцев и участников событий. Ценность его свидетельств снижается, однако, тем, что автор повести все свое внимание сосредоточил на описании «надругательства» крестоносцев над религиозными святынями и их разграбления. Впрочем, нужно воздать должное широте взглядов этого писателя: он сокрушался по поводу «святотатств» рыцарей не только как православный христианин, но и как человек, глубоко сожалевший о гибели замечательных памятников архитектуры византийской столицы: «церкви в граде и вне града пограбиша все, — писал автор повести, — им же не можем числа, ни красоты их сказати».

лото, серебро, драгоценные камни, золотые и серебряные сосуды, шелковые одежды, меха и все, что есть прекрасного в этом мире». В сходных выражениях говорит об этом и Робер де Кларе, в восторге заявляющий, что здесь были собраны «две трети земных богатств». Наконец, сохранилось и такое авторитетное свидетельство бесчинств крестоносцев, как письмо самого папы. Иннокентий III не без основания опасался, что насилие его воинства в Константинополе создадут препятствия для «унии», что греки будут «вправе относиться к ним с отвращением, как к собакам». Поэтому он на первых порах выразил свое возмущение разбоями крестоносцев, которые, по его признанию, «предпочли земные блага небесным» и потому устремились «не на завоевание Иерусалима, а на завоевание Константинополя», где обобрали «малых и великих».

Добыча рыцарей, которых вожди заставили снести захваченное добро в специально отведенные для этого помещения, была поистине колоссальна. Виллардуэн передает, что венецианские люди «денежного мешка» якобы предложили крестоносцам только за их долю в добыче 400 тысяч марок, но предложение это было сочтено невыгодным и отвергнуто.

Легко понять, какой огромный материальный ущерб,— не говоря уже об остальном,— был нанесен крестоносными разбойниками Константинополю. Для полноты картины нужно добавить еще, что в огне пожаров и в разрушительных оргиях погибли замечательные произведения античных художников и скульпторов, многие сотни лет сохранявшиеся в Константинополе. Ведь варвары-крестоносцы, конечно, ничего не смыслили в искусстве. Если они и умели «ценить» что-либо, то только металл. Мрамор, дерево, кость, из которых некогда были изготовлены скульптурные и архитектурные памятники, подвергались полному уничтожению. Впрочем, и металл тоже получал у них своеобразную «оценку». При дележе добычи, для того, чтобы удобнее было определить ее стоимость, крестоносцы превратили в слитки большое количество расхищенных художественных изделий из металла. Сравнительно немногое уцелело и было вывезено (главным образом венецианцами) в Европу для украшения дворцов, храмов и пр. Так, Дандоло приказал сохранить и отослал в Венецию знаменитую скульптурную группу греческого худож-

ника (времен Александра Македонского) Лисиппа — бронзовую с позолотой четверку лошадей, стоявшую на Константинопольском ипподроме. Эта «квадрига» и до сих пор украшает венецианский собор св. Марка. Не только памятники искусства были истреблены латинской солдатчиной. В пепел были превращены богатейшие константинопольские библиотеки. Что значили для «защитников цивилизации» сокровищницы рукописей? Даже некоторым, наиболее совестливым, из современников на Западе константинопольский погром, произведенный под знаком креста, казался безбожным делом; так расценивал, например, события 1204 г. генуэзский хронист Ожеро Пана в своих «Анналах».

Массовое уничтожение веками накопленных культурных ценностей, совершенное западными рыцарями и церковниками, без сомнения, нанесло серьезный ущерб европейской цивилизации¹. Это признают не только советские, но и буржуазные историки, старые и новые. Известный английский византист Ст. Рэнсимен, например, решительно заявляет, что «никогда ранее не было совершенно большего преступления против человечества, чем четвертый крестовый поход»². В известной мере этому суждению нельзя отказать в справедливости³.

Между прочим, заслуживает внимания то обстоятельство, что Иннокентий III, пожуриив для проформы захватчиков за совершенное ими «уклонение с пути», в скором времени отбросил в сторону свои в большой дозе сдобренные ханжеством протесты против злодеяний крестоносцев. Он объявил падение Константинополя «чудом божьим» и умилится по поводу того, что империя греков «справедливым божеским судом перешла к латинянам». Папа подыскал оправдание для рыцарей: грабеж Константинополя — небесное возмездие за отступничество византийцев

---

¹ Ср. М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 229.

² St. Runciman. Ук. соч., т. III, стр. 130.

³ Ст. Рэнсимен оценивает четвертый крестовый поход и как «гигантскую политическую глупость» (там же), поскольку, по его мнению, уничтожение Византии пагубно сказалось на судьбе крестоносных государств в Сирии и Палестине, лишившихся помощи, которую Византия прежде могла им оказывать. Мы уже показали выше, что вожди крестоносцев менее всего были озабочены судьбами «святой земли»; поэтому говорить об их «политическом безумии» просто невозможно.

от католической веры! Примерно так же расценивали захват Константинополя и большинство католических церковников. Хронист Оттон Сен-Блазиенский откровенно писал, что, справедливо отомстив византийцам, бог проявил к ним милость: он отдал Константинополь все же не «неверным», а христианам!

Папа потребовал своей доли в разделе империи: «Мы желаем, чтобы константинопольская церковь вашими стараниями возвратилась к преданному почитанию апостольского престола» — писал он вождям крестоносцев, торопя их с подчинением греческой церкви Риму. Папа требовал «заслуженной платы»: ведь он был одним из главных вершителей своеобразных судеб четвертого крестового похода. Именно поэтому он, по меткому выражению К. Маркса, «выразив для приличия свое негодование, дает в конце концов отпущение этому скотству и гнусностям «пилигримов»»¹.

Таковы основные события четвертого крестового похода. Совершенно ясно, что захват и грабеж Константинополя крестоносцами в 1204 г. полностью дискредитируют крестовые походы как якобы религиозные предприятия. Вся история четвертого крестового похода — это история откровенного попрания его вдохновителями, вождями и участниками провозглашенных ими религиозных целей. Единственным побудительным мотивом этой крестово-экспедиции западных феодалов был захват земель и богатств. Таким образом, события 1202—1204 гг. целиком уничтожают ореол святости и благочестия, которым католическая церковь вплоть до наших дней старается окружить крестовые походы.

Образование Латинской империи

Ближайшим результатом четвертого крестового похода было создание нового франкского государства — Латинской империи. Столковавшись между собой еще до взятия Константинополя, крестоносцы и венецианцы, овладев городом, принялись проводить в жизнь свои намерения. Прежде всего, они избрали императора «Романии»

---

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 198.

(так называли крестоносцы бывшую Византию); императорский трон достался графу Балдуину IX Фландрскому. Дело не обошлось без осложнений, так как претендентом на престол выступил, конечно, главный предводитель феодальных захватчиков — Бонифаций Монферратский. Венецианцам не улыбалось видеть правителем новой империи властного североитальянского князя, и они сумели забаллотировать его кандидатуру. Балдуин Фландрский, как сеньер более отдаленных от Венеции европейских земель, был менее опасным для патрицианской республики.

Выборы происходили 9 мая 1204 г.— дата, с которой формально начала свое существование Латинская империя.

Затем, в соответствии с условиями мартовского договора 1204 г., венецианцы провели на должность константинопольского патриарха своего соотечественника иподиакона Томаса Морозини. В это время он находился еще в Венеции; его избрали заочно. Морозини был первым католическим патриархом Константинополя.

Казалось, можно было надеяться, что теперь папство — на пороге исполнения своих чаяний, что переход греческой церкви под власть апостольского престола — лишь дело времени.

«Новый Константин», как напыщенно стал величать себя Балдуин Фландрский, поспешил доложить папе о геройских подвигах, которые крестоносцы совершили в честь римской церкви и для освобождения «святой земли», и даже пригласил Иннокентия III приехать в «Новый Рим»: пусть папа созовет там вселенский собор, возьмет восточную церковь под свое покровительство, пусть он лично благословит христово воинство на дальнейшие ратные дела.

Иннокентий III снял отлучение с венецианцев. Новая империя была принята под его высокое покровительство: папа предписал всем христианам защищать ее, оказывать всяческое содействие Балдуину. Но в Константинополь Иннокентий III не поехал. Он понимал, что хотя там и сидят «верные сыновья» римской церкви, но добыть силой ключ от византийского Востока — Константинополь — еще не значит положить весь этот Восток к своим стопам. Действительно, Латинская империя родилась в крови и огне, однако, ее пределы пока что ограничивались одной

столицей. Победа над греками в Константинополе была лишь началом длительной и нелегкой войны за византийские земли. Именно поэтому «новый Константин» и стремился заслужить благоволение римского первосвященника: для дальнейших завоеваний в Византии нужны были силы, и чтобы заполучить необходимые резервы, имело смысл заручиться поддержкой апостольского престола.

Уже первые шаги завоевателей по овладению Византией ознаменовались открытыми столкновениями между ними. Повторилась старая история: дело шло более или менее гладко, пока крестоносцев объединяли общие захватнические цели, но когда они вплотную подошли к разделу добычи, это единство тотчас заколебалось. Летом 1204 г. Балдуин предпринял поход в Македонию и захватил Фессалоники, которые до этого стремился выговорить в свою пользу Бонифаций Монферратский.

Честолюбивый маркиз не оставил своих намерений стать властелином и в Константинополе. После водворения на престоле Балдуина Бонифаций сочетался браком со вдовой Исаака Ангела Маргаритой Венгерской. Этот шаг также не мог не показаться подозрительным латинскому императору: не исключена была возможность, что Константинополь когда-нибудь будет поставлен под удар Бонифация и венгров! В ответ на захват Фессалоник Балдуином, Бонифаций, в свою очередь, выступил походом на Адрианополь, близ которого уже расположились рыцарские отряды императора. Оба «защитника веры» и их рыцари (у одного главным образом ломбардцы и немцы, у другого — французы и фламандцы) готовы были схватиться друг с другом. С большим трудом Дандоло, Виллардуэну и Луи Блуаскому удалось приостановить назревавший разрыв. В августе 1204 г. состоялась сделка Бонифация с Дандоло, по которой, между прочим, дож согласился на переход к маркизу Фессалоник.

Во избежание новых конфликтов вожди крестоносцев решили сделать то, что не было доведено до конца в марте 1204 г.: конкретно определить, какие земли кому достанутся после того, как они на деле перейдут под власть завоевателей. Такой дележ шкуры еще не убитого медведя был произведен в конце сентября 1204 г., причем венецианцы, по словам Маркса, «немилосердно надули» крестоносных болванов, «которые вместе со своими неот-

санными князьями были всего лишь орудием в руках этих торгашей»¹.

После этого крестоносные феодалы вкупе с венецианцами начали систематически реализовывать свои приобретенные таким оригинальным способом «территориальные права» на земли Балканского полуострова, островной мир Греции, провинции Малой Азии. Ни о каком «крестовом походе» никто более не помышлял. Сеньеры и рыцари приступили к новым земельным захватам. Им уже наскучило довольствоваться пустыми, хотя и пышными титулами графов и герцогов Афинских, Адрианопольских, Никейских, Филиппопольских и пр., — титулами, на раздачу которых не скупился император Балдуин. Пока за этими титулами реально не стояло ничего, кроме алчных надежд на то, что их обладатели вскоре действительно получат поместья и города, соответствующие их новым рангам. Впрочем, рыцари и в ожидании «заслуженного» покоя от своих «славных дел» не теряли времени: они проигрывали и выигрывали свои будущие имения и крепостных в кости, не сомневаясь, что теперь-то уж новые ленные владения за ними обеспечены.

Итак, с осени 1204 г. развернулись военные действия — сперва в Греции; несколько позже они перекинулись в Малую Азию. «Новый Константин» завоевал большую часть фракийских земель. Бонифаций подчинил своей власти Фессалию в Северной Греции, Аттику и Беотию — в Средней и часть Пелопоннеса — на юге полуострова. Ему же достался и крупный македонский город Фессалоники с прилегающей областью — предмет давнишних воцелений маркизов Монферратских. Так было образовано сравнительно обширное Фессалоникийское королевство, где стали хозяйничать ломбардские феодалы во главе с «королем» Бонифацием.

Другие сеньеры, покрупнее и помельче, также добыли свою «долю» в захваченных греческих землях. В Пелопоннесе было образовано княжество Ахейское (Ахейский принципат), подвассальное Бонифацию; здесь утвердилась фамилия Виллардуэнов, и ахейские князья сделались наиболее сильными из феодалов Латинской империи. Остров Эвбею захватил также вассал Бонифация — Жак д'Авсье

---

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 197.

(впрочем, этот остров вскоре перешел к венецианцам). Правда, далеко не все носители новых громких титулов устроились в «отведенных» им местах: многие рыцари так и остались только при своих званиях, так как земли, на которые они имели «право», никогда не были ими завоеваны (это относится к большей части владений в Малой Азии и на островах Эгейского моря).

Больше всех других получили в результате завоеваний и различных сделок предприимчивые венецианцы¹. Представители Венеции уже при составлении «проекта» раздела византийских владений осенью 1204 г. воспользовались невежеством «крестоносных остолопов» в географии и постарались обеспечить республике св. Марка максимальные выгоды. Венецианцы хорошо знали, какие земли, города и гавани Византии представляют наибольшую ценность! И хотя на практике венецианцам также удалось прибрать к своим рукам далеко не все из того, на что они метили, однако и те территории и права, которые им достались, по своему значению не имели себе равных. В самом Константинополе в распоряжении Венеции оказались главнейшие причалы на побережье Босфора и Золотого Рога. Во Фракии она полностью овладела Адрианополем, на берегу Мраморного моря (Пропонтиды) — большим количеством приморских пунктов (Родосто, Гераклея, Галлиполи и др.), которые не только гарантировали венецианцам безраздельное владычество в Пропонтиде, но и давали им контроль над доступом в Черное море. Венеция протянула свои щупальцы и в Пелопоннес, захватив в его юго-западной части два портовых города — Корону и Модону. Здесь были построены сильные приморские крепости; сенат республики назвал их «главными глазами коммуны Венеции», так как из них можно было отлично следить за морским торгом Востока и Запада, сосредоточившимся в этой части Средиземноморья, и регулировать его в интересах венецианцев. Венецианская знать (нобилы) и купцы завладели многими островами в Эгейском море (Андрос, Лемнос, Наксос, Парос, Кос и др.). Особенно важным приобретением Венеции был остров Крит, права на который Венеция еще в августе 1204 г. купила

¹ См. подробно у Н. П. Соколова, Венецианская доля в византийском «наследстве». «Византийский временник», т. VI. М., 1953, стр. 174 и сл.

за 1000 марок серебром у Бонифация Монферратского. Крит славился плодородием; он имел очень удобную стоянку для судов, а главное — отсюда было весьма легко держать под наблюдением морскую дорогу, ведущую с Запада в Сирию и Палестину, в Египет и Константинополь. За Крит венецианцам, однако, пришлось воевать со своими торговыми соперниками — генуэзцами. Кроме земель и гаваней, которые в ближайшие годы перешли к Венеции, венецианцы получили возможность (и энергично использовали ее) повсюду в городах Латинской империи основывать свои фактории. Некоторые ученые полагают, что фактически Латинская империя стала венецианской «колонией», а другие утверждают даже, что в результате четвертого крестового похода образовались две империи — Латинская и Венецианская. Венецианские дожи, начиная с Энрико Дандоло, присвоили себе титул «повелителя четверти и полчетверти Византийской империи»; этот титул, впрочем, не соответствовал действительной величине венецианских владений.

Каковы же были последствия всех этих приобретений латинских сеньеров и купцов с точки зрения политических интересов папства? Удалось ли осуществить главенство римской курии над восточной церковью? Иннокентий III, правда, делал вид, что его больше всего волнует участь Иерусалима: папа не переставал напоминать главарям латинских завоевателей о «гробе господнем», о том, что их основная задача — спасти его из рук «неверных», что крестовый поход должен быть продолжен. На самом деле помыслы апостольского престола отныне были устремлены к тому, чтобы, наконец, подчинить восточную церковь римским первосвященникам. Папа, по существу, так же мало был озабочен продолжением крестового похода, как и сами его участники — рыцари. На Западе отлично понимали, чего добивается апостольский престол, и кое-кто ставил в упрек Иннокентию III его «охлаждение» к делу спасения «святой земли». «Не перестают роптать,— писал в конце 1210 г. сам папа, чувствовавший, что его подлинные намерения не являются загадкой для современников,— будто бы по замыслу апостольского престола войска латинян свернули в Константинополь, дабы покорить его». Мы знаем, что это действительно так и было. Знаем и другое — то, что с середины 1204 г. главной

целью Иннокентия III стало распространение господства римско-католической церкви в бывших византийских областях, вошедших теперь в состав Латинской империи.

Иннокентий III не рискнул тотчас же прямо и открыто раскрыть свои карты, да он и не мог этого сделать. Папа утвердил Томаса Морозини константинопольским патриархом, но опереться на него в деле обращения греков в католическую веру было довольно трудно; этот венецианский священник принял сан латинского патриарха не для того, чтобы служить Риму: венецианцы рассчитывали иметь в его лице удобное орудие для проведения собственных политических планов.

Вот почему Иннокентий III начал с того, что в 1205 г. направил в Латинскую империю своего легата — кардинала Бенедикта, поручив ему убедить греков в превосходстве католической веры и в необходимости ее принятия. Явившись в Грецию, Бенедикт рьяно взялся за дело. Он организовал множество религиозных диспутов с греческим дуhovenством. Диспуты эти носили отвлеченный, богословский характер, но, тем не менее, они собирали немало слушателей. Как правило, на этих диспутах с папским легатом верх одерживали греческие церковнослужители. Отчасти это объяснялось тем, что они были «образованнее»; такие люди, как, например, афинский архиепископ Михаил Акоминат, брат знаменитого историка (Никиты Хониата), основательнее знали церковную литературу, чем римско-католический прелат и его помощники; они, следовательно, могли выдвигать более убедительные доводы в тех вопросах, по которым велись споры. Но главной причиной их «побед» на диспутах была не столько сила аргументов, сколько то, что на стороне православных священников находились симпатии слушателей — греков, присутствовавших во время споров; вследствие этого чисто богословские споры невольно приобретали злободневный политический оттенок. Ведь греки, начиная с апреля 1204 г., на собственном опыте убедились в «преимуществах» католицизма, представители которого ознаменовали свои первые шаги в Византии такими богоугодными актами, как разорение городов (жестокому разграблению наряду с Константинополем подверглись, в частности, Афины), сел, кровавые насилия над местным населением. Все это в глазах греков более красноречиво характеризо-

вало «достоинства» западной веры, чем схоластические рассуждения легата Бенедикта. Миссия папского посланца в целом провалилась. Лишь в некоторых местах католическим прелатам удавалось иногда добиться перехода к латинским богослужебным обрядам, но это случалось там, где на подмогу пастырским увещаниям приходил меч латинских рыцарей, т. е. подчинение греческой церкви и «обращение» греков осуществлялось не столько увещательными, сколько принудительными мерами. К таким мерам в более широком масштабе Иннокентий III решил прибегнуть несколько позднее, в 1213 г., когда из Рима был направлен в Грецию новый уполномоченный апостольского престола — кардинал-епископ Пелагий Альбинский (испанец). Так как с 1211 г. патриарший престол в Константинополе оставался свободным, то Пелагий получил обширные полномочия папского наместника в Латинской империи. Он-то и постарался в меру своих сил наглядными примерами убедить греков в превосходстве римско-католической религии. Аргументами в руках кардинала были, главным образом, цепи, в которые заковывали непокорных, бросая их в темницы, и смертная казнь — для наиболее строптивых¹. По отношению к духовенству папский наместник практиковал также весьма крутые меры: монахи изгонялись из монастырей, а церкви закрывались (вход в них опечатывался). Со своей стороны, и латинские сеньеры доказывали своим греческим подданным блага католической религии: графы и герцоги, а также тамплиеры и госпитальеры (и притом с особым старанием) немилосердно грабили соседние с их поместьями греческие монастыри, захватывали принадлежавшие последним земли.

Вот такими средствами папа и его воинство пытались обратить «схизматиков» в «правую веру». Эти средства имели не больший успех, чем увещательные диспуты. Греческое духовенство не хотело вступать в иерархическую систему римско-католической церкви, отвергало «унию». Рядовые священники часто предпочитали сложить с себя сан или уйти в изгнание, чем отдаться под власть римской курии. В результате этого Иннокентию III приходилось (как в Константинополе, так и в других местах — в Фессалониках, Афинах, на Крите) ставить на

¹ W. Norden. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, S. 213.

церковные должности католических пастырей из латинян, к которым, однако, греческие миряне не питали ни малейшего расположения.

Главная цель Иннокентия III — подчинение греческой церкви Риму — так и не была достигнута. Папа в конце концов согласился даже пойти на уступки «схизматикам» в вопросах обрядности: в 1215 г. Латеранский собор, по настоянию Иннокентия III, принял специальный «канон», в котором проводился принцип довольно широкой терпимости в отношении культовых обычаев греко-православной церкви. Но и это не помогло. Греческое население Латинской империи, включая и духовенство, отказывалось признавать папу своим духовным главой; репрессии, как и демагогические уловки курии, были бессильны изменить позицию греков в вопросе об «унии».

Причина этого заключалась совсем не в том, что греки, как полагают некоторые историки, были чрезмерно привязаны к своей вере. Конечно, религия в Византийской империи, как и в других средневековых странах, была огромной силой, и трудно было бы отрицать, что вековые традиции в религиозных делах играли свою роль. Однако существовал другой, гораздо более мощный, чем одни только традиции, источник, питавший сопротивление, которое оказывали греки притязаниям Рима. Этим источником было колоссальное возмущение народных масс латинскими порядками в целом. Оснований для этого возмущения, охватившего и горожан и крестьян, было более чем достаточно.

Разграбив города и захватив поместья в Греции, каждый из сеньеров, пишет Виллардуэн, «стал творить зло на своей земле, одни — больше, другие — меньше». Латинские рыцари беззастенчиво грабили и бедняков-крестьян, и ремесленников, и зажиточных людей, — в наживе ведь и заключалась их главная цель. Так вели себя и основатели Латинской империи и их ближайшие потомки. Итальянский хронист Марино Санудо рассказывает, что при дворе ахейского князя Жоффруа II Виллардуэна «постоянно жили 80 рыцарей в золотых шпорах, которым князь давал все, что они требовали, помимо их регулярного жалования. Поэтому к нему стекались рыцари из Франции, из Бургундии и, кроме того, из Шампани. Некоторые прибывали сюда поразвлечься (!?), другие —

оплатить свои долги, чтобы избежать кары за преступления, которые они совершили на родине».

Для греческого населения тех областей Византийской империи, которые подпали под власть западных сеньеров, утверждение чужеземцев имело самые губительные последствия. Правда, византийские крестьяне и раньше в основном были крепостными — париками¹, от притеснений же новых господ они стали страдать еще сильнее. Греческие землепашцы фактически были низведены франкскими сеньерами до рабского состояния. Об их положении можно судить на основании «Романских ассиз»: так называется сборник феодальных установлений, действовавший в одном из латинских княжеств — в Ахейском (или Морейском) принципате. Из этой феодальной «конституции» французских сеньеров, завладевших ленами в Пелопоннесе, видно, например, что крепостных крестьян латинские рыцари рассматривали как обычное имущество, своего рода принадлежность поместья, наравне со скотом и различным инвентарем. Любой рыцарь мог убить крепостного, кому бы он ни принадлежал; в «наказание» за это он только должен был предоставить сеньеру убитого крестьянина другого серва (в качестве замены). Полнейшее бесправие крепостного населения засвидетельствовано во многих статьях «Романских ассиз»; одни из них устанавливают, что судить крестьянина может только его сеньер; в других говорится о том, что крепостной не имеет права жениться или выдать замуж свою дочь без соизволения сеньера (злоупотребления этим правом, столь распространенные в средние века, легко себе представить!); в третьих указывается, что только сеньер наследует имущество своих крепостных; он может просто отобрать у

---

¹ Явно ошибаются те ученые, которые, как, например, Ж. Лоньон и П. Топлинг, полагают, что феодальные порядки якобы впервые были «введены» в Византии завоевателями-франками и что в этом будто бы состояла «заслуга» латинских крестоносцев. В XIII в. феодальный строй не был «новшеством» для греков, он существовал у них и до четвертого крестового похода, хотя и имел свои особенности. Именно поэтому завоеватели (путем безжалостного подавления местного населения) смогли установить в захваченных ими областях Византии систему феодальных отношений по западному образцу. См. Г. Острогорски. Пронија. Прилог историји феудализма у Византии и у јужнословенским земљама. Београд, 1951, стр. 36 и сл.

крестьянина все его достояние. Таким образом, латинские сеньеры, «ненасытные чревом», по выражению Никиты Хониата, в Греции совершенно распоясались.

Некоторые новейшие иностранные историки, в частности Ж. Лоньон и П. У. Топпинг, изображают дело таким образом, что создатели Латинской империи будто бы принесли с собой множество «благодеяний» для Греции: феодальные порядки, которые они установили на западный манер, служили якобы к выгоде земледельческого населения и обеспечивали «процветание страны»; вместо деспотического произвола византийского чиновничества, нещадно обиравшего крестьян, в Латинской империи введена была твердая феодальная законность, которая стояла, как утверждают эти ученые, на страже интересов греческих париков: теперь-де они «не были избираемы правителями, ни местными тиранами» и «могли целиком отдаваться своему труду, не опасаясь того, что плоды его будут захвачены, разграблены или сожжены»¹.

Все эти и подобные им рассуждения, восхваляющие «мудрую» политику франкских феодальных авантюристов, расписывающие «счастливую жизнь» греческого народа, познавшего под их владычеством «благодетельность» западнофеодальной системы, крайне далеки от истины. Даже сравнительно скудные сведения, которые можно почерпнуть из исторических памятников XIII в., отчетливо показывают, что византийское крестьянство в Латинской империи попало в тяжелейшую зависимость от западноевропейских (в основном французских) феодалов. Ни о каком «выигрыше» греческих париков «от перемены господ» (выражение Лоньона) говорить не приходится. Положение греческого крестьянства, как и вообще трудового населения, изменилось, — но только к худшему.

Вот почему греки с первых же шагов завоевателей-крестоносцев в своей стране воспылали лютой ненавистью к латинским насильникам: «греки начали испытывать к ним (латинским сеньерам.— М. З.) ненависть и затаили в сердцах своих злобу» — замечает Виллардуэн. Это признание, невольно вырвавшееся у маршала Шампанского, лучше всего показывает, какое искажение истории допускают историки, когда они, подобно Лоньону, стараются

---

¹ J. Longnon. Ук. соч., стр. 74, 209, 210 и др.

внушить своим читателям, что латинское завоевание византийских областей было некоей «мирной оккупацией»¹, что население Афин, Фив и других городов якобы оказывало латинянам исключительно благожелательный прием, что крестоносцы, куда бы они ни вступали, везде видели «согбенные фигуры крестьян и горожан, которые, низко кланяясь по византийскому обычаю, с крестом и иконами выходили навстречу новым господам, спеша изъявить им полную покорность»². Ничего такого не рассказывают современные событиям источники. Картина, которую они рисуют, очень далека от идиллии, созданной фантазией Лоньона.

Нет, греческие парики не «осознали», что их интересы совпадают с интересами франкских сеньеров, как думает Лоньон, и «мудрое правление» латинских феодалов не привело к «высокой степени сотрудничества и взаимной терпимости раз», как утверждает Топшинг,— как раз наоборот: с созданием Латинской империи греческое население вступило на путь упорного и мужественного сопротивления крестоносным феодалам.

Правда, были отдельные представители византийской знати, которые со временем нашли общий язык с пришлыми феодалами. Эти «рабские души», по выражению одного современника, «ради корыстолюбия стали врагами своей родины», изменниками, «которые ради обеспечения своей собственности поддались завоевателям вместо того, чтобы оставаться в вечной войне с латинянами».

Но греческое крестьянство и городские массы сразу же поднялись на борьбу против захватчиков. Вызывающее поведение иноземных и иноверных сеньеров, грабежи и насилия, которые чинили латиняне, предавая поруганию и высокомерно осмеивая традиции и обычаи греков (в том числе и религиозные),— все это восстановило против них самые широкие слои местного населения.

В то время, когда основные силы крестоносцев во главе с императором Балдуином и королем Бонифацием отправились в Малую Азию для водворения там новых герцогов и графов, и в балканских землях по городам были оставлены лишь небольшие гарнизоны,— по всей Греции стихийно развернулась партизанская война против нена-

¹ J. Longnon. Ук. соч., стр. 71.

² Там же, стр. 73.

вистных пришельцев. В марте 1205 г. латиняны изгнали из Адрианополя и других городов Фракии. Франкские гарнизоны повсюду подвергались беспощадному истреблению.

Эта стихийная война народного негодования получила поддержку извне. С одной стороны, после падения Константинополя в окраинных областях Византийской империи, уцелевших от франкского завоевания, образовались новые греческие государства. Это были: на западе Балканского полуострова — Эпирский деспотат (княжество), в Малой Азии — Никейская и Трапезунтская империи. Они стали очагами сопротивления и центрами новой государственной организации греков, наследниками Византии¹.

С другой стороны, прямую помощь фракийским грекам оказало Второе Болгарское царство. Правители молодого болгарского государства питали серьезные опасения насчет намерений латинских завоевателей на Балканах. Еще до захвата ими Константинополя болгарский царь Калоян (1197—1207) предлагал главарям крестоносцев союз против Византии, однако надменные латиняне, опьяненные победами, отвергли самую мысль о такого рода союзе. Они ответили заносчивым отказом и на вторичное предложение Калояна о союзе, сделанное уже после захвата Константинополя. Мало того: болгарским послам было заявлено, что они вообще не вправе разговаривать с латинянами, как равные с равными, а только, как ...слуги с господами. Раздавались прямые угрозы опустошить и обратить в развалины всю Мизию (Болгарию). Латинские сеньеры стремились подчинить своей власти все территории, когда-либо принадлежавшие Византии, включая и Болгарию. В их глазах болгарский царь являлся лишь одним из «мятежных» местных магнатов уничтоженной теперь Византии², и если византийские императоры не сумели с ним справиться, то теперь эту задачу надлежит выполнить им, «восприемникам» Византии.

При таких обстоятельствах болгарское правительство стало охотно предоставлять убежище знатным беглецам из Византии, принимало их к себе на службу, а когда во

---

¹ Б. Примов. Ук. соч., стр. 70.

² Там же, стр. 66 и сл.

фракийских областях весной 1205 г. разразилось всеобщее восстание против латинского гнета, войска болгарского царя вторглись во Фракию. Крестоносцам пришлось срочно вернуться из Малой Азии, где они безуспешно старались овладеть «назначенными» им провинциями, и поспешить в свои балканские владения, уплывавшие из рук. 15 апреля 1205 г. болгары и крестоносцы скрестили оружие в знаменитом сражении под Адрианополем; в этой битве закованные в броню крестоносцы потерпели жесточайшее поражение от легкой болгарской конницы, потеряв лучшие силы своего войска: пало несколько сот одних только рыцарей, и сам латинский император Балдуин попал в плен. Крестоносцы были ослаблены и совершенно деморализованы этим неожиданным для них разгромом.

Болгария не сумела полностью воспользоваться плодами победы: этому помешали междоусобицы среди правящей верхушки Второго Болгарского царства и последовавший вскоре распад союза с греками¹. Но Латинской империи был нанесен чувствительный удар: в 1205 г. восставшие греки в союзе с болгарским царем едва не положили конец латинскому владычеству на севере Балканского полуострова².

На основе изложенного читателю должно быть ясно, почему греческое население так решительно отвергало «унию» с Римом: новая, католическая церковь в глазах греков была церковью ненавистных поработителей — латинских господ. В лице католических прелатов греки возненавидели не столько притеснителей «православной веры», — дело было, в конце концов, не в этом: католицизм и «уния» были отвергнуты как орудие латинских насильников.

---

¹ Б. Примов. Болгары, гърци и латинци в Пловдив през 1204—1205 гг. Ролята на богомилите. «Известия на Българското историческо дружество», кн. XXII—XXIII, София, 1948.

² Значение событий 1205 г. заключалось еще и в том, что в результате разгрома латинян в Адрианополе утрачила свои позиции только что возникшая в Малой Азии Никейская империя. Правда, в правление преемника Балдуина, его брата Генриха (1206—1216), крестоносцам удалось вернуть земли, потерянные в Греции, в том числе и Адрианополь. С Болгарией Латинская империя в дальнейшем вынуждена была не раз вступать в борьбу. Между прочим, в 1207 г. в одном из сражений с болгарами погиб Бонифаций Монферратский.

Таким образом, теократические планы Иннокентия III в Византии потерпели крах; этот ловкий дипломат и хитроумный политик не принял во внимание главного: волю народных масс Латинской империи.

Однако первые «успехи» крестоносцев разожгли аппетиты Иннокентия III. Он попытался использовать обстановку, сложившуюся в результате захвата Константинополя, для того, чтобы утвердить владычество католической церкви в странах, соседних с уничтоженной Византией или исторически связанных с ней. Некоторые результаты были достигнуты лишь в Болгарии. В ноябре 1204 г. Иннокентий III через своего легата пожаловал Калояну королевский титул, а болгарского архиепископа Василия Тырновского «посвятил» в «примасы» Болгарии¹. Папа рассчитывал превратить Болгарию в своего вассала, оторвав болгарскую церковь от греческой. Были начаты переговоры и с сербским духовенством.

Самый удивительный, однако, и в то же время очень характерный для властолюбивого Иннокентия III политический акт был предпринят спустя несколько лет: папа возымел намерение обратить в католицизм далекую Русь.

В октябре 1207 г. Иннокентий III обратился с посланием «ко всему духовенству и мирянам русским» и потребовал подчинения русской церкви Риму. Папа сослался на то, что греческая церковь якобы уже подчинилась апостольскому престолу: «не бессмысленным ли кажется, чтобы часть не совпадала с целым и отдельно противостояла целому?» Иннокентий III прибег и к угрозам: он напомнил об участи греков, которой Русь может избежать, «своевременно» перейдя в католицизм. Конечно, притязания папства были беспочвенны. Они не имели, да и не могли иметь, сколько-нибудь серьезных последствий: практически папство не располагало реальными силами для осуществления своих столь далеко зашедших намерений.

Латинская империя, созданная в результате завоевания, была таким же хилым государством, как и Иерусалимское королевство. Во владениях латинян все время ки-

---

¹ Подробности см. в работе болгарского историка П. Петрова: Унията между България и Римската църква през 1204 г. и Четвъртият кръстоносен поход. «Исторически преглед», София, 1955, № 2, стр. 35—57.

пела острая борьба угнетенного местного населения против западных «благодетелей». Уже в первые годы после своего утверждения на Балканах новые господа возвели большое количество крепостей, которые должны были служить франкским сеньерам надежным оплотом против греков. Крестоносцы беспрестанно воевали с соседями — Болгарией, Никейской и Трапезунтской империями, с Эпирским деспотатом. В 1222 г. деспот Эпира овладел Фессалоникийским королевством. В дальнейшем среди греческих государств, враждебных Латинской империи, особенно большое значение приобрела Никейская империя. Она стала, по словам Маркса, «центром греческого патриотизма». Правители Никей умело использовали озлобление своих подданных против латинского господства. В конце концов именно борьба народных масс против захватчиков привела к крушению и гибели Латинской империи. В 1261 г., в момент, когда франкские войска были выведены из Константинополя для оказания помощи Венеции на Черном море, население Константинополя впустило в город никейского императора Михаила Палеолога. Он еще раньше вступил в союз с Генуей против венецианцев; генуэзцы поддержали своего союзника деньгами и кораблями: Михаил Палеолог овладел Константинополем. Франкам не удалось пробиться обратно в столицу Латинской империи. Остатки рыцарства были изгнаны из Константинополя, а затем вытеснены и из многих византийских областей. Правда, некоторые районы в Центральной и Южной Греции остались за латинянами, но с Латинской империей было покончено. Она продержалась лишь 57 лет. В 1261 г. Византия снова вернулась к жизни как самостоятельное государство. Однако годы хозяйничанья латинян не прошли для нее бесследно. Византия уже никогда не смогла восстановить свои прежние силы. Удар, нанесенный ей четвертым крестовым походом и полувекowym хозяйничаньем «блистательных шевалье», превратил восстановленную Византию лишь в тень некогда могущественного государства.

ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Четвертый крестовый поход был последним из предприятий этого рода, принесшим хотя и «неожиданные», но для своего времени все же значительные результаты. Дальнейшие крестовые походы по своим практическим последствиям оказались совершенно бесплодными и, в сущности, ничего не изменили в положении «франков» на Востоке.

Как мы видели, и после падения Константинополя в 1204 г., которое как-никак, но внешне все-таки привело к немалому конфузу для апостольского престола, папство продолжало призывать католиков к отвоеванию Иерусалима. Однако только изредка эти призывы находили сочувственный отклик в народе,— в те годы, когда страшные бедствия, которые несли массам феодальные порядки, становились особенно нестерпимыми. Тогда ужасы повседневной жизни до крайности обостряли в народе религиозные чувства, вскормленные церковью, и создавалась благоприятная почва для восприятия массой демагогических лозунгов «священной войны». Такой характер поистине патологического поветрия имели детские крестовые походы 1212 г. Они были словно запоздалым, и притом особенно уродливым по форме, отголоском того же «искупительно-освободительного» настроения, которое в конце XI в. вызвало поход Петра Пустынника. Детские крестовые походы были одним из последних проявлений массового «крестоносного исступления», а плоды его — едва ли не самой мрачной страницей в истории крестовых походов.

Сперва во Франции, а затем в Германии — там и здесь крестьянство в начале XIII в. оказалось в бедственном по-

ложении, главным образом, из-за феодальных усобиц и войн,— по деревням и городам распространилась вздорная мысль, что «невинные» дети сумеют скорее добиться от всевышнего той «милости», которая никак не давалась в жадные руки взрослых «грешников»: дети, мол, чудом освободят Иерусалим от власти мусульман. Эта нелепая идея исходила первоначально от двенадцатилетнего французского мальчика — пастуха Этьена, который в мае 1212 г., прийдя в аббатство Сен-Дени в Париже, объявил себя «божьим посланцем», призванным предводительствовать в войне детей за «святую землю». Повидимому, этот пастушок был просто психически ненормальным ребенком, которого католическая церковь использовала в своих целях,— для того, чтобы с его помощью отвести вполне возможное в тогдашних условиях возмущение против сеньеров в религиозное русло, направить, как это уже не раз практиковалось, массу голодных и измученных людей на «стезю господню».

Юродивый мальчик Этьен переходил из одной деревни в другую, совершал «чудеса», заранее подстроенные его духовными «наставниками», и везде собирал вокруг себя толпы легковерных бедняков своим рассказом о «божественном видении», которое явилось ему во сне: сам Иисус Христос указал ему «истинный» путь к спасению «гроба господня». «Чудесный мальчик», повсюду демонстрируя письмо, якобы врученное ему Христом, призывал своих сверстников к крестonosному подвигу. Вскоре у него появились помощники: во многих районах выступили с аналогичной проповедью мальчики его возраста. Крестonosный экстаз, за которым, как и во времена Петра Пустытника, скрывались вновь ожившие надежды обездоленных землепашцев, подобно эпидемии, охватил огромные массы крестьянской детворы. Толпы одураченных малышей, большей частью не старше 12 лет, со знаменами, крестами, молитвенными песнопениями направлялись к «малому пророку» (так называют его хронисты) Этьену. Окруженный конными телохранителями, в роли вождя «непорочного воинства» он теперь уже разъезжал в повозке, украшенной коврами, внушая своим слушателям, что, по велению бога, море расступится перед ними и они, перейдя по нему, как по суху (подобно библейскому Моисею), отвоят «святую землю».

К детям примкнуло немало и взрослых из числа крестьян и городской бедноты, примкнули фанатики-монахи, а заодно и воры и прочий преступный сброд. Все они двинулись к сборному пункту — в город Вандом. К июню, т. е. за какой-нибудь месяц, здесь собралось до 30 тысяч детей. Толпы «безгрешных» воинов, ставших жертвами раздутого церковью крестоносного фанатизма, прошли через Тур и Лион и в скором времени достигли Марселя. Дети, тотчас бросившиеся к пристани, тщетно, разумеется, ожидали «чуда»: море не расступилось. Зато нашлись некие темные дельцы, изъявившие бескорыстную готовность за одно только «воздаяние божье» переправить юных крестоносцев за море. Злосчастные «воины креста» были посажены на корабли. Два корабля пошли ко дну близ Сардинии во время бури, остальные пять были приведены в Египет, где судовладельцы продали участников похода в рабство. Преступные торговцы детьми позднее были повешены, но совершенная ими прибыльная операция вызвала зависть у немецких работорговцев. В Германии также объявился некий рыцарь наживы, который принял с успехом играть на религиозном возбуждении низов с помощью своего десятилетнего сына Никласа. Отец обходил с ним главным образом нижнерейнские области; по наущению отца ребенок, подобно Этьену, уверял всех, что согласно видению, он перейдет через море сухими ногами и утвердит в Иерусалиме «царство божье», причем эта цель будет достигнута не путем завоевания «святой земли», — детям удастся обратить мусульман в христианскую веру.

Как и проповеди Этьена во Франции, выступления Никласа в Германии имели необычайный успех: к нему присоединились побуждаемые своими родственниками и близкими до 20 тысяч мальчиков и девочек. Преодолевая все трудности, эта армия, выйдя из Кёльна, двинулась вдоль Рейна, перешла Альпы (в дороге две трети «воинов божьих» погибли от голода). Через Женеву в августе 1212 г. дети добрались до Генуи, затем двинулись дальше на юг. Дойдя до Рима, часть повернула обратно, другая — подошла к Бриндизи: только вмешательство местных властей помешало работорговцам погрузить «живой товар», сам, казалось, шедший к ним в руки на корабли

Иннокентий III ни словом не осудил всей этой грязной затеи; он ограничился тем, что согласился дать

юным крестоносцам отсрочку для выполнения их обета... до совершеннолетия. Почти все еще оставшиеся в живых дети погибли на обратном пути от истощения и болезней.

Папа воспользовался гибелью десятков тысяч малолетних крестоносцев, чтобы с еще большей силой распалить крестоносный энтузиазм среди взрослых. В 1213 г. во все католические страны, вплоть до Ирландии и Норвегии, были направлены легаты и монахи — целый легион фанатических проповедников «священной войны».

По примеру Бернара Клервоского папа распорядился вербовать войнство христово даже среди уголовников. В 1215 г. в Риме был созван пышный церковный собор (Латеранский), принявший решение о новом крестовом походе. Он был назначен на 1 июня 1217 г. Духовенству было предписано выделить $\frac{1}{20}$ часть своих доходов на нужды «священной войны». Иннокентий III «пожертвовал» 30 тысяч марок серебром.

Крестоносный обет снова приняли было три государя — Андраш II Венгерский, король Англии Иоанн Безземельный (папский вассал) и сицилийский король (будущий германский император) Фридрих II, находившийся в тот момент под опекой Иннокентия III. Но на этот раз поистине гора родила мышь. После смерти Иннокентия III в 1216 г. (через несколько месяцев умер и Иоанн Безземельный) Фридрих II, поглощенный внутривосточными заботами и в сицилийско-итальянских владениях и в Германии, под разными предлогами стал уклоняться от крестоносного предприятия.

Что касается основной массы германского рыцарства и князей, то и те и другие к этому времени предпочитали грабить и убивать в богатых славянских землях (по Лаббе и Одре) и в Восточной Прибалтике. И не кто иной, как Иннокентий III еще в первые годы XIII в. взял на себя инициативу кровавого немецко-рыцарского «Дранг нах Остен» и покровительство ему. Апостольский престол легко нашел «высокий» предлог для этого дела, — да, собственно, предлог уже давно был найден Бернаром Клервоским: славяне и прибалтийские племена коснеют в язычестве, а посему «единоспасающей» католической церкви надлежит руками своих верных сыновей просветить их «истинной верой». Под лозунгом христианизации славян, ливов, эстов, пруссов римско-католическая церковь в на-

чале XIII в. направила хищных германских рыцарей в многочисленные крестовые походы против разрозненных тогда славянских и прибалтийских племен, для завоевания Ливонии. В 1202 г. Иннокентий III учредил даже особый немецкий духовно-рыцарский орден меченосцев — по образцу тех, которые были созданы в Палестине. Пройдет еще некоторое время, и зверские подвиги этих распространителей католицизма в латышских и эстонских землях сольются с разбойничьими набегами и захватами Тевтонского ордена¹ в южной Прибалтике, пока, наконец, блестящие силы русских воинов, под командованием Александра Невского, в Ледовом побоище (5 апреля 1242 г.) не положат предела завоевательным стремлениям немецких феодалов и апостольского престола.

Итак, германские рыцари отыскивали новый объект для опустошений и разбоев, являвшийся в их глазах более соблазнительным, чем далекие Сирия и Палестина, и в основном оставили без ответа призывы папских проповедников спасти «гроб господень».

В Англии и во Франции также не проявлялось особого желания к дальней заморской экспедиции. Рыцарство не видело теперь прока в изнурительных походах на Восток. Некоторые просто предпочитали отправляться в Грецию и там завладеть ленами. Да и вообще времена переменились. С укреплением королевской власти благородные потомки «голяков» и «нсимущих» часто шли служить в королевские войска: это было и почетно и выгодно. Многие из французских рыцарей в период подготовки нового крестового похода помогали Филиппу II Августу закреплять за короной отобранные недавно у Плантагенетов их французские владения; эти рыцари незадолго до того сражались против англичан и их союзников из Фландрии и Германии — при Ларош-о-Муане и Бувине (1214 г.). Другие почти в то же время грабили земли в Южной Франции: еще в 1209 г. Иннокентий III организовал, опять-таки под знаменем крестового похода, дикое истребление южнофранцузских «еретиков» — альбигойцев. Раз-

¹ Создание этого ордена относится ко времени третьего крестового похода. В 1190 г. кучки из Бремена и Любека под осажденной крестоносцами Акрой основали религиозно-благотворительное братство, сходное с иоаннитским на ранней стадии его истории; в 1198 г. это братство было преобразовано в немецкий духовно-рыцарский орден св. Марии, или Тевтонский орден.

бойничий сброд негодяев-рыцарей¹ под начальством Симона де Монфор, участника четвертого крестового похода, по зову папы бросился на завоевание богатых городов и земель Лангедока. Этим рыцарям было, конечно, не до Иерусалима: они обратили свой меч против «еретиков» и спешно набивали свои ларцы драгоценностями, захваченными на юге.

В конце концов только венгерский король Андраш II, которому удалось собрать довольно значительное войско, летом 1217 г. выступил в поход на Восток, отплыв из далматинского порта Спалато. В этом, пятом, крестовом походе (1217—1221) приняли участие некоторые южногерманские князья со своими вассалами, австрийский герцог Леопольд VI, а также голландцы с графом Вильгельмом во главе.

В Сирии встретили крестоносцев довольно холодно, если не враждебно. Сирийским франкам не нужен был крестовый поход: они почти 20 лет уже мирно торговали с Египтом, и война могла лишь повредить их торговым интересам². Венгерские и немецкие крестоносцы целый год без толку провели в Акре, откуда пытались совершать набег вглубь страны (на Дамаск и другие места); однако из этого ничего не вышло. А большая часть голландцев, отплывшая на 300 судах, «задержалась» в пути: они остановились в португальском городе Лиссабоне и вступили в войну с южноиспанскими эмирами. Только в апреле 1218 г. они прибыли в Акру. К этому времени Андраш II Венгерский убедился в безнадежности предприятия; невзирая на отлучение иерусалимского патриарха, он вернулся со своим войском домой. Остальные крестоносцы после длительных споров решили направить свои силы на Египет — главную цитадель мусульманского мира, нападение на который, как читатель знает, планировалось еще в начале четвертого крестового похода.

Непосредственной целью для атаки они избрали большой торговый город-крепость, соперницу Александрии —

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 236.

² Вообще политика «Второго Иерусалимского королевства», по справедливому замечанию Ж. Ришара, основывалась больше на дипломатических комбинациях с мусульманскими князьями, чем на войнах с ними (J. Richard. Le royaume latin de Jérusalem. Paris, 1953, p. 161—162).

Дамиетту, расположенную на одном из рукавов дельты Нила и являющуюся как бы ключом к Египту. Дамиетта была обведена тройным поясом стен и защищена крепкой башней, стоявшей на островке посреди Нила. От этой башни, соединенной мостом с городом, через реку тянулись толстые железные цепи, преграждавшие доступ к городу-крепости со стороны реки.

Почти полтора года вели крестоносцы осаду Дамиетты. Вначале они сумели было, превратив свои суда в подобие пловучих осадных машин с большими штурмовыми лестницами, овладеть крепостной башней, но затем силы неприятеля, к которым присоединился натиск стихий — разлив Нила и эпидемия, разразившаяся среди крестоносцев, приостановили их успехи. Несколько месяцев ни та, ни другая сторона не получала перевеса. Многие «воины божьи», отчаявшись в победе, весной — летом 1219 г. бросили все и уехали в Европу (в их числе и австрийский герцог). Другие, однако, упорно продолжали осаждать Дамиетту. В отрезанном со всех сторон городе начался массовый голод, угрожавший гибелью даже гарнизону. Египетский султан Малек-аль-Камиль сделал попытку спасти Дамиетту: он предложил крестоносцам снять осаду, согласившись взамен передать им Иерусалимское королевство (в границах 1187 г.), вернуть некоторые особо «ценные» реликвии, вроде так называемого «животворящего креста», захваченного в свое время Саладином, и даже уплатить крупную денежную сумму.

Но тут вмешался главнокомандующий крестоносным воинством, папский легат Пелагий (это был тот самый кардинал, который незадолго до этого пробовал свои силы на поприще обращения греков в католицизм): никакого мира с «неверными» — такова была его точка зрения. Пелагия поддержали три магистра духовно-рыцарских орденов и некоторые другие предводители крестоносцев. Их мало занимал «животворящий крест», и даже уступка Иерусалима, «святого города», казалась недостаточной; по мнению папского легата и его приспешников, необходимо было завоевать Дамиетту, а затем и весь Египет. Мирные предложения султана были отвергнуты.

В начале ноября 1219 г. крестоносцы штурмом взяли Дамиетту и разграбили ее; они набрали добычи на сотни тысяч марок. Однако этот успех оказался кратковремен-

ным. Между победителями начались распри. Иерусалимский король Жан Бриенский, находившийся среди них, потребовал, чтобы Дамиетта была присоединена к его владениям. Высокомерный честолюбец кардинал Пелагий воспротивился этим притязаниям; он считал, что завоеванное должна удержать за собой «святая» церковь. Не было согласия и относительно планов дальнейших военных действий. Легат настаивал на том, чтобы немедленно перенести войну вглубь нильской долины. Это были совершенно несостоятельные предложения, они не встретили сочувствия среди большинства рыцарей: многие отдавали себе отчет в том, что для такого предприятия просто не хватит сил. Пелагий срочно стал искать союзников для завоевания Египта; он даже завязал переговоры... с Чингис-ханом! Время шло. Весной 1221 г. стали прибывать новые отряды «паломников», главным образом из Южной Германии. Султан Малек-аль-Камиль к этому моменту создал сильно укрепленные позиции несколько южнее Дамиетты, близ города Мансуры. В то же время он снова повторил прежние предложения крестоносцам о мире. Но хотя в войске и раздавались здравые голоса, склонявшие главарей принять условия противника, который отдавал город «гроба господня», папский легат вторично выказал непримиримость. Таким образом Пелагий еще раз продемонстрировал, какое, по сути, ничтожное значение Рим придавал своим собственным лозунгам об «освобождении святой земли». Султану был дан отрицательный ответ. Любопытно, что когда Филипп II Август, отличавшийся трезвостью в оценках политических ситуаций, узнал, что крестоносцы имели возможность получить «королевство за город» и сами себя лишили такой возможности, он не мог удержаться от того, чтобы не назвать их «глупцами и простфилями»¹.

В середине июня 1221 г. крестоносцы перешли в наступление на Мансуру. В этот момент начался бурный разлив Нила. Лагерь христовых воинов оказался затопленным. Мусульмане, заранее подготовившиеся к встрече

¹ В свете этой оценки, относящейся, прежде всего, к Пелагию, особенно любопытно, что деятельность папского легата в событиях 1218—1221 гг. усердно оправдывает автор последней из известных нам работ по истории пятого крестового похода, американский историк J. P. Donovan («Pelagius and the fifth crusade», Philadelphia, 1950).

водной стихии, отрезали крестоносцам путь к отступлению, и когда быстро павшее духом войнство папского легата пыталось все же спастись беспорядочным бегством в Дамьетту, египетские войска со всех сторон стали теснить врага, днем и ночью осыпая отступавших крестонос-

Осадные орудия крестоносцев.

С гравюры по рис. Доре

цев градом стрел. «Воины божьи» запросили мира. Он был заключен 30 августа на условии, что незадачливые завоеватели уберутся из Дамьетты; это и было ими с готовностью исполнено в начале сентября 1221 г.

Дамьетта была утрачена; крестоносное ополчение, потерпевшее полную неудачу, очистило Египет. Так закончился пятый крестовый поход. Он стоил немалых средств, а его плачевный исход нанес еще один удар влиянию папства.

Чем дальше, тем больше ослабевал на Западе быллой «крестоносный энтузиазм», и крестовые походы превращались в открыто «мирские», захватнические феодалные экспедиции, диктовавшиеся различными политическими соображениями папства и других организаторов этих совсем не «священных войн».

С водворением на троне «Римской империи» Фридриха II вновь разгорелась борьба папства, значительно усилившегося в понтификат Иннокентия III, с империей. Усмотрев для себя опасность в наступательной итальянской политике Гогенштауфенов, апостольский престол решил использовать в своих политических видах неудачу пятого крестового похода: вина за его поражение была возложена на.... Фридриха II, который еще в 1215 г. обещал отправиться в крестовый поход, но до сих пор уклонялся от исполнения своего обета. Престарелый Гонорий III (преемник Иннокентия III) в 1221 г. прямо обвинил Фридриха II в пренебрежении «божьем делом» и даже пригрозил ему отлучением, если он и дальше будет медлить с отправлением на Восток. Фридрих II пообещал папе наверстать упущенное: на 1225 г. был намечен новый крестовый поход. По повелению Фридриха II, в гаванях Сицилии и Италии приступили к постройке 50 больших кораблей, специально приспособленных для перевозок конного войска. Однако возобновленная Римом проповедь «священной войны» повсюду встречала довольно равнодушное отношение, так что к назначенному сроку Фридрих II просто не смог собрать достаточно людей для заморского похода. Да и положение в южноитальянских владениях «Священной империи» требовало его присутствия. Пришлось снова отложить поход (до 1227 г.). Папа согласился на отсрочку, но умышленно поставил Фридриху трудные условия: он обязал императора, становившегося вследствие своих успехов в Италии все более грозным соперником для папства, уплатить к 1227 г. огромную сумму — 100 тысяч унций золота — иерусалимскому патриарху на надобности «святой земли», Фрид-

рих II хотя и согласился на такое условие, но не оставил этот ход без ответа. Он заявил притязания на... иерусалимский трон, с наследницей которого (Иолантой) вступил в брак в 1225 г. К тому же Фридрих II задумал овладеть своим новым королевством, вмешавшись в междоусобную войну египетского султана с Дамаском. В 1226 г. сам Малек-аль-Камиль предложил Фридриху II союз против Дамаска, и немецкий император охотно вступил в переговоры с Египтом: он не прочь был реализовать свои «законные» права на Иерусалимское королевство, не вынимая меча из ножен. Отношения с Римом обострились еще сильнее, тем более, что Фридрих II начал энергично укреплять свои позиции в Южной Италии и проявил явное намерение подчинить ломбардские города-республики. Наконец, в 1227 г. были все же сделаны, казалось, решительные приготовления к крестовому походу: летом войско в несколько десятков тысяч человек, набранное, главным образом, в Германии, отчасти во Франции, Англии, Италии, расположилось в лагере около Бриндизи, и часть его была уже отправлена на кораблях в Сирию. Но тут в крестоносной армии, испытывавшей недостаток продовольствия и страдавшей от сильной жары, начались повальные болезни; сам Фридрих II заболел во время этой эпидемии. Поход опять был отложен.

Новый папа, 80-летний Григорий IX, кровный родственник и, главное, духовный собрат Иннокентия III, приверженец его теократических идеалов, нашел, что затягивание Фридрихом II выполнения «богоугодного» дела представляет удобный случай, чтобы повредить сопернику. Папа отлучил Фридриха II от церкви, как злокозненного врага христовой веры. В пик Григорию IX отлученный император летом 1228 г. с порядочным отрядом отплыл из Бриндизи в Сирию. Папа тогда вообще запретил этот — шестой — крестовый поход. Он заявил, что Фридрих II — не крестоносец, а пират, «служитель Магомета», что он отправляется на Восток не для войны с исламом, а «для похищения королевства в святой земле». Конечно, такая позиция папства могла только уменьшить шансы крестоносной экспедиции и еще больше скомпрометировать идею крестового похода, и без того утратившую популярность на Западе. Григорий IX вел неумную, даже с точки зрения прямых интересов папства, игру: кресто-

вый поход в его руках сделался лишь козырем в политической борьбе папства с империей за главенство в феодальном мире. Крестоносная политика Григория IX откровенно служила его теократическим вожделениям. Фридрих II, метивший в иерусалимские короли, также преследовал чисто политические цели. Он видел в крестовом походе средство к созданию «универсальной» империи Гогенштауфенов. К религиозным вопросам этот правитель всегда проявлял полное равнодушие. Центр тяжести своей европейской политики Фридрих II, не пользовавшийся почти никакой властью в Германии, сосредоточил на Сицилии и Италии, а интересы торговли с Востоком в этой политике занимали не последнее место. Известно, что Фридрих II в большом количестве вывозил на Восток хлеб из Сицилии, причем никому не разрешалось грузить корабли в гаванях, прежде чем императорские суда с хлебом не выйдут в море. Установление контроля над левантйской торговлей помогло бы Штауфенам укрепить свои позиции в Сицилии и Италии и тем самым приблизиться к осуществлению сумасбродных идей установления всемирного господства Штауфенской империи, вынашивавшихся Фридрихом II. Наследник Барбароссы и Генриха VI добивался распространения своей власти не только в Европе, но также в Сирии и Палестине. В 1228 г. по дороге в Акру он пытался прибрать к рукам Кипр. Прибыв в Акру, Фридрих II снова вступил в переговоры с египетским султаном. Искусно воспользовавшись феодальными распрями среди мусульман, борьбой Малек-аль-Камиля сперва со своим братом, затем с племянником (эмирами дамасскими) из-за господства в Сирии и Палестине, Фридрих II после длительных дебатов — фактически его крестоносцы никакой войны не вели, ограничиваясь редкими вылазками, — в феврале 1229 г. заключил с султаном договор в Яффе сроком на 10 лет; по договору, Иерусалим (за исключением квартала, где находилась мечеть Омара) и многие другие города в Палестине были уступлены императору; со своей стороны, Фридрих II гарантировал султану поддержку против всех его врагов (в их числе подразумевались и сирийские франки — князья Антиохии и Триполи, а также и ордена). Помимо того, с Египтом были подписаны выгодные торговые соглашения.

Спустя месяц, Фридрих II вступил в Иерусалим и сам возложил на себя корону королей иерусалимских (духовенство отказалось короновать государя, отлученного от церкви).

Вконец разъяренный восточной политикой соперника (что толку от того, что «гроб господень» вырван из рук «неверных»), папа обвинил Фридриха II в измене христианству. По указанию патриарха иерусалимского, на «святой град» был наложен интердикт: во всех церквях «освобожденного» Иерусалима римский престол запретил богослужение — там ведь пребывал отлученный император, политический противник папы.

В то же время Григорий IX направил свои войска в южноитальянские владения «освободителя гроба господня». Фридрих II срочно покинул Палестину и кинулся в Италию, чтобы вступить в вооруженную борьбу с войсками римского первосвященника. Они были разбиты, и в 1230 г. по Сан-Джерманскому миру папа должен был снять отлучение с недавнего «служителя Магомета», а в следующем году утвердил договоры Фридриха II с мусульманами и предписал своим прелатам в «святой земле», а также тамплиерам и госпитальерам соблюдать мир с Малек-аль-Камилем.

Однако практический результат шестого крестового похода (1228—1229) — «мирное отвоевание» Иерусалима — оказался недолговечным. После отъезда Фридриха II в Европу в его восточных владениях начались раздоры между феодалами. Многие местные сеньеры, в том числе и орденские рыцари, были недовольны утверждением в Иерусалиме Гогенштауффа и не желали подчиняться поставленным им властям.

Между тем, со второй половины 30-х годов Фридрих II, перешедший в наступление против ломбардских городов, опять вступил в затяжной конфликт с римской курией; последовало новое отлучение «освободителя Иерусалима». Григорий IX возобновил проповедь священной войны. Крестовый поход должен был и на этот раз послужить орудием в борьбе против Фридриха II, а также средством пополнить папскую казну; папа требовал от «верных св. Петра» денежных пожертвований «на благо христианства», и папские проповедники, сильнее всего озабоченные финансовой стороной своей миссии, охотно «отпускали

грехи» жертвователям золота и серебра, откупавшимся таким путем от личного участия в очередной экспедиции на Восток. Со своей стороны, Фридрих II стал противодействовать папе в организации крестового похода. Когда в 1239 г., по истечении десятилетнего мира с Египтом, незначительные отряды крестоносцев все же собрались в Лионе под началом короля Тибо Наваррского и герцога Гуго Бургундского, Григорий IX объявил, что Иерусалим не является более целью священной войны, что они должны прийти на помощь Латинской империи: политические соображения совсем вытеснили религиозную демагогию папства. Большая часть крестоносцев, вопреки намерениям папы, осенью 1239 г. отплыла в Сирию. Побуждаемые исключительно жадностью к приобретениям и понеся ряд неудач, предводители крестоносцев, по настоянию «бедных рыцарей храма», вступили в союз с одним из сильных мусульманских князей (Измаил Дамаский) против нового египетского султана (Ассали Эйюб), но вместе с войсками своего союзника, обещавшего им ряд территориальных уступок в Палестине, были разгромлены при Аскалоне египтянами. После этого распри в лагере крестоносцев, особенно между тамплиерами и госпитальерами, вспыхнули с удвоенным ожесточением. Король Наваррский и прочие главари крестоносцев, ничего не добившись, вернулись на родину.

Всем этим правительство Египта воспользовалось как нельзя лучше: в сентябре 1244 г. с 10-тысячной конницей султан подступил к Иерусалиму и захватил его, учинив поголовную резню христианского населения. На этот раз «гроб господень» окончательно перешел в руки мусульман.

Папство снова забило тревогу. Лионский собор 1245 г., по требованию Иннокентия IV, вынес постановление о крестовом походе. Но и этого папу больше всего беспокоили «светские» дела курии — забота о распространении владычества апостольского престола. Иннокентий IV продолжал схватку с Фридрихом II: на Лионском соборе папа предал его анафеме и после этого провозгласил «крестовый поход» против Фридриха II (сторонники папства язвительно называли его «сицилийским султаном») и всего «змеиного отродья» Гогенштауфенов; тем, кто принес обет воевать за «гроб господень», папские уполномочен-

ные заменяли этот обет обязательством идти в поход против «нечестивого» императора. Откровенная спекуляция римской курии лозунгом крестового похода, проводившаяся в корыстных целях папы, сопровождалась, как и раньше, бесконечными денежными поборами; при этом и папские проповедники и всякого рода ловкие шарлатаны, разыгравшие роль сборников «священной войны», без зазрения совести клали в собственный карман суммы, собранные для освобождения Иерусалима. Сам папа использовал крестоносные пожертвования для борьбы с империей. Если учесть, что и независимо от всего этого крестоносное движение на Восток шло на убыль, то станет ясно, почему пропаганда крестового похода Иннокентием IV не имела успеха.

Крестьянство давно поняло, что в «обетованной земле» его ждет лишь новая кабала или прямая гибель. Да и прежние внутренние стимулы к бегству за море у крепостных исчезли. Правда, феодальный гнет в XIII в. не стал легче. Но с улучшением сельскохозяйственной техники, с распространением трехполья, более широким применением удобрений губительное воздействие стихийных бедствий все же несколько уменьшилось. В Европе выросло много городов; в крайней нужде можно было укрыться и найти заработок за городскими стенами. Укреплявшаяся в интересах феодалов королевская власть сумела в той или иной мере усмирить феодальную вольницу, от которой когда-то так страдала деревня. В новых условиях крепостные не видели больше необходимости искать спасения за морем. Одни уходили в города. Другие же все чаще становились на путь борьбы за свободу и землю у себя на родине.

С другой стороны, рыцарство нашло для себя к этому времени более «надежные» занятия в Европе и также не выказывало желания проливать кровь в рискованных заморских экспедициях — тем более ради одних только политических выгод папства. Английский король Генрих III весьма недвусмысленно заявил папским посланцам, что крестоносные проповедники слишком много раз обманывали его подданных, которые теперь уже не позволят себя провести.

Когда Иннокентий IV все же добился своего — в 1248 г. был организован седьмой крестовый поход, в нем приняло участие сравнительно немного рыцарей и баронов, в основ-

ном из Франции и частично из Англии; да и то французы выступили в значительной мере под давлением короля Людовика IX (1226—1270), который и возглавил поход.

Католическая церковь позднее назвала Людовика IX «святым»: ему приписывалось особое благочестие и приверженность к религиозным идеям. На самом деле это был весьма реалистически настроенный политический руководитель крепнущего французского королевства, добивавшийся, подобно Филиппу II Августу, дальнейшего упрочения феодальной монархии.

В 1229 г. к домену Капетингов был присоединен Лангедок с его цветущими городами, связанными с левантской торговлей. Это не могло не привести к активизации средиземноморской политики короны. Считают, и не без основания, что присоединение Лангедока сыграло решающую роль во внешней политике «святого короля», что именно оно, как писала недавно скончавшаяся молодая советская исследовательница М. И. Духовная, «форсировало необходимость крестовых походов»¹. Людовик IX хорошо понимал значение торговли и денег для государственной власти. Он осуществил во Франции важную монетную реформу, которая содействовала развитию внутренней и внешней торговли и была одобрена французским купечеством.

Облачаясь в подчеркнуто скромную одежду пилигрима и побуждая баронов и рыцарей последовать своему примеру, Людовик IX рассчитывал многое выгадать для своего королевства в случае успеха крестового предприятия. По мере расширения своих торговых связей с Левантом французская монархия становилась носителем экспансии на Средиземном море. Агрессивная восточная политика Людовика IX служит характерным выражением этой экспансии. Усердно вознося молитвы, этот государь отнюдь не упускал из виду «мирского»: он возглавил крестовосцев, чтобы посредством новых завоеваний обеспечить Франции еще более твердые позиции на Средиземном море. Однако, как показали ближайšie события, расчеты «святого короля» в данном случае оказались построенными на песке: историческая обстановка к середине

---

¹ М. И. Духовная. Западноевропейская политика Франции во второй четверти XIII в. Автореф. М., 1950, стр. 11.

XIII в. не благоприятствовала успешному развертыванию крестоносного движения. Реалистическое чутье изменило Людовику IX, и фактически этот король, известный своими значительными централизаторскими преобразованиями, со своим крестовым походом оказался лишь орудием в руках папства, продолжавшего носиться с реакционными универсалистско-теократическими проектами.

Седьмой крестовый поход (1248—1254) повторял направление пятого: его непосредственной целью был Египет. Людовика IX ничему не научили события 1219—1221 гг.; подобно уже потерпевшему поражение Пелагию, он тоже решил нанести удар мусульманам в Египте. Эта цель была определена Людовиком и его окружением во время долгого пребывания на Кипре, куда в сентябре 1248 г. генуэзцы первоначально доставили крестоносцев¹. Здесь же, на Кипре, «святой король» завязал дипломатические переговоры с... татаро-монголами, которые в это время расширяли свои завоевания в Передней Азии. В декабре 1248 г. Людовик IX принимал послов хана Елдегая, а в январе 1249 г. сам послал в Монголию доминиканского монаха Андрэ Лонжюмо. Прикрываясь разговорами об обращении монголов в христианскую веру, король старался направить силы татаро-монголов против «сарацин», а заодно и против «христианской» Никейской империи: ведь одни угрожали «франкам», другие — «латинянам»².

В начале июня 1249 г. несколько тысяч рыцарей высадились в дамиеттском устье Нила и, распространив сво-

---

¹ Любопытно, что еще при переходе через Лангедок многие рыцари повернули назад и, внося Иннокентию IV в Лионе соответствующую мзду, освободились от своих крестоносных обязательств.

² В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 266 и сл. Примечательно, что действия «святого короля» были согласованы с самим христианейшим Иннокентием IV, который еще раньше домогался союза с татаро-монголами: в апреле 1245 г. он направил к великому хану Золотой Орды миссию францисканского монаха Иоанна де Плано Карпини, а в начале 1247 г. — еще одну миссию, во главе с доминиканцем Асцелином, к татарскому воеводе Байду. Целью этих миссий было отнюдь не «просвещение» язычников христианской религией: папа рассчитывал использовать сближение с татарскими правителями для «спасения» Латинской империи; он искал в них союзника против германского императора Фридриха II и «сарацин», а также, как это убедительно доказал В. Т. Пашуто, надеялся утвердить владычество римской курии над подвластными в то время татарам русскими землями.

им появлением панику среди жителей Дамьетты, по сути, без боя заняли город. По обыкновению, они взяли там богатую добычу, а затем начали грабить окрестности.

После долгих споров о том, куда двигаться дальше, крестоносцы поздней осенью отправились на юг и осадили Мансуру. Дело оказалось довольно трудным. Мусульманский гарнизон оборонялся стойко. Три осадные башни, построенные крестоносцами, были уничтожены огнем неприятеля. Воины христовы, с самого начала отправившиеся в поход без особого «воодушевления», стали теперь открыто роптать и даже «богохульствовать», отваживаясь с горькой издевкой иронизировать по поводу официальных целей экспедиции: враги так часто побеждают войско христианского бога,— толковали среди осаждавших Мансуру,— что, видно, «закон Магомета сильнее, чем вера Христа».

Наконец, в первых числах февраля 1250 г. измена помогла «воинам божьим» ворваться в Мансуру. Но мусульмане быстро заперли захватчиков в городе, а часть рыцарей, не успевших проникнуть в крепость, уничтожили; несколько сот воинов пали в сражении, среди них брат Людовика IX граф Роберт Артуа.

Победа крестоносцев оказалась «пирровой»: после всех «успехов» они были крайне ослаблены. В конце февраля египтяне потопили их флот, стоявший у Мансуры, и отрезали крестоносцев от Дамьетты, служившей им базой снабжения. Под угрозой голодной смерти рыцари бросились отступать из Мансуры; они бежали по суше и по воде, преследуемые и истребляемые врагами. Большое количество рыцарей и их слуг попало в плен, в том числе и сам Людовик IX с двумя братьями. Он был отпущен за огромный выкуп и на условии, что крестоносцы уйдут из Дамьетты. Чтобы собрать половинную сумму для уплаты выкупа, Людовик IX обратился к тамплиерам с просьбой о займе; получив отказ, король отнял у них деньги силой. Остатки крестоносного воинства кое-как добрались до Акры.

Вопреки советам баронов вернуться домой (сами они большей частью так и поступили) Людовик IX решил продолжать крестовый поход. Во Францию были направлены послания с призывом весной следующего года отправиться на помощь королю против «неверных». Но графы, герцо-

ги, бароны и рыцари оставили требования Людовика IX без внимания: с них было достаточно!

Призыв короля нашел «отклик»... среди крепостных, только отклик этот был весьма своеобразным. Если церковники, проповедуя крестовые походы, еще думали, как и раньше, увлечь в дальние страны «мятежный элемент», то в 1251 г. случилось нечто прямо противоположное этим расчетам: проповедь крестового похода послужила поводом к мощному антифеодальному восстанию крестьян и городской бедноты во Франции. На простой народ особенно влияли фанатичные речи некоего старого проповедника, бывшего монаха, которого хронисты называют за его происхождение «учителем из Венгрии». Этот «учитель из Венгрии», призывая к войне против «неверных», выдвинул, между прочим, такой тезис: бог, заявлял он, проявил немилость к тщеславным рыцарям, — значит спасти Иерусалим надлежит беднякам. Масса восприняла этот тезис по-своему. Речи «учителя из Венгрии» и других народных проповедников, подчеркивавших «немилость» всевышнего к знати, обличавших жадность монахов и пр., возбудили массу не против «дальних врагов веры», а против своих сеньеров и их католических защитников. Из северофранцузских областей, где когда-то проповедовал Петр Амьенский, к Парижу, а оттуда — к Орлеану двинулись десятки тысяч крестьян. Но они теперь шли не на спасение «гроба господня», и их выступление было не пассивным бегством за море: многие области Франции были охвачены народным восстанием. Оно было направлено против феодального гнета и католической церкви, которая пожинала горькие плоды своей антинародной деятельности.

Восставшие «крестоносцы» называли себя «пастушками». Они шли на юг большими толпами, по пути убивая богачей, попов, монахов. Это восстание — в нем участвовало до 100 тысяч человек, — было предвестником будущих жакерий¹. Оно ярко свидетельствовало о том, что про-

¹ Интересный материал о восстании «пастушков» собрал В. Л. Керов в своем исследовании. «Восстание «пастушков» в Южных Нидерландах и во Франции в 1251 году». «Вопросы истории», 1956, № 6. Заметим, однако, что, критикуя взгляды буржуазных историков, писавших об этом восстании, В. Л. Керов ошибочно относит немецкого ученого Б. Кутлера к числу русских дореволюционных историков (там же, стр. 116).

паганда крестовых походов становится не только бесполезной с точки зрения классовых интересов феодальных верхов, но и опасной для светских сеньеров и для церкви.

Таким образом, Людовику IX и остаткам его воинства не удалось получить подкрепления из Франции. Встретив к тому же враждебное отношение у сирийских франков, король, оставив небольшой отряд на Востоке, весной 1254 г. покинул Акру и возвратился во Францию.

С 50-х годов XIII в. сирийско-палестинские колонии крестоносцев, раздираемые напряженной социально-политической борьбой, быстро шли навстречу своей гибели. Не получая поддержки извне, франки были не в состоянии продержаться при помощи одних только мечей. Князья и прочие правители постоянно враждовали между собой, вступали в соглашения то с теми, то с другими мусульманскими государствами; тамплиеры и госпитальеры истребляли друг друга; венецианцы, генуэзцы, пизанцы, провансальцы вели друг с другом ожесточенные и беспрестанные торговые войны, вовлекая в них светских феодалов и ордена. Особенно опустошительная война, начатая генуэзцами, происходила в 1256—1258 гг.; во время нее в Акре погибло до 20 тысяч человек, и самый город был наполовину разрушен.

Все это делало франкские государства беспомощными перед лицом их противников на Востоке. К числу последних с 40-х годов XIII в. присоединились монголы, еще накануне седьмого крестового похода опустошившие Антиохийское княжество, а в конце 50-х годов ненадолго овладевшие внутренними областями Сирии. Но главная опасность исходила из Египта, правители которого в 1260 г. сумели ослабить монгольскую угрозу в Сирии. Египет особенно окреп в правление мамлюкского султана Бибарса¹, вновь объединившего под своей властью и Египет и Сирию. Могущественный султан пошел по стопам Саладина, решив покончить с франкскими колониями в Сирии и Палестине. В 1265 г. Бибарс захватил Кесарию и Арсур, в 1268 г. — Яффу, а спустя два месяца, в мае того

---

¹ С 1250 г. в Египте была свергнута династия Эйюбидов, и власть перешла в руки правителей, выдвинувшихся из числа командиров султанской гвардии. Воины этой гвардии назывались мамлюками — они вербовались из рабов-тюрок (по-арабски «мамлюки» — невольники); отсюда и название «мамлюкская династия».

же года, овладел Антиохией, богатейшим из городов крестоносцев.

В 1270 г. был предпринят последний — восьмой — крестовый поход. Его снова возглавил неумемный союзник папства — Людовик IX.

Охотников плыть за море со «святым королем» оказалось совсем немного. Как писал Ф. И. Успенский, «европейцы уверились в дело крестовых походов и не хотели более делать бесполезных попыток». Поход был начат летом 1270 г. без заранее обдуманного плана. Цель похода была определена лишь после того, как генуэзские корабли доставили воинов христовых из южнофранцузской гавани Эгморт в Кальяри (Сардиния). Здесь в военном совете решено было двинуться не в Сирию и не в Египет, а в... Тунис. Французский летописец Годфруа Болье (автор хроники «Жизнь святого Людовика») утверждает, что это направление было избрано потому, что эмир тунисский Эль-Мостансир якобы изъявил французскому королю намерение принять христианскую веру, и «святой король» хотел крестовым походом в Тунис «укрепить» эмира в этом намерении, чтобы приобрести в его лице союзника для войны с Египтом.

Это, конечно, слишком наивное объяснение. Верно в нем только то, что, повидимому, главари предприятия на этот раз извлекли урок из прежних неудач: они поняли безнадежность прямого нападения на Египет с моря и захотели попытать счастья, действуя обходным путем,— начав с Туниса.

Другие современные хронисты (француз Гийом де Нанжи, итальянец Саба Маласпина и др.) выдвигают, впрочем, иную причину в оправдание выбора Туниса в качестве цели похода. Они рисуют дело так, что благочестивый король, более всего озабоченный участью «гроба господня», стал якобы жертвой коварной интриги своего честолюбивого брата, графа Карла Анжуйского, который незадолго до этого завоевал Сицилийское королевство, вырвав его из рук бессильных наследников Фридриха II. Еще Штауфены, будучи государями Сицилии, получали дань от тунисского эмира. Теперь Эль-Мостансир отказался платить ее новому королю-французу и к тому же начал покровительствовать его политическим врагам — приверженцам Штауфенов (гибеллинам).

Побуждаемый желанием наказать Эль-Мостансира, возобновить уплату дани Тунисом и выбить оттуда гибеллинов, своекорыстный Карл Анжуйский и уговорил «святого короля» плыть именно в Тунис.

Эта версия средневековых летописцев была основана на различных толках и домыслах, возникших в среде самих крестоносцев в момент, когда поход уже потерпел неудачу, а Карл Анжуйский оказался единственным лицом, оказавшимся в выигрыше от всего предприятия. Однако происхождение летописной традиции было установлено только в конце XIX в. До этого времени ее принимало большинство историков крестовых походов; впрочем, далеко не все ученые и в XX вв. отбросили традиционные представления о тунисском «отклонении» похода 1270 г. Война крестоносцев с Тунисом изображалась как результат ловкой дипломатии Карла Анжуйского: это он «совратил» главу воинства божьего — Людовика IX — с пути истинного и повернул предприятие в выгодном для себя направлении; на нем, следовательно, и лежит главная ответственность за горестный для крестоносцев исход событий.

Эта точка зрения, в которой явно сквозило желание обелить Людовика IX, была подвергнута основательной критике в конце прошлого века немецким исследователем Р. Штернфельдом¹, к которому затем примкнули В. Норден² и Г. Каро³. Было установлено, что завоеватель Южной Италии и Сицилии Карл Анжуйский не являлся главным действующим лицом в событиях, приведших войнство Людовика IX на развалины древнего Карфагена. Правда, с момента водворения французских рыцарей в бывших владениях Штауфенов Карл Анжуйский проводил довольно воинственную политику в Средиземноморье. В. Норден даже называет его «предшественником Наполеона в XIII столетии»⁴, — сравнение, конечно, очень поверхностное и, по существу, ничем не оправданное. Однако основной целью агрессивных устремлений этого

---

¹ R. Sternfeld. Ludwigs des Heiligen Kreuzzug nach Tunis und die Politik Karls I von Sicilien. Berlin, 1896.

² W. Norden. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903.

³ G. Caro. Zur Geschichte des Kreuzzuges Ludwigs des Heiligen. «Hist. Vierteljahrschrift», 1898.

⁴ W. Norden. Ук. соч., стр. 635.

«продолжателя» политики нормандско-сицилийских феодалов и Штауфенов был захват только что «восстановленной» Византии: как раз к 1270 г. Карл Анжуйский, с благословения папства, создал военную коалицию против Константинополя, куда вошли князь Ахейский Виллардуэн, бывший латинский император Балдуин II (поход был организован под предлогом его «восстановления»), король Альфонс Кастильский и некоторые другие «католические» правители. Что касается Туниса, да и других мусульманских стран Северной Африки и Востока, то Карл Анжуйский предпочитал поддерживать с ними мирные, добрососедские отношения. Это было гораздо выгоднее с точки зрения развития левантийской торговли, приносившей его казне солидные доходы: ведь Карл Анжуйский был графом Прованса и господином южноитальянских и сицилийских городов. Он принимал у себя послов египетского султана Бибарса и вел терпеливые переговоры с тунисским эмиром Эль-Мостансиром по поводу упоминаемой хронистами дани¹.

Война с Тунисом не входила в планы Карла Анжуйского и даже прямо грозила его интересам: в случае такой войны ставилась под удар самая возможность весьма выгодной торговли с подданными эмира. Король Сицилии долго тянул с ответом на неоднократные предложения Людовика IX примкнуть к крестовому походу: несколько посольств из Парижа без всякого результата оставили Неаполь — Карл Анжуйский не хотел воевать против Туниса.

Если он и принял все же участие в крестовом походе Людовика IX, отложив войну с Константинополем, то лишь для того, чтобы, во-первых, не дать буйным крестоносцам, собравшимся под знаменами «святого короля», причинить ущерб интересам Сицилийского королевства, в частности, воспрепятствовать разграблению Туниса, а во-вторых, он решил использовать «священную войну», раз она уже началась (войска Карла Анжуйского погрузились на корабли после того, как в конце июля 1270 г. французы прибыли в Тунис), для благоприятного разре-

---

¹ Тунис давно торговал с Сицилией, в частности, получал отсюда зерно. Дань, которую эмир вносил Штауфенам и возобновления которой добивался Карл Анжуйский, была своего рода «платой» за разрешение вывозить сицилийское зерно.

шения вопросов, служивших предметом переговоров с Эль-Мостансиром; эти переговоры продолжались даже тогда, когда воинство Людовика IX пустилось в путь, но легкий «нажим»... не мог повредить!

Таким образом, нет оснований исключать из числа причин, приведших к плачевному исходу последней крестоносной экспедиции, политику ее верховного шефа — Людовика IX. Поход на Тунис был задуман в его окружении и был одним из проявлений все той же экспансионистской средиземноморской политики Французского королевства.

17 июля 1270 г. крестоносцы высадились на тунисском берегу. Они захватили Карфагенскую крепость и стали ждать прибытия подкреплений — войск Карла Анжуйского. В свою очередь, Эль-Мостансир связался с Египтом; султан Бибарс двинул войска на помощь Тунису. А пока что на крестоносцев обрушились палящая африканская жара и болезни. В конце августа умер сам Людовик IX. Крестовое предприятие полностью расстроилось.

Когда в Тунис прибыли отряды Карла Анжуйского, а также преемника Людовика IX — Филиппа Смелого и Тибо Наваррского, они дали несколько успешных сражений силам эмира, но этим дело и ограничилось: продолжение войны в Тунисе Карл Анжуйский считал бессмысленным. В конце октября был подписан мирный договор с Эль-Мостансиром. По словам хрониста Гийома де Нанжи, этим договором Карл Анжуйский «сделал свое дело»: эмир должен был возобновить, и притом в двойном размере, уплату дани сицилийскому королю, изгнать из Туниса укрывавшихся там гибеллинов, возместить «христианским королям» военные издержки, причем треть всей суммы — 70 тысяч унций золота — предназначалась Карлу Анжуйскому. Самым существенным условием договора было то, что он обеспечивал неприкосновенность в Тунисе купцов — подданных Сицилийского королевства; как говорилось в соответствующих параграфах соглашения, купцы, которые явятся во владения эмира, «будут находиться под охраной бога, и сами они, и их имущество, как при въезде в страну, так и в то время, когда они ведут свои дела». Аналогичные обязательства принимала и другая сторона. Этим договором, следовательно, создавались определенные гарантии для нормального развития сици-

лийско-тунисской торговли. К этому и свелись все результаты восьмого, последнего крестового похода.

Папство и после этого взывало к «верным св. Петра» о «священной войне»; особенно бурную деятельность развернул Григорий X, поставивший вопрос о новом крестовом походе на Лионском соборе 1274 г. Однако его призывы повисли в воздухе: желающих воевать за «гроб господень» не оказалось. Впрочем, и это и последующие крестоносные выступления пап диктовались, прежде всего, финансовыми интересами курии: даже в XIV в., когда крестовые походы на Иерусалим ушли в прошлое, во всех «католических» странах папство взимало своего рода дань под видом десятины на крестовые походы.

Отдельные походы неорганизованных крестоносных шаек на Восток продолжались до конца XIII в. и даже позже — в XIV в. Они носили характер бандитских налетов и не имели никаких более или менее серьезных последствий. Крестоносное движение прекратилось. Вместе с тем и последние франкские владения на Востоке одно за другим были разгромлены и уничтожены Египтом. В апреле 1289 г. войска султана Келауна взяли Триполи, а еще через два года пала Акра (май 1291 г.), которую египтяне превратили в развалины. Иерусалимское королевство перестало существовать.

Крестоносцы удержались довольно продолжительное время лишь на Родосе¹ (здесь с начала XIV в. утвердились госпитальеры), а также на Кипре, где еще в период третьего крестового похода обосновались франкские рыцари, церковники и купцы. Кипрское королевство Лузиньянов, игравшее значительную роль в средиземноморской торговле, существовало до конца XV в.; в 1489 г. оно было подчинено Венеции².

---

¹ Родос был завоеван турками-османами в 1523 г.

² В 1570 г. Кипр был захвачен турками-османами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К чему привели крестовые походы? Оказали ли они какое-нибудь благотворное влияние на Запад или Восток? Принесли ли они что-нибудь ценное и полезное народам?

Многие зарубежные историки склонны придавать крестовым походам исключительное значение в истории человечества. Их влиянию приписывают иной раз чуть ли не все перемены в общественно-политической и особенно — в культурной жизни Западной Европы, которыми ознаменовались последующие столетия. С крестовыми походами связывают и раскрепощение крестьянства, и подъем городской жизни, и формирование централизованных монархий на Западе, и их избавление от «абсолютизма» папской власти, и складывание наций (конечно, в идеалистическом толковании этого понятия буржуазными историками). Следствием крестовых походов считают часто разнообразные явления в материальной и духовной культуре западноевропейских народов, получившие распространение в XII—XIII вв. и в более позднее время: усовершенствования в технике ремесла и в военном деле, появление новых сельскохозяйственных культур и целых отраслей промышленности, развитие реформационных религиозных учений, рост свободомыслия, возникновение рыцарской литературы¹. Такого рода представления идут еще от некоторых

---

¹ Чрезвычайно показательна в этом отношении позиция современного американского ученого А. С. Атия. В своей антиисторической по существу оценке значения крестовых походов он оставляет позади себя едва ли не всех прежних историков, восхвалявших эти войны. Атия выводит из крестовых походов даже Ренессанс и... открытие Америки. Мало того, он полагает, будто не только Запад, но и Восток также «пожал неизмеримо

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ в XII-XIII вв.

французских и немецких историков начала прошлого века (главным образом Ш. д'Айкура и Геерена)¹. И даже ученые, рассуждающие более здраво и не считающие возможным усматривать в крестовых походах сколько-нибудь существенный фактор прогресса, пережитого Западом в XII—XIII вв.,— даже и эти историки все же не в силах полностью освободиться от такого рода традиционных взглядов². Традиционные воззрения покоятся, однако, на шатком фундаменте: в их основе лежит переоценка подлинного значения крестовых походов, заведомо преувеличенное представление об их настоящем месте в истории.

Никто не сможет отрицать действительно огромного влияния, которое Восток и его культура оказали на самые различные стороны жизни западноевропейского феодального общества. Общеизвестными могут считаться многочисленные факты всякого рода заимствований, сделанных Западом у восточных народов в области промышленности и торговли, духовной культуры, бытовых установлений. Всякий старшеклассник знает, например, что жители

благодатные плоды от крестовых походов». В чем, однако, состояли эти «плоды»,— об этом чикагский профессор ничего не сказал слушателям своих лекций. (A. S. Atiyah. The crusades: old ideas and new conceptions. «Cahiers d'histoire mondiale», vol. II, No. 2, Paris, 1954, p. 475).

¹ Ch. d'Aillecourt. De l'influence des croisades sur l'état de l'Europe. Paris, 1809; Heeren. Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge. Gesammelte Werke, Bd II, Göttingen, 1821.

² Ст. Рэнсимен, автор трехтомной «Истории крестовых походов» (1951—1954), например, справедливо замечает, что крестовым походам нельзя приписывать «прямое участие» в развитии цивилизации Запада, проделанном за это время («A history of the crusades», vol. III, Cambridge, 1954, p. 470). Непосредственное влияние крестовых походов он видит только в области «военной архитектуры» (строительство замков) и в... процессе укрепления королевской власти на Западе. По мнению Рэнсимена, оно явилось следствием того, что крестовые походы увлекли на Восток «наиболее беспокойных и воинственных баронов» (Ук. соч., т. III, стр. 471). Это, конечно, ошибочное суждение, так как в основе политической централизации лежали внутренние причины. Но характерно в данном случае иное: с одной стороны, Рэнсимен в общем отвергает мнение о том, что крестовые походы явились созидательным началом в формировании «современной», т. е., с точки зрения английского ученого, «западной» цивилизации; с другой вступая в противоречие с самим собой, он рассматривает крестовые походы как своего рода водораздел в ее судьбах. «С момента крестовых походов родилась современная история» — пишет Рэнсимен (Ук. соч., т. I, 1951, стр. XI). Непоследовательность такого рода говорит сама за себя.

Западной Европы переняли на Востоке в XII—XIII вв. некоторые ранее не известные им полевые, бахчевые и садовые культуры (рис, гречиха, арбузы, лимоны, абрикосы), что тогда же стал входить в употребление тростниковый сахар, с которым прежде на Западе не были знакомы, что в Италии началось изготовление по восточному образцу таких тканей, как муслин, дамаст, ситец, а во Франции — ковров. Любой ученик 6—7-го класса приведет и другие примеры влияния Востока, сказавшегося в терминологии (базар, магазин, цехины и т. д.) и в бытовых нововведениях, перенятых в восточных странах, вроде ношения бороды, устройства горячих бань и пр. Все это так, — но спрашивается, причем, собственно, здесь крестовые походы? Можно ли считать их, как это делали иные историки, «учебными странствованиями юной Европы на Восток»? Можно ли представить себе, что алчные рыцари креста, которым, по выражению В. Г. Белинского, были свойственны «невежество, своекорыстие, разврат, неверие, смешанное с диким фанатизмом, кровожадностью»¹, что эти самые рыцари были передатчиками достижений восточных народов на почву Запада, что стяжательская деятельность этих воинов христовых на Востоке привела к созданию «новой культуры» на Западе?

Обмен материальными и духовными ценностями между Западом и Востоком в средние века начался задолго до крестовых походов, и первостепенную роль в перенесении культурных достижений Востока на Запад играли Арабская Испания, Сицилия и, особенно, Византия. Во время самих крестовых походов они также в определенной степени сохраняли свое значение «посредников» в общении между Западом и Востоком (это относится, в первую очередь, к Византии — до 1204 г.). Вообще трудно установить, где находились преобладающие очаги восточного влияния, через какие ворота преимущественно оно шло: из франкских государств Сирии и Палестины или из Испании, Сицилии и Византии.

Но дело даже и не в этом, скорее важно другое, — то, что пути и каналы многообразного воздействия более развитого Востока определяли, в первую очередь, укреп-

---

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. IX, 1911, стр. 410.

лявшиеся в XI—XIII вв. международные хозяйственные связи, тот интенсивный товарообмен с Левантом, в котором все более активную роль приобретали города, развивавшиеся на основе отделения ремесла от земледелия (итальянские, французские, немецкие, испанские, английские и др.). Торговля, прежде всего, а не кровавые войны западного рыцарства против мусульманских народов, обмен товарами и знаниями, а не взаимное истребление во имя мнимо религиозных целей,— вот что вело к плодотворному для Запада соприкосновению с Востоком.

Разумеется, торговля занимала важное место и в экономической жизни государств, созданных крестоносцами. Она не прерывалась даже в периоды крайне обостренных отношений с мусульманским миром: незадолго до начала третьего крестового похода графство Триполи заключило на четыре года торговый договор с Саладином, а в 1291 г., накануне окончательного поражения крестоносцев, в лагере египетского султана под Акрой появились «христианские» торговцы. Мусульмане не без иронии говорили по поводу сребролюбивого западного купца: если бы он лишился одного глаза, то и тогда бы продолжал бывать на Востоке, чтобы вести свои дела.

Но, как мы уже отмечали, значительный размах торговой деятельности генуэзских, венецианских, марсельских, каталонских и других денжных людей в Леванте объясняется, главным образом, внутренним экономическим развитием Европы в XI—XIII вв. и в гораздо меньшей степени — привилегированным статусом торговых колоний во франкских государствах. Характерно, что с течением времени, особенно в XIII в., западные купцы все чаще стали заключать взаимовыгодные торговые соглашения с Египтом и другими мусульманскими государствами, увидев в этом более прочную основу для своего «делового» преуспевания, чем колониальные привилегии. В связи с этим и со стороны купечества также наблюдалось ослабление интереса к крестоносным экспедициям, которые зачастую только препятствовали «нормальному» извлечению барышей.

Было бы неверно полностью отрицать роль крестовых походов и крестоносных государств в развитии средневекового общества на Западе. Они оказали известное влияние на судьбы западноевропейского феодального мира, но

оно не было ни прямым, ни, тем более,— определяющим. Знакомство с Востоком, несомненно, содействовало переменам в образе жизни феодалов. Рыцарь-крестоносец, вернувшись домой, не хотел жить попрежнему. Награбленного хватало ненадолго, а он непрочь был теперь сменить грубое дмотканное платье на мягкие и красивые восточные одежды; пополнить свой простой стол более изысканными блюдами, приправленными пряностями; самому пить и при случае дать своим гостям отведать ароматное восточное вино¹; блеснуть на турнире мечом с изящно отделанной бронзовыми инкрустациями рукоятью и ножнами из золота и слоновой кости; доставить соседу, с которым приятно провел время на охоте, корзину с абрикосами, привезенными из заморских краев.

Потребности феодалов расширились, а это не могло остаться без последствий и для тех, за чей счет феодалы вели беззаботную жизнь, т. е. зависимых крестьян.

Нажим феодалов на крестьян еще более усилился; вместе с тем формы его стали изменяться: крепостное право постепенно отмирало, оброк заменялся денежными взносами и т. д. Но эти явления происходили, как известно, и независимо от крестовых походов. В конечном счете, последние лишь содействовали углублению социальных противоречий и обострению классовой борьбы на Западе, что, в свою очередь, ускорило дальнейшую политическую централизацию в европейских странах. Крестовые походы способствовали течению этих процессов, но не являлись их решающими предпосылками. Основа всего этого коренилась во внутреннем развитии европейской экономики и социальных отношений. Ничего принципиально нового в общий ход эволюции феодального общества в Европе крестовые походы не внесли.

Совершенно очевидно, что крайнее преувеличение их исторической роли, свойственное многим буржуазным ученым, не оправдано. Можно в какой-то мере согласиться с мнением русского византиниста Ф. И. Успенского о том, что для Запада «выгоды» от крестовых походов были «неизмеримо ниже потерь и убытков», а «влияние кресто-

---

¹ В этом смысле крестовые походы, пожалуй, действительно были «школой» для крестоносных рыцарей. Именно тогда вошло в обиход характерное выражение «пить по-тамплиерски» (*bibere templariter*)

вых походов на прогресс средневекового общества подвергается значительному колобанию, если принять во внимание естественный процесс эволюции, который и без крестовых походов мог привести средневековые народы к успехам на пути политического развития»¹. Действительно, крестоносное движение стоило народам Европы громадных сил: во время этих изнурительных войн погибли миллионы людей, не говоря уже о колоссальных материальных средствах, затраченных на проведение крестовых походов или перекочевавших в жадные руки римских первосвященников. В народных массах на Западе крестовые походы оставили по себе зловещую и печальную память. Не случайно в наши дни французский певец Ив Монтан, средствами искусства борющийся за мир, обращается и к старинным народным песням, сложенным во времена крестовых походов: в этих песнях звучит скорбь о бессмысленно павших, в них слышится протест против повторения в будущем подобного рода «священных войн».

В крестовых походах погибли не только многие из тех западных «паломников», которые сами стали жертвой католического фанатизма или собственной корысти; мечом крестоносных рыцарей первых четырех походов были истреблены сотни тысяч людей в Юго-Восточной Европе. С точки зрения общеевропейского прогресса, эти «религиозные войны» означали уничтожение весьма значительных ценностей, и прежде всего людских ресурсов, особенно — крестьянства. В этом отношении, как, впрочем, и во многих других, чрезвычайно губительными были «крестовые походы» немецких рыцарей против славян и прибалтийских народов.

Что касается мусульманского Востока, то для него крестовые походы были страшным бедствием; хищные крестоносцы в течение многих десятилетий несли разорение восточным странам, сеяли смерть и гибель среди восточных народов. Жестокие и необузданные искатели наживы, франки справедливо заслужили на Востоке только величайшую ненависть и презрение к себе. То же самое относится и к латинянам, завоевавшим Византийскую империю и разорявшим ее в течение своего полувекowego владычества.

---

¹ Ф. И. Успенский История крестовых походов. СПб., 1900, стр. 169—170.

Когда-то писатели и историки «века просвещения», ненавидевшие католическое и всякое иное религиозное изуверство, называли крестовые походы «кровавым безумием» и «странным памятником человеческой глупости». Мы теперь знаем, что это было не так, что крестовые походы имели свои глубокие причины, а не являлись просто «безумием» или «глупостью». Имело свои причины и то, что их организатором выступила католическая церковь во главе с римскими папами. Она-то и постаралась придать этому в основе своей захватническому феодальному движению благообразный вид «священных войн», войн якобы во имя религиозных идеалов — защиты или насаждения католической веры.

Католическая церковь и папство во все времена были оплотом угнетателей. Организуя крестовые походы на Восток, папство преследовало реакционные, враждебные трудящимся массам цели.

История крестовых походов XI—XIII вв. дает один из поучительных примеров того, как наиболее реакционные слои господствующих классов на Западе с помощью католической церкви использовали религию в своих корыстных интересах.

Крестовые походы, рассматриваемые некоторыми современными нам историками, в противовес просветителям XVIII в., как «гениальное изобретение»¹, закончились полным крахом для большинства их участников и организаторов, а также и для их вдохновителей. Само папство лишь временно выиграло от «священных войн»: в конечном счете ему не удалось ни ликвидировать сопротивление крепостных феодальному гнету, ни более или менее прочно укрепить позиции феодальных землевладельцев, светских и церковных, ни создать «мировое» государство пап. Крестовые походы не подняли авторитета «наместников св. Петра», — наоборот, они подорвали его и содействовали дальнейшему падению престижа папства.

Тем не менее, в последующие времена знамя крестовых

---

¹ Так назвал их в своем докладе на X международном конгрессе историков в Риме французский ученый М. Виллей (M. Villey. L'idée de la croisade chez les juristes du moyen-âge. «Relazioni», vol. III, p. 577).

походов широко использовалось папством и при попытках организовать отпор Европы туркам-османам¹, и в борьбе с непосредственными политическими противниками папского государства в Италии², и — особенно — для удушения революционных выступлений народных масс против феодальных порядков. Так, в 1305 г. папа Климент V провозгласил крестовый поход против крестьян Северной Италии, восставших под руководством Дольчино; позднее, в 1420—1431 гг., папой Мартином V и германским императором Сигизмундом были организованы под флагом крестовых походов пять карательных экспедиций немецкого рыцарства против чешских революционных повстанцев — гуситов, главным образом крестьян и ремесленников, поднявших на справедливую войну за освобождение от немецкого феодального гнета и за независимость своей страны. Много было и других «крестовых походов», таких же далеких по своему характеру и по своим настоящим целям от войн ради религиозных интересов (какими их пыталось представить папство), как и те, с историей которых читатель познакомился в этой книге.

Из средневековья лозунг «крестового похода» перешел в новое время; его часто использовали реакционные силы, чтобы видимость религиозной, идеологической борьбы маскировать свои действительные антинародные и завоевательные цели.

Когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. во всех странах, в том числе и в США, поднялась могучая волна революционного движения, американский министр юстиции Пальмер в 1919 г. предпринял террористическую кампанию против всех революционных и вообще прогрессивных элементов — «крестовый поход против красных».

С самого начала существования Советского государства правящие круги капиталистических стран Европы и

---

¹ В 1440 г. папа Евгений IV, в 1463—1464 гг. — Пий II объявляли крестовые походы против османов, угрожавших Юго-Восточной Европе; в 1514 г. папа Лев X снова призвал к крестовому походу против того же врага; однако этот поход привел к восстанию крестьян-крестоносцев против феодальной знати в Венгрии (восстание «журушев»).

² Например, крестовый поход 1412 г. против неаполитанского короля Ладислава и др.

США, стремясь уничтожить или ослабить его, старались противопоставить молодой социалистической республике враждебный блок Европы, якобы объединенной «христианской цивилизацией». Всемирную поддержку этим кругам оказывал Ватикан. В 1918—1920 гг. римский папа Бенедикт XIV, прикрываясь лозунгом «защиты религии», активно поддерживал иностранную интервенцию в России, сколачивал антисоветский фронт¹. Через десять лет, в начале 1930 г., другой римский первосвященник — Пий XI — провозгласил крестовый поход против СССР, что послужило сигналом для развязывания антисоветской кампании в международном масштабе².

В 30-х годах лозунг крестового похода был подхвачен немецкими фашистами: готовясь к осуществлению «Дрангах Остен», они усиленно разглагольствовали о необходимости «крестового похода против большевизма». Как отмечает французский историк К. Виллар, использование этой идеи геббельсовской пропагандой помогло гитлеровцам подавить рабочее движение в Германии, оправдать захваты в Восточной Европе, получить благословение и поддержку империалистических конкурентов Германии в восстановлении ее военного потенциала и в экспансии на Восток³.

После второй мировой войны бряцание заржавленным оружием крестоносцев снова сделалось чрезвычайно модным занятием среди врагов демократии и мира, которые, как и раньше, получили полное содействие Ватикана.

В 1946 г. папа Пий XII обратился по радио к паломникам, собравшимся на церемонию возложения королевского венца на икону «девы Марии из Фатимы»⁴: говоря о необходимости выполнить повеление этой «пресвятой девы» об «обращении России в католицизм»; папа заявил, что пужно действовать так, как действовали крестоносцы. По сути, это был призыв к крестовому походу против СССР.

---

¹ М. М. Шейнман. Краткие очерки истории паяства. М., 1952, стр. 145.

² Там же, стр. 146.

³ E. Torson, J. Dautry, Cl. Willard et J. Chambaz. L'Europe (de Napoléon à nos jours) Paris, 1954, p. 78—79.

⁴ Подробно о «чуде явления святой девы из Фатимы», пущенном в ход иезуитами в антисоветских целях, см. в кн.: М. Шейнман. Современный Ватикан. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 66—68.

В 1947 г. Пий XII на совещании кардиналов возобновил призыв к крестовому походу, брошенный за сорок лет до этого его предшественником. Кардинал Спеллман, главный представитель Ватикана в США, повторяя требования римского папы, заявил, что все, кто верует «в Америку и в бога», должны включиться в крестовый поход против коммунизма.

В 1951 г., после выступления папского легата кардинала Тедесчини, сообщившего о том, что папе «являлась» «дева Мария из Фатимы», требование поспешить с «обращением России в католицизм» было использовано антисоветской пропагандой для подогревания воинственного духа современных «крестоносцев»¹.

В кругах империалистических пропагандистов войны стали предприниматься многочисленные попытки воскресить идею «крестовых походов» на Восток как идею войны против «атеистического коммунизма». К крестовому походу против коммунистов, Советского Союза, народно-демократических государств призывал в 1952 г. американский проповедник Билл Грэхем; «священной войны» с Россией требовал тогда же другой апостол человеконенавистничества — Арчибальд Андерсон. Лозунг крестового похода служил Маккарти и его приспешникам в период их наступления на демократические свободы в своей собственной стране. Один из героев романа Говарда Фаста — «Сайлас Тимбермен», характеризуя обстановку антидемократической истерии, создававшуюся поклонниками бесноватого сенатора, замечает: «В наши дни выгодно вкладывать деньги в одно предприятие: в крестовый поход против коммунизма»².

Таким образом, реакционная средневековая идея крестового похода широко использовалась идеологическими оруженосцами реакционных сил для обработки общественного мнения, для того, чтобы опутать народы ложью, обмануть массы, скрыть от них подлинные планы и намерения поборников «холодной» и «горячей» войны. Ведь и до настоящего времени существует такая американская реакционная организация, как «Крестовый поход за свободу». И не только существует, но и систематически ве-

---

¹ М. Шейнман. Ук. соч., стр. 68.

² Г. Фаст. Сайлас Тимбермен. «Новый мир», 1955, № 1, стр. 177.

дет подрывные действия против СССР и народно-демократических государств: противники свободы любят прикрываться фальшивой вывеской.

Женевское совещание Глав правительств четырех держав в июле 1955 г. положило начало определенному смягчению международной напряженности. Но в капиталистическом мире далеко еще не перевелись поклонники «холодной войны» приверженцы политики военных авантюр. Как указывал Ф. Жолио-Кюри, было бы опасным легкомыслием считать, что мощные силы, заинтересованные в продолжении холодной войны, и все те, кто не отказался от духа крестовых походов, не будут ставить препятствия на пути к миру¹.

И сегодня, когда борьба народов в защиту мира получает все более широкий размах, сторонники мира повсюду должны быть на-чеку: прилагая все усилия к тому, чтобы новый этап в борьбе за мир, развертывающийся в наши дни, завершился новыми крупными успехами, они должны в своей многообразной деятельности учитывать и возможные происки тех, кто «не отказался от духа крестовых походов».

---

¹ «Воля народов — обеспечить новые успехи в борьбе за мир»
Заявление Фредерика Жолио-Кюри. «Правда», 10. VIII 1955.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая.</i> Причины и подготовка крестовых походов	7
<i>Глава вторая.</i> Первый крестовый поход	51
<i>Глава третья.</i> Крестовые походы XII в.	133
<i>Глава четвертая.</i> Четвертый крестовый поход	179
<i>Глава пятая.</i> Последние крестовые походы	243
Заключение	268

Михаил Абрамович Заборов

Крестовые походы

*Утверждено к печати Редакцией научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. И. Трайнина*. Технический редактор *С. Г. Новикова*.

РИСО АН СССР №0-117В Сдано в набор 24/VII 1956 г. Подп. в печать 20/X 1956 г.
Формат бум. 84X108^{1/2} Печ. л. 8,75—14,30+3 вкл. Уч.-изд. лист. 15,2 Тираж 15000
Изд. № 1731 Тип. зак. № 672.

Цена 6 р. 55 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. III (Институт истории). 1955. 494 стр., 3 вкл. Ц. 19 р. 40 к. в пер.

Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. IV. (Институт истории). 1956. 432 стр., 3 вкл., Ц. 17 р. 85 к. в пер.

Михневич Д. Е. Очерки истории католической реакции (Иезуиты). Издание 2-е, исправленное и дополненное. (Научно-популярная серия). 1955. 408 стр. с илл. Ц. 7 р. 40 к.

Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. Издание 2-е, исправленное и дополненное (Институт истории). 1955. 568 стр. Ц. 24 р. 50 к. в пер.

Средние века. Сборник. Вып. IV. (Институт истории). 1953. 381 стр. Ц. 20 р. 70 к. в пер.

Средние века. Сборник. Вып. V. (Институт истории). 1954. 411 стр. Ц. 21 р. в пер.

Средние века. Сборник. Вып. VI. (Институт истории). 1955. 436 стр. Ц. 25 р. 75 к.

Средние века. Сборник. Вып. VII. (Институт истории). 1956. 406 стр. Ц. 21 р. 35 к.

**КНИГИ ПРОДАЮТСЯ В МАГАЗИНАХ
«АКАДЕМКНИГА».**

Изгородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять по адресу: Москва, ул. Куйбышева, 8, Контора «Академкнига».

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
112	1 сн.	23	123
113	20 св.	Триполни	Триполи
114	14 сн.	или	ими
115	9 сн.	Сибири	Сирии
117	7 сн.	рынках в портах	рынках, в портах
120	13 сн.	на более	наиболее
162	16 св.	адмирал	„адмирал“
163	5 сн.	Герних	Генрих
187	4 сн.	CXIV	CXLV
187	4 сн.	CXIVI	CXLVI
239	5 св.	война	волна
245	18 сн.	оно	сно